

ВЛАДИМИР

КОЗЛОВ

ГОПНИКИ

Издание книги осуществлено благодаря краудфандинговой кампании на платформе Boomstarter.

Спонсоры (в алфавитном порядке):

Денис Андронов, Александр Арапинович, Сергей Барабошкин, Александр Баулин, Павел Бельдюгов, Алексей Бражников, Антон Бузов, Владислав Гаврилов, Олег Годлевский, Дмитрий Диженин, Иван Ежов, Дмитрий Злоб, Алексей Злышко, Евгений Ижевский, Михаил Клецёв, Артем Корпачев, Александр Кустов, Андрей Лебедев, Николай Лихачев, Георгий Манаев, Михаил Манькин, Илья /eguk/ Маренин, Юлия Мишкинене, Олег Мостипан, Иван Никитин, Кирилл Осипов, Алексей Останин, Екатерина Распутина, Евгений Рожченко, Андрей Соколов, Илья Соколовский, Виктор Тройнов, Андрей Тюрин, Роман Усичук, Дмитрий Хлуденев, Сергей Храпов, Наталья Якимова.

Владимир Козлов

Г о п н и қ и
(повесть и рассказы)

Иллюстрации Григория Ющенко

© В. Козлов, 2016

© Г. Ющенко (иллюстрации), 2016

Содержание:

Каникулы	1
Друг.....	4
Гопники	11
Бергман	131
Перед экзаменами	135
Нежность	140
Колхоз	145
Крым.....	152
Порнуха.....	161
Sex and Violence.....	166
Август	172
Офис	185

Каникулы

Ура! Каникулы! Три месяца! Вчера был последний день учебы, но это даже и не учеба была. Просто приходили два плешивых дядьки и толстая тетка отбирать учеников в школу для дураков на следующий год. Спрашивали таблицу умножения, шестью восемь шестьдесят четыре (или нет?), чем отличается бык от трактора, и что тяжелее - килограмм хлеба или килограмм сахара. Но кого выбрали, они не сказали, скажут потом. А пока можно играть в футбол и в деньги и докуривать бычки и швырять камнями в поезда, чтобы разбить стекло, и отлавливать и вешать черных котов и много-много всего остального.

*

Завтра встану поздно-поздно и выйду на балкон и гляну вверх на синее-синее небо и плюну вниз на лысину соседа снизу, который делает зарядку на своем балконе, и он закричит: что это, блядь, дождь, что ли или нет?

А я побегу в туалет ссать, пожру на кухне - и на улицу, чтобы успеть залезть за яблоками в сад к Уроду, пока он не вернулся с базара. Яблоки еще зеленые и невкусные, но зато рвать их в Уродовом саду - кайф, а самый кайф - это видеть его морду потом, когда он понял, что яблок нету: все оборвали.

А потом - на карьер купаться, хоть вода там и рыже-буро-малиновая из-за химкомбината и клейзавода, на котором делают из костей удобрения, и там есть еще крысы по полметра ростом, и их можно бить палками, но сейчас как-то лень. Какие еще крысы? Не до крыс тут.

Жалко, что баб на карьере почти нет, а те, кто есть, купаться не ходят - ссыкухи. Расстелили одеяла и лежат кверху жопами. И сколько ты к ним не подходи - типа девочки, пойдемте покупаемся, - сделают колхозные рожи: мы некупаемся, и нам и здесь хорошо, типа такие примерные и целки. Но меня вы наебете, когда я срать сяду. Я про вас все уже знаю, кто с кем и когда и куда.

А после карьера пойду домой жрать, пока еще никого нет, а то начнут мне морали читать, что надо дома по вечерам сидеть, а не шляться где попало и что это у тебя за компания, и такие друзья ни к чему хорошему тебя ни приведут, и сидел бы ты лучше дома и книжки читал - вон сколько в списке литературы на лето, а ты?

Я? Что я? Я ничего, лучше бы вы мне поменьше мозги ебали, а то я вообще тогда домой жрать не пойду, украду что-нибудь в магазине.

Главное - не попасться продавщицам, а то отпиздят швабрами и сдадут ментам, а менты - вообще все козлы и шакалы, ну про них и говорить нечего.

А вечером - через забор и на дискотеку, где все свои и никто не будет доколупываться, что, типа, хули вы приперлись, малые.

Нас свои пацаны еще в том году обещали пустить на групповуху к Наташке, но потом сами не пошли, передумали, а может нас не захотели брать - типа, малые еще, рано.

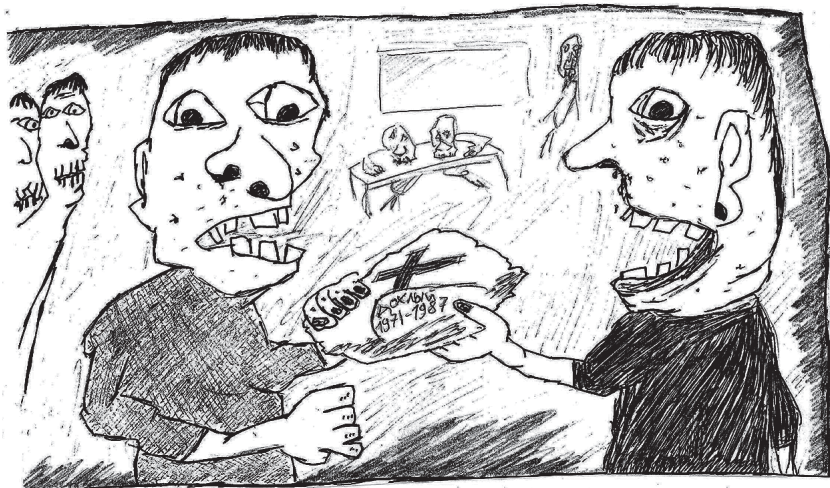
А мы ничего не малые и задирали бабам юбки после дискотеки много раз и щупали их, но бабы могут оказаться не одни, а с пацанами, и тогда надо съебывать, а то их пацаны, особо если бухие, так отработают, что потом неделю будет не до дискотек, даже драть и то не захочется. А все из-за баб, сук поганых.

Дискотека кончится, но домой идти рано – еще только двенадцать. Значит, можно еще полазить по парку, поискать, где целуются и ебутся, и вспугнуть и камнями закидать, но не дай бог нарваться на пацанов, которые одни и без баб, и потому сидят грустные и бухают.

А перед сном забегим еще раз в сад к Уроду - сказать спокойной ночи. Он сад сторожит, ходит по нему с ружьем, и мы крикнем ему: спокойной ночи, Сергей Степаныч, не засни, а то сад тебе спалим, а он закричит: уходите отсюда, мерзавцы, я шутить не буду.

И все, теперь – домой, спать. А завтра – все то же самое.

Д р у г

Я должен положительно влиять на этого придурка. "Классная" совсем одурела со своим коммунизмом. Для нее главное - "сила коллектива". Даже другие учителя над ней смеются, а завуч нам сказала по секрету, что ее последний год держат в школе. Пришли новые времена, в стране перестройка, и таким, как она, пора на пенсию.

Можно, конечно, пересесть, но она мстительная, будет потом лажать и поведение занизит, да и Быра начнет лезть: чего это ты не захотел со мной сидеть, контрольную дать списать пожадился?

До сих пор у меня с Бырой все было нормально: он никогда не приколупывался. Мы даже почти не разговаривали за те полгода, что он у нас в классе. Он тихий такой двоечник, хотя, на самом деле, хулиган еще тот: за район драться ездит, в детской комнате милиции на учете стоит.

-Ну, что, - говорит он. - Меня специально к тебе посадили, чтоб ты мне помогал, Дохлый. Так что, давай, не жмись.

Я смотрю на него: волосы жирные, немые, перхоть блестит, лицо все в шрамах от царапин. Отвратительный урод.

Я даю ему списать домашнюю по алгебре, а сам смотрю в учебник, типа повторяю. Он не разбирает мой почерк и каждую минуту переспрашивает: а это что за цифра, Дохлый, а?

Швабра собирает тетради, он еще не все дописал. Но я перед носом у Швабры захопываю тетрадь и даю ей. Он недовольно глядит на меня и тоже сует ей свою тетрадь.

На следующий день Швабра раздает тетради. Мне "пять", ему - "единица" и приписка "Если уж списывать, то хотя бы полностью".

-Откуда она знает? - психует Быра.

-Ты же перед носом у нее писал.

-Она слепая, ничего не видит.

-Ну, увидела же.

-Это все ты.

Он дает мне под партой кулаком в живот - несильно, но больно.

-Ты что?

-Ничего.

На следующем уроке, географии, никаких домашних нет. Учитель - полный дебил. Не знаю, где его нашли, в какой психбольнице, когда Иваныч по пьяни попал под машину, и ему оторвало ногу. Новый учитель все сидит за столом, смотрит в окно и рассказывает нам про то, как служил в армии в ГДР и как там было хорошо. Никто его не слушает, каждый делает, что хочет.

Мы с Бырой - на последней парте, и нам все равно ни фига не слышно, что он говорит: все болтают между собой или играют на бумаге в футбол или морской бой.

-Ты не обижайся, что я тебе ебнул на алгебре. Но ты, наверно, мне что-то не то списать дал.

-Нет, все то.

-А почему тогда "кол"?

-Она видела, что ты списал.

-Ничего она не видела, она слепая.

Некоторое время мы сидим молча.

-В футбол будешь? - спрашивает Быра.

-Нет, не хочу.

Мы вчера уже играли, и он все время мухлевал - неправильно отсчитывал клеточки для себя - больше, чем надо, а когда я говорил, что неправильно, он делал вид, что не слышит. Ненавижу, когда мухлюют.

-Если будешь мне помогать, списывать давать, будешь мой друг, - говорит Быра. - Ты можешь быть нормальным пацаном, а что отличник - это все хер-

ня. Будем с тобой бухать, и я тебя с блядьми познакомлю. Школа - говно, и учителя все - козлы. Главное - будь своим пацаном, и все будет нормально.

Дома мама говорит:

-Ты относишься к нему с предубеждением. Может быть, он хороший мальчик, хоть и хулиган. Ты ведь его не знаешь совсем. Он рос без отца, в трудной семье. Попробуй сблизиться с ним, найти точки соприкосновения. Можешь домой его пригласить.

С Бырой у нас одна точка соприкосновения - секс. Он знает про это гораздо больше меня и говорит, что у него уже было.

-Много раз, с шестого класса. А ты еще ни разу, я знаю. Но в классе почти все пацаны еще "мальчики", кроме меня и Кузнецова. Так что, не ссы.

-Нет бабы, которая не дает, есть пацан, который не умеет попросить, - объясняет мне Быра на уроке русского.

-А если целка?

-А что целка? Что, она всю жизнь целкой будет? Раньше, позже - неважно. Она тебе сегодня скажет - я не буду, потому что целка, а завтра другой хорошо попросит, и все - она больше не целка.

Быра хохочет.

-А ты когда-нибудь целку...это самое?

-Да. Один раз.

-И как?

-Обыкновенно, только море крови.

-А сколько ей лет было?

-Пятнадцать. Или четырнадцать. Не помню.

-Всего-то?

-А хули ты думал? Думаешь, у нас в классе все еще целки?

-Откуда я знаю?

-А я тебе скажу. Колдунова уже не целка и Хмельницкая.

-Откуда ты знаешь?

-Пацан один сказал. Он сам их...

-Кто?

-Не скажу.

-А ты?

-Что я?

-Ну, ты бы хотел Колдунову там или Хмельницкую?

-Ты что, дурной? В своем классе? А если привяжется потом?

Пишем контрольную по геометрии. Я уже сделал свой вариант и сейчас решаю три задания из пяти для Быры.

-Мне "пять" не надо или "четыре". Все равно не поверит, сука. Но ты мне смотри: чтоб три задания - правильно. Мне надо, чтоб "тройка" железно была.

На следующий день все, как надо: мне - "пять", Быре - "три".

-Молодец, Дохлый. Будешь нормальный пацан - научу тебя, как бабу "раскрутить". Баб кругом море. Знакомишься, хуе-мое - в кино там, мороженое, ну, само собой. Потом проводить домой, зайти в подъезд - позажиматься, пососаться. И узнать, когда никого нет дома. Лучше, конечно, если сама позовет в гости, чтобы не набиваться. Ну, а потом, само собой...

В классе мне никто не нравится, кроме Егоркиной. Она тоже отличница, но меня "не переваривает". Я уже несколько раз видел, как она разговаривает с Бырой. Какие у них могут быть общие интересы, блин? Перед историей она подходит к нашей парте, спрашивает у Быры:

-Ну, что, как насчет этого?

-Никак. Не получится.

-Жалко.

-Ну, и что, что жалко?

-Ну, ничего. Я думала, ты сможешь.

-Ладно, иди, мне надо еще историю почитать.

Она поворачивается, и он, сунув руку ей под платье, щипает ее за жопу.

-Ай. Ты что, дурной?

Она краснеет. Ей стыдно, потому что я все видел. Я размахиваюсь и бью Быру в нос. Он удивленно смотрит на меня. Остальные, кто видел, тоже. В класс входит "историчка". Из Быриной ноздри вытекает струйка крови. Он встает и выходит из класса.

-Тебе пиздец, Дохлый, - шепчет Змей - "шестерка" Быры - и хихикает. - Все, считай себя коммунистом.

Быра возвращается минут через пять. Кровь смыта, но плохо: пятно под носом осталось. Он на меня не смотрит. Вырывает из тетрадки лист, рисует на нем могилу с надписью "Дохлый 1971-1987", сует мне. Неправильно. Я 72-го года, а не 71-го. Это он 71-го, потому что сидел два года в первом классе.

Что делать? Отпроситься с урока, типа в туалет, и побежать домой? Нельзя. Все подумают, что соссал. Да и не поможет, все равно: завтра опять идти в школу. Вот, блин, влип.

От страха хочется срать. Я поднимаю руку: можно выйти? "Историца" кивает. Все смотрят на меня, кроме Быры. Он рисует в тетради автогонщиков. Он на всех уроках рисует автогонщиков или солдат.

В туалете никого. Все унитазы уже забиты говном, и я выбираю тот, который почище.

Потом долго мою руки холодной водой - горячей нет, - и они почти что синеют. Возвращаюсь в класс.

-Можно сесть?

"Историца" кивает. Все снова смотрят на меня.

Звонит звонок. Все встают, но "историца" остается сидеть. У нее, наверно, следующий урок в этом кабинете. Значит не сейчас. А когда? Выхожу в коридор. Подбегает Змей.

-Быра ждет тебя за школой, на заднем крыльце, где забитая дверь. Если не придешь, будет хуже.

Он хихикает.

Я кладу портфель на подоконник и спускаюсь на первый этаж. Выхожу на улицу. С крыши капает, и светит солнце. Но холодно: еще ведь только конец февраля.

За углом, кроме Быры, стоят человек семь пацанов, Егоркина и еще две бабы из нашего класса. Быра снимает пиджак, дает Змею. Подходит ко мне. Бьет в челюсть. В голове что-то встряхивается, и я падаю. Он ждет. Я притворяюсь, что не могу встать. Из разбитой губы на рубашку капает кровь.

-Кровь за кровь, - говорит Быра. - Мы в расчете.

Все уходят. Я встаю. Голова сначала кружится, потом перестает.

Я забираю портфель, одеваюсь в гардеробе и иду домой. Фиг с ней, с геометрией.

Дома мама спрашивает, что случилось.

-Подрался. Из-за девушки.

-Молодец. Правильно. Девушка - один из немногих достойных поводов для драки.

На следующий день иду в школу в поганейшем настроении. Мне стыдно. Но в классе никто не вспоминает про вчерашнее. С Бырой не сажусь, сажусь за пустую парту.

На перемене иду к "классной".

-Евгения Эдуардовна, я не хочу сидеть с Быркуновым.

-Почему?

-Ну, не хочу.

-Он что, к тебе пристаёт, мешает учиться?

-Ну... нет.

-А что тогда?

-Ну, не знаю... Не хочу просто.

-Володя, давай попробуем еще одну неделю. Коллектив - великая сила, и я искренне в это верю. Уже есть положительные результаты. По последней контрольной по геометрии ему "три", а до этого все время были "двойки".

Я поворачиваюсь и ухожу.

На геометрии снова сажусь один. Подходит Быра.

-Слушай, Дохлый садись к мне. Это ж твое место.

-Не хочу.

-Ну, что ты как не пацан? Ты что, со своим пацаном разосраться хочешь из-за какой-то сучки? Я, конечно, ебнул тебе, но ты ж сам первый. У меня с ней свои дела, насчет пацана одного. А ты зачем лез? Я думал, ты свой пацан, думал - ты друг будешь, а ты...

-Ладно.

Я пересаживаюсь.

На алгебре - самостоятельная работа, и я решаю за себя и за Быру.

-Молодец, - говорит он. - Свой пацан. Найду тебе бабу, с которой легко добазариться. Будешь уже не "мальчик", не то, что все эти дровичили. А ты вообще дровичить пробовал?

-Нет.

-Не верю. Все пацаны пробовали. Даже я, пока не начал с бабами.

Прихожу домой - мамы нет. Сажусь в кресло, расстегиваю брюки и дровичу, представляя себе Егоркину.

По самостоятельной мне "четыре", Быре - "три". Я сделал у себя одну ошибку. Лучше бы у него. Или нет?

Егоркина подходит к Быре и дает ему записку.

Быра читает, она ждет.

-Сегодня в семь часов, - говорит он.

Егоркина улыбается и уходит. Я ничего не спрашиваю.

На этой неделе наш класс дежурит по школе. Нас с Бырой ставят в "хорошем" коридоре: там никаких "малых", только девятый и десятый классы. Быра все время рисует в своей тетрадке, положив ее на подоконник. Рисовать он не умеет вообще, и все получается уродливо и непохоже, но самому ему нравится, и я тоже говорю, что классно получилось, если он спрашивает.

Подходят двое десятиклассников - Вова-Таракан и Гриша-Туз.

-Слушай, малый, дай двадцать копеек, - говорит мне Таракан.

-У меня нет.

-Таракан, не лезь к нему, - Быра отрывается от своей тетрадки.

-Ты что-то сказал? Повтори.

-Не лезь к нему.

-Это что, твой друг?

-А если и друг.

-Слушай, Туз, Быра давно уже нарывается. Пора ему по рылу насовать. Как ты?

-Вообще, можно. Нет, давай лучше не так сделаем. Вот, ты говоришь - это твой друг. Если ты ему ебнешь, мы тебя прощаем. А если нет, то вдвоем отработаем. Ну, как?

Быра тупо смотрит на меня.

Таракан хватается меня за пиджак.

-Я этого держу, чтоб не съебался.

-Ну, что? - спрашивает Туз у Быры.

Быра идет ко мне. Я жду, что он ударит как будто сильно, а на самом деле тихонько, а я притворюсь, типа сильно. Я так делал классе в пятом, когда у нас учился Гриб - его потом в спецшколу забрали. Он был самый сильный и мог к любым двоим пацанам подойти и сказать: "Вот ты ебни его, а то я тебя". Все боялись Гриба, и некоторые били по-настоящему, а я нет, чтобы потом, когда случится наоборот, тот, другой, тоже не ударил бы со всей силы.

Быра бьет по-настоящему и прямо в "солнышко". Таракан отпускает мой воротник. Они уходят. Быра сует свою тетрадку в сумку и тоже уходит. Я сижу на корточках, потом приседаю несколько раз, как говорили пацаны, и иду в класс. Сажусь один.

На следующий день - первой марта. Все серо. Тает. Первый урок - история. До звонка минут пять. Подхожу к Быре. Он смотрит на меня. Я улыбаюсь.

-Привет.

-Привет.

Гопники

Я, Вэк, Бык и Клок сидим на скамейке под навесом остановки. Много раз перекрашенная фанерная стенка в нескольких местах проломана - это пацаны "показывали каратэ", - и на ней нацарапано "Рабочий - сила" и "Быра урод".

Мы курим и плюем под ноги. Под скамейкой уже целая лужа слюней.

Откуда-то выползает Жора. Это - старый дурной алкаш, он лазит по району и собирает бутылки.

-Жора, смотри - бутылка, - кричит ему Вэк.

Под нашей скамейкой и правда валяется бутылка из-под пива. Вэк перед этим бросил туда бычок, а потом пустил сопли. Жора наклоняется, и Вэк несильно бьет его по жопе. Мы смеемся.

Жора оборачивается.

-Ты фашист.

-Сам ты фашист.

-Нет, это ты фашист. Ты... ты... ты меня обидел.

-Лучше вали, пока по ебалу не получил. Что, отпиздим Жору? - Вэк смотрит на нас.

-Давай, - говорю я, хоть особой охоты и нет, просто надоело сидеть. Скучно.

Жора хочет съебаться, но видит, что поздно. Стоит и ждет, что будет. Из ноздри свисает сопля.

-Может, не будем? Ну его на хер, - говорит Бык.

Вэк не слушает, хватается Жору за куртку и бьет ему в нос, потом еще. Голова Жоры мотается, как мяч. Из носа течет кровь. Несколько теток и малых пацанов отходят подальше от нас. Вэк отпускает Жору, и он падает. Мы с Клоком начинаем молотить его ногами. Жора пищит, как поросенок.

-Давай обоссим его, - говорит Вэк.

Я задираю куртку и расстегиваю ширинку.

-Смотри, там - бабы, - говорит Клок.

-По хую.

Моя струя льется Жоре прямо на морду, он что-то шамкает разбитыми губами. Вэк тоже ссыт на него.

-Что вы делаете, гады? - орет какая-то тетка.

-Ничего.

-Я сейчас милицию позову.

-Зови.

Тетка поворачивается и идет в сторону ментовки - это рядом.

-Надо съябывать, - говорит Клок.

Мы застегиваем штаны.

-Зря вы его. - говорит Бык. - Нахуя ебанутих трогать?

*

Наша классная - Сухая - оставляет меня после уроков, чтобы выебать мозги.

-Можешь ведь учиться, но не хочешь. Ты - паразит на теле Советской власти, которая семьдесят лет тебя кормит и одевает. Но для тебя еще не все потеряно. Ты еще только в восьмом классе. Пойми, ты мог бы хо-

рошо закончить школу, поступить в институт, стать инженером. Зачем тебе эта компания двоечников? По ним ведь давно тюрьма плачет, а ты сын нормальных родителей.

Меня заебали ее гнилые базары. Я иду к двери. Сухая загораживает дорогу.

-Нет, я еще не все сказала.

Я обхожу ее, открываю дверь и захлопываю у Сухой перед носом.

*

Сидим на остановке.

-Э, Бык, ебаться хочешь? - спрашивает Вэк.

-Отъебись.

-Не, скажи, хочешь или нет?

-Счас ебну.

-Чего ссышь? Скажи.

-Не хочу.

-Что, жопа болит, а?

Мы все ржем. Бык несильно бьет Вэка в "солнышко". Они начинают махать, но в шутку, не по-настоящему.

Потом Вэк спрашивает меня:

-А ты хочешь ебаться?

-Хочу.

-Ну, иди тогда жопу помой.

Теперь уже они с Быком ржут, как гондоны.

-А ты хочешь, Вэк? - спрашиваю я.

-Ебать хочу, ебаться не хочу. Понял?

Прибегают четверо малолеток - лет по двенадцать. У них разборки между собой. Трое начинают молотить четвертого. Он падает, и его стелят ногами.

Вэк подходит к ним:

-Э, э, э, что такое? - он говорит, типа сраный учитель или мент. Пацаны останавливаются.

-Заложил, - говорит один.

-А-а-а. Тогда слабо бьете! - Вэк дает ему ногой в живот, и пацан начина-

ет реветь на всю улицу, как будто ему отрывают яйца. - Ладно, пиздите дальше, только смотрите - здесь ментовка рядом, дружинники всякие ходят.

*

-Хутэн морхэн, - орет Тамара, учиха по немецкому. Все встают за партами.

-Зэтц ойсь. Айнэ минутэ усе видерхольт.

Тамара - толстая и вонючая, как будто только что обосралась. Она всех в школе заебала своим немецким, но все учителя и даже завуч знают, что она дурная, и боятся с ней ругаться.

Я ненавижу и немецкий и Тамару и никогда ничего не учу. Она ставит мне "три" потому что в классе есть вообще "нулевые", еще хуже меня – Бык и Клок.

-Ну, что вы, неучи, думкопфы - как гулять, так сразу, а как работать, немецкий выучить, так ни хрена? Наставлю двоек за четверть, будете потом бегать жаловаться - плохая Тамара Ивановна, а Тамара Ивановна не плохая, Тамара Ивановна хорошая, она вас, дебилов, уму-разуму учит.

Пока все листают тетрадки, я нарочно смотрю в окно. Тамара замечает.

-Гонцов, ком цу ды тафэль с домашней работой.

Я беру тетрадку и иду к ее столу.

-Где домашняя работа?

-Нету.

-Пересказывай текст.

-Не выучил.

-Зэйдысь, цвай.

*

Мама ходит туда-сюда по комнате. Я сижу за столом и смотрю в окно.

-Ну что это за наказание такое? Опять на работу звонила Вера Алексеевна. Говорила, что по немецкому двойка...

-Тамара - дура. Ты сама знаешь.

-Не смей так говорить об учительнице. Я работаю с утра до вечера за копейки - пятьдесят получки, пятьдесят аванса, - а вы этого не цените,

что ты, что он.

-Папа тоже работает.

-Замечательно. А где тогда деньги?

-Не знаю.

-Вы с ним меня в гроб загоните скоро. Что это за жизнь?

Я молчу. Она выходит из комнаты.

*

Физица заболела, и урока нет.

-Пошли погуляем, - говорит Вэк. - Все пацаны, пошлите. Хули вы тут будете сидеть?

Идем я, Бык, Быра, Клок, Кощей и Куня. Отличник Егоров и остальные "примерные" остаются в классе с бабами.

На боковом крыльце Вэк достает пачку "Столичных" и дает всем сигареты, даже Куне. Мы курим.

-Ну, что, давайте в жмурки поиграем? - спрашивает Вэк.

-Ты что, охуел, мы что - первоклассники, бля? - говорит Клок. Вэк подмигивает ему, и Клок врубается. - Хотя, вообще, ладно, давай.

-Куня, ты первый водишь, - говорит Вэк. - Давай сюда свой "пионерский хомутик". Счас глаза тебе завяжем. Короче, за школу не забегать, только до забора и турников.

Он снимает с Куни галстук - с обгрызенными концами, обрисованный ручкой - и завязывает ему глаза.

-Ну, давай, води.

Все разбегаются, кроме Вэка и Клока. Я понял, что они задумали. Рядом с крыльцом - большая, еще не высохшая куча говна. Пока Куня ходит туда-сюда, выставив руки перед собой, Вэк берет с земли палку и начинает ковырять говно. Насадить его на палку не выходит. На земле валяется чья-то тетрадка в зеленой обложке, и Вэк берет ее, подсовывает под говно, поднимает. Он идет к Куне.

Куня хватает его, кричит:

-Есть!

Вэк мажет ему говном руки и рот. Все ржут, Куня срывает галстук, плюется и плачет, размазывает по лицу слезы, слюни и говно.

-Ты теперь говном помазанный, - говорит Клок. - Самый последний.

-Он и так самый последний, а теперь вообще. - Вэк улыбается.

Куня убегает. Мы садимся на крыльцо покурить. Вэк нюхает свои пальцы.

-Бля, говном воняют. Я ж бумажкой брал...

-Ну, говно на то и говно, - говорю я. - Не трогай - вонять не будет, а раз тронул, будешь теперь ходить вонючий.

-Ладно, не пизди.

*

Мы с Вэком сидим на турниках на школьном дворе. Уже вечер. Светятся окна спортзала: там какой-то класс играет на физкультуре в волейбол.

Вэк спрашивает:

-Знаешь, какие бабы в классе уже ебались?

-Ну, Лазаренко, может быть...

-Нет, эта еще держится. А вот Анохина и Хмельницкая - эти да.

-Откуда ты знаешь?

-"Старые" пацаны рассказывали. Хмельницкая ходила с пацаном с "Пионеров". Они летом пошли в поход, бабы и пацаны, и он там ей засадил. А Анохину хором отъебали. В деревне. Она там у бабы своей была летом, и там пацаны - лет по семнадцать, местные. Они бухали, потом видят - Анохина на велике рассекает. Схватили ее - и в баню. Но у них там что-то не получилось, хотели отпустить, а там пришел еще пацан здоровый, "основа" местная, и вместе они ее протянули.

-А она что?

-Заяву написала. Сели пацаны. Суда еще не было, в октябре должен быть. А ей хули - пока была целка, такая примерная типа, а сейчас ебется с кем хочет.

-Пиздишь.

-Правда. Мне знаешь, кто говорил - Гурон, он друг Обезьяны. Они к ней на Вонючке подвалили, но не пиздили, ничего такого, все по-хорошему. Договорились - и вперед. Даже Быра к ней и то подъябывался, но она ему не даст: он такой урод.

-А ты сам - не хочешь к ней?

-Не-а. В своем классе нельзя ни с кем связываться. Привяжется - хуй потом отстанет. А вообще, все бабы - бляди и проститутки. Все хотят

ебаться. Даже Карпекина. Просто бояться еще. А после школы ебутся за всю хуйню. Особенно студентки...

-Да, говорят - студентки - самые ебливые. Вот бы снять одну...

-Хуй тебе в рот, - говорит Вэк. - Они с профессорами да с доцентами. Ты им на хер не нужен.

-А типа ты нужен.

*

Нас принимают в комсомол. Всех давно уже приняли, остались только я, Бык, Быра, Куня, Вэк и Клок - самые худшие по учебе или по поведению. Первых приняли еще в седьмом, на 23 февраля, остальных - на день рождения Лысого, на первое мая и на девятое мая.

Мы впятером и еще трое пацанов из "а" класса - мы зовем их "алкаши" - сидим в коридоре под дверью пионерской комнаты. Нам раздали потертые книжечки - устав ВЛКСМ - и сказали вызубрить про "демократический централизм".

Первым идет Вэк, минуты через три выходит.

-Ну, что?

-Заебись. Приняли.

-"Демократический централизм" спрашивали?

-Спрашивали.

-И ты рассказал?

-Ага.

Все заходят по очереди, и всех принимают. Я - последний.

За столом - мудака Неведомский из десятого "б", секретарь комитета комсомола школы, старшая пионервожатая - проститутка Элла и две десятиклассницы из комитета комсомола. Неведомский их, наверное, ебет за всю хуйню.

-Расскажи демократический централизм, - говорит одна и улыбается, потом смотрит в окно - как будто все ее заебал.

-Демократический централизм - это...

-Ладно, - говорит Неведомский. - Главное, чтобы к райкому выучил. Через неделю поедете. Все, иди.

*

Едем в райком комсомола. После второго урока нас отпустили домой "переодеться в парадную форму" - надеть белые рубашки. Пионерских галстуков мы давно не носим, вместо них - обычные. Только Куня таскает свой "хомутик".

До центра доезжаем на троллейбусе. До райкома есть еще время, и мы гуляем по городу. В киоске возле ГУМа работает мужик с отвислой губой, по ней текут слюни. Все знают, что он - дебил.

-Не продаст он тебе сигареты, - говорит Клок.

-Увидишь. Этот всем продает. Ему все до жопы - он ебанутый, - ржет Вэк.

В киоске только "Астра" и "Прима".

-Пачку "Астры", - Вэк сует в дырку жменю желтой мелочи.

Продавец медленно считает копейки, вытаскивает откуда-то пачку и дает Вэку.

-А у вас "Столичные" бывают? - спрашиваю я.

-Бывают. Когда тебя бабы ебают, - мужик ржет. Мы тоже.

-А "Космос"?

-Приведи мне бабу с длинным хуем, тогда будет тебе "Космос".

Мы все ржем, и мужик тоже. У него довольная рожа.

По коридорам райкома бегают дядьки и тетки, а на каждом этаже - портрет Лысого в ободранной рамке. Мы спрашиваем у косоглазой вахтерши с медалями на кофте, где принимают в комсомол. Она говорит, что в четыреста тридцать втором кабинете.

Под дверь уже сидят оба "алкаша".

-Ну, что? - спрашивает их Вэк.

-Ничего. Ждем.

Из кабинета выходит тетка:

-Вы из семнадцатой? Заходите по одному.

Я иду вторым, после Дрона из "а"-класса. За столом, кроме этой тетки, еще одна.

Я говорю:

-Здравствуйте.

-Здравствуй. Как фамилия?

-Гонцов.

-Демократический централизм учил?

-Учил.

Тетки смотрят друг на друга и смеются. Им до жопы и централизм, и все остальное. Думают, наверное, только про то, чтобы побухать и поблядовать.

-Школа одна из худших в районе, а как дрессировать знают, - говорит вторая тетка.

-Ладно, считай, что принят. Следующий.

-А билет?

-Билеты вам в школе выдадут. И значки тоже. Нам тут не до этого сейчас. Видишь, сколько вас? И с каждым про демократический централизм пока поговоришь...

Обе снова хохочут.

-До свидания.

Я выхожу.

*

После уроков играем на школьном дворе в футбол с седьмым "б". Они сильнее нас, хоть и младше: у них двое ходят в секцию и играли за сборную города. Мы проигрываем шесть-семь.

Их лучший игрок Дуба ставит подножку Быку. Может, случайно. Бык падает, поднимается и идет на Дубу.

-Хули ты делаешь?

-Все было чисто. Ты сам упал.

-Я тебе сейчас покажу "чисто". Ты меня сбил. Штрафной.

-Никакого штрафного. Все было по правилам.

-А если по ебальнику?

-Ну, давай, рискни.

Дуба еще и самый здоровый в своем классе, и поэтому выделяется.

-Давай "по разам", - говорит Бык.

-Давай.

Мы все обступаем их, ждем, что будет. Бык бьет Дубу ногой по яйцам.

Дуба приседает. Бык хватает его за майку, поднимает, начинает молотить по морде - раз восемь.

-Еще будешь? - спрашивает Бык.

-Нет.

Дуба с плачем уходит с поля.

-Дуба, ты что - все? - спрашивают пацаны из их класса.

-Все.

Без Дубы они у нас хуй выиграют. Я перехожу из защиты в нападение, Бык ставит на ворота Егорова и тоже идет вперед. Мы забиваем четыре гола подряд и выигрываем 10-7.

После игры все съебывают, а мы с Быком и Вэком остаемся тренироваться. Все по очереди становятся на ворота, а остальные бьют или разыгрывают комбинации. Потом залезаем на турники - покурить.

На школьный двор приходят два малых из второго класса. Оба в замызганных костюмах, грязные, воняют ссулями, один - косой, а второй пострижен налысо. Они стоят и смотрят на нас.

-Оставьте добить, - говорит косой и показывает на сигарету.

-Я счас тебя самого добью, - отвечает Клок. - Пиздуй отсюда.

-Подожди, - говорит Вэк. - Э, малый, а хочешь, я тебе три целых сигареты дам? Иди сюда, не ссы. Поговорим.

Он спрыгивает с турника, кладет малому руку на плечи, отводит его в сторону. Вэк что-то долго ему говорит, то со злобной мордой, то похорошему.

-Э, идите сюда, - кричит нам Вэк и поворачивается ко второму малому: - А ты уебывай.

Малый убегает.

Вэк ведет нас и малого в угол двора, за сарай.

-Посмотрите там, чтоб никого, - говорит он, поворачивается к малому задом и снимает штаны.

-Ну, давай, хули ждешь?

Малый нагибается и лижет ему жопу.

-Еще раз, и в самую дырку, - малый сует язык в жопу Вэка и сразу отскакивает, сплевывает на траву.

Вэк подтягивает штаны, достает из пачки три сигареты и дает малому:

-На, держи. Заработал.

Вэк лыбится. Малый берет сигареты и убегает.

-Пусть бы он лучше у тебя отсосал, а Вэк? - говорит Клок.

-На хуй надо. А вдруг у него триппер?

*

Я, Вэк и Бык курим на заднем крыльце школы. Пасмурно и холодно.

-Бля, пиздец, лето прошло, - говорит Бык.

-А ты только заметил? - Вэк хохочет. - Ну, ты и тормозной пацан.

Бык молчит. Вэк продолжает его доебывать.

-Бык, а Бык?

-Что?

-Пошли поссым.

-Иди и поссы.

-Одному неохота.

-Ладно, пошли.

-Пошли. Только я угощаю.

-Ты когда-нибудь допиздишься.

Подходит Клок.

-Ну, как тетрадка? - спрашивает Вэк.

-Классно. Особенно этот рассказ, ну... где она с обезьянами и быками.

-Сколько раз спустил, признавайся?

Вэк ржет.

-А что за тетрадка? - спрашиваю я.

-Ну, обыкновенная тетрадка. С рассказами, - отвечает Клок. - Короче, там про то, как баба ебется. И со зверями всякими тоже.

-А тетрадка твоя?

-Нет, я сам у пацана взял. А ты что, тоже хочешь подрочить? - Вэк ухмыляется.

-Не подрочить, а почитать.

-Ладно, Клок вернет - тогда я тебе дам.

-А ты вообще пробовал уже дрочить? - спрашивает у меня Бык.

-Нет.

-Не пизди. Все пацаны пробовали, - Вэк смотрел на меня, ждет, что я расколюсь. - Даже Кощей - пока операцию не сделали.

-Какую операцию? Кастрировали?

Бык ржет:

-Охуенно кастрировали. Аппендицит.

-И что, после аппендицита нельзя дрочить?

-Можно, но не сразу. А то шов разоидется. Мне говорил один мужик - ему только сделали, и он дня через два сразу на бабу полез - на медсестру, прямо в больнице. Только засадил - и сразу, говорит, блядь, что-то лопнуло. Думал, хуй оторвался, а это шов разошелся.

-Пиздит он.

-Не-а, это правда. Ладно, ты лучше колись, не верю, что не пробовал дрочить.

-Можешь не верить. Пошел на хуй.

-Сам пошел. А то бы дал тебе картинок.

-Каких картинок?

-Голых баб.

-Покажи.

-Зачем тебе, если ты не дрочишь?

-Так, посмотреть.

-Ладно, смотри.

Он достает из кармана фотографии по размеру карт - это и есть карты, только перефотографированные. На одной баба стоит на коленях, раком, оттопырив жопу так, чтобы была видна дырка и черные волосы вокруг нее.

-Заебись, правда? - спрашивает Бык. - Сразу встает. Дать тебе до завтра, лысого погонять?

-Это у тебя, наверное, лысый, а у меня все в порядке.

-Ладно. Не хочешь, как хочешь.

Он прячет карты.

-Обезьяну знаете? - говорит Вэк. - Ну, пацан из "основных". Так ебется, что скоро импотентом станет.

-А что это? - спрашивает Бык.

-А ты что, не знаешь?

-Не-а.

-А ты знаешь? - спрашивает Вэк у меня.

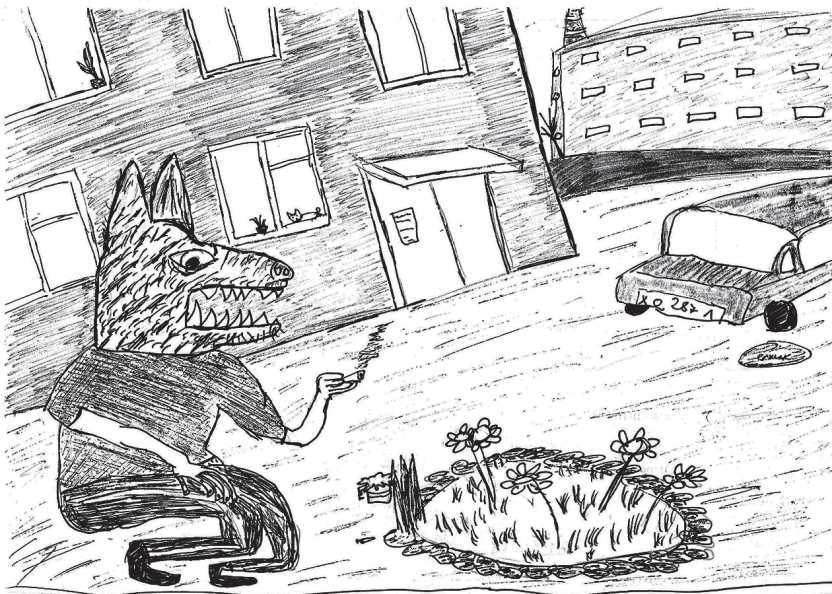
-Знаю.

-Ну, что это?

-Это у кого не стоит.

-Слушай, а что будет, если баба поебется с быком, кто у нее потом родится? - спрашивает Клок.

-Голова от быка, остальное - как обычно, - говорит Вэк. - Мне говорили, на "Пионерах" живет один пацан с головой от собаки, но его никто не видел.

*

Перед физкультурой переодеваемся в спортивную форму. В раздевалке воняет потом, резиной, грязными носками и трусами. Вэк снимает штаны, остается в темно-синих семейных трусах. Спереди на них белые пятна засохшей малофьи.

-Кого это ты ебал? - спрашиваю я, хоть и так понятно, что никого: просто дрович.

-Как кого? Кощя.

Все ржут. Кощей делает свирепую рожу, как будто сейчас кинется на Вэка, но все знают, что не кинется. Вэк - один из самых здоровых в классе, подтягивается пятнадцать раз и поднимает гирию на шестнадцать килограммов восемь раз.

Чтобы подоебывать Кощя, Вэк вынимает свой хуй - а он у него большой - и проводит им по штанам Кощя.

-Не ссы, Кощей, - говорит Быра. - Он же в трусы спускал.

Все ржут.

Кощей хватает свои шмотки и выходит из раздевалки.

-Быра, мне сказали, у тебя маленький хуй, - говорит Вэк. - Покажи-ка нам свой "корень жизни".

Быра делает напряженную морду и продолжает расстегивать голубую рубашку.

-Что, ссышь?

-Просто ему стыдно показать своего лысого и маленького, - ржет Вэк.

Быра краснеет.

-Ну что, слабо показать свой такой вот? - Вэк разводит руки далеко в стороны.

-Если б у Быры был хуй по колено, он носил бы безразмерные трусы, - хохочет Клок.

-Ну, ладно, давай покажу, но только Вэку.

Вэк с Бырой отходят в угол раздевалки, спинами к остальным, и Быра оттягивает резинку трусов.

-Ну, какой у него? - спрашивает Бык.

-Обыкновенный, не маленький, - отвечает Вэк. - Но почти лысый. Дадим на рассуаду, а?

*

На геометрии кто-то стучит в дверь класса.

-Быркина можно на минутку?

Это мамаша Быры, сильно накрашенная тетка. Она работает в школе завхозом.

-Да, но только на минутку. Мы разбираем сложную теорему, и он не поймет, если пропустит объяснение, - говорит Швабра, как будто верит что debil-Быра может понять хоть одну теорему.

Быра медленно встает со своей первой парты, идет к двери.

-Счас получит Быра пизды, - негромко говорит Вэк.

Некоторые хохочут.

-Тихо, ребята, - говорит Швабра. - Не надо отвлекаться.

Я прислушиваюсь к разговору за дверью: мне все слышно.

-Меня опять твоя классная вызвала. Двойки, поведение неуд. Ты, что, забыл, что ты мне обещал?

Потом бабах и плёск и еще бабах. Ай, блядь. Я тебе дам, блядь. Хули ты не учишься?

Бабах, плёск, бабах.

Клок поворачивается ко мне.

-А Бырина мамаша ничего. Вот ее бы выебать.

Карпекина - она сидит за одной партой с Клоком - кривит губы.

-Вообще, у нее счас ебать есть. Какой-то начальник с химзавода. Я его видел, - продолжает Клок.

-А ты у Быры расспроси поподробнее. Он, наверно, каждую ночь смотрит. И дрочит.

Мы оба хохочем. Дверь открывается, входит Быра с красной мордой. Он молча идет к своей парте, садится.

*

Мы с Быком идем по его улице - грязь сплошная, никакого асфальта, как в задроченной деревне. Бык сказал: давай не пойдем на географию, ходим ко мне, пожрем. Я был не голодный, но согласился.

-Ты, наверно, минут сорок идешь до школы? - спрашиваю я.

-Ни хера. Минут двадцать. Некоторым, бля, везет: дом через дорогу.

Он имеет в виду меня.

-Зато ко мне всегда прислать могут, если вдруг не приду, а к тебе - хуй: никто не найдет, заблудится, бля.

Входим во двор. Гавкает облезлая дворняга на цепи. Мать Быка снимает с веревки заплатанный пододеяльник.

-Мам, у нас пожарть что-нибудь есть?

-Пожрать? Тебе только жрать. Я только на него работаю, а он еще дружкой водит жрать.

Она - совсем старуха, лет пятьдесят или больше.

-Я тебе говорила уже, чтобы никого не водил. Батка твой все водил друзей, все пили, пили, пока допился. Теперь ты - сначала пожрать, потом выпить, потом опохмелиться... Ладно, на кухне борщ, наливайте сами.

-А что с твоим баткой? - спрашиваю я, когда мы заходим в дом.

-Повесился. Пил две недели, не просыхал. Потом повесился на чердаке.

-Давно?

-В том году. Оно и хорошо. Если б не повесился, я бы его сам прибил. Он выебывался пьяный, лез ко мне, к мамаше.

Бык наливает нам по тарелке борща, отрезает по куску хлеба. Мы तो ропливо хлебаем борщ.

*

На остановке ко мне и Вэку подходят Клок с Быком и трое "старых" пацанов - Гриб, Обезьяна и Цыган. Гриба так зовут за толстые губы. Он раньше злился, потом привык. Обезьяна - урод и тоже раньше ненавидел свою кличку, но его все равно все так звали. А Цыган - из настоящей цыганской семьи, они живут недалеко от Быка.

-Что, малые, "капуста" есть? - спрашивает Обезьяна.

-Так, копейки.

-Ну, рубля три наберете?

-Если только два.

-Ладно, два так два. Пошлите возьмем тогда, потом к нам в "контору" бухать. Какой класс - восьмой? Пора вам уже на своем районе, как свои... Это самое, скоро на сборы будете за район ходить.

Подходим к магазину.

-Бабок мало, - говорит Обезьяна. - Надо еще стрясти.

Мы становимся у входа. Гриб - впереди, остальные - немного в стороне, но так, чтобы было видно, что он с нами.

Гриб останавливает малюго:

-Э, слышь, дай двадцать копеек.

Малый смотрит на Гриба, потом на всех нас, вытаскивает из кармана монетку, отдает Грибу, бежит в магазин.

Подходит Егоров из нашего класса.

-Дай я сам с этим побазарю, - говорит Вэк. Хочет повыделываться перед нами.

-Привет, Егоров. Дай двадцать копеек.

-Не могу. Мне не хватает.

-Дома скажешь - потерял по дороге.

-Нет, не могу.

-Ну, что-нибудь придумашь.

-Сказал же: не могу.

-Что ты с ним возишься? - Цыган подходит поближе. - Ты что, малый, пиздюлей захотел?

-Давай отпустим его, - говорит Клок. - Он с нашего класса. Отличник. Списать дает, если что.

-С вашего класса? Отличник? Ладно, пусть идет.

Цыган дает ему ногой под зад: несильно, "просто так".

Минут за десять натрясаем рубля два мелочи и подходим к очереди за "чернилом". Обезьяна видит знакомого пацана впереди, дает ему деньги.

-В очередь, - говорит какой-то мужик. Обезьяна не отвечает.

-Я кому сказал - в очередь.

Мужик - невысокий, лысый, в синей поношенной куртке.

Пацан передает Обезьяне пять бутылок "чернила". Мужик смотрит, подходит к Обезьяне.

-Ты что, самый главный здесь?

-Да.

Мужик хватает Обезьяну его за куртку. Цыган сзади бьет его ногой в бок, мужик падает. Несколько других мужиков в очереди смотрят на нас, но молча.

Мужик медленно поднимается, что-то бурчит под нос, типа "Мы еще встретимся".

*

"Контора" - в подвале пятиэтажки. В ней два старых дивана с вылезшими пружинами и несколько деревянных ящиков вместо стола. В углу, на резиновых ковриках, спизженных из спортзала школы, лежат разборные гантели, гири по шестнадцать килограммов и самодельная штанга. На стенах - фотографии Беланова, Заварова, Платини, Сократеса и группы "Модерн токинг".

-Ну, как, заебись у нас? - спрашивает Обезьяна. - Вы уже почти что свои пацаны, так что будьте как дома...

-Но не забывайте, что в гостях, - говорит Цыган и ржет, типа сказал что-то смешное.

Мы застилаем ящики газетами, Обезьяна приносит четыре немых стакана.

-Жратва от вчерашнего осталась? - спрашивает Гриб.

Обезьяна копается в углу.

-Есть еще сало и немного хлеба.

-Заебись.

Разливаем "чернило". Стаканов на всех не хватает, они достаются Обезьяне, Грибу, Цыгану и Вэку.

-А остальные - второй заход, - говорит Гриб.

-Ну, за вас, малые. Чтоб наш район всегда был самым здоровым в городе.

Они чокаются, выпивают, закусывают черствым хлебом, отламывая от буханки, и салом. Бык берет стаканы, наливает себе, мне и Клоку. Пьем, не чокаясь.

-Ну, как твой "старый", пишет? - спрашивает Цыган у Вэка.

-Редко.

-Сколько ему еще сидеть?

-Летом должен выйти.

-Если не добавят, - хохочет Цыган.

-Ты там не был, так не пизди, - говорит Гриб. - А я по малолетке протянул полтора года. В зоне не так уж хуево, только что баб нет. Зато там - закон, а тут, блядь, хуй проссышь. Коммунисты, похуисты, Горбатый. Сделали б закон, как на зоне... Ладно, пора наливать.

Тут же наливают по второй. Пьем, как и прошлый раз, по очереди. Закуска уже кончилась.

От "чернила" голова становится тяжелее, верхняя губа немеет.

-Вы, малые, уже почти что свои. - Голос у Обезьяны изменился, стал более глухим. - Так что, вам пора уже начинать за район ездить. Вообще, давно уже пора. Я вон с шестого класса ежу. Вы не ссыте. Если что, поможем там.

-По ебалу получить, - всовывается Цыган.

-Ладно, не пугай их. Свои пацаны все-таки.

-Слушайте анекдот, - говорит Гриб. - Сделали в политбюро музыкальный туалет и мужика посадили, чтоб музыку включал. Приходит Громы-

ко срать - ну, мужик ему сразу "Модерн Токинг", первый альбом. Громыко послал, потащился, выходит довольный. Потом приходит... Ну, как его...

-Черненко, - подсказывает Цыган.

-Какой на хуй Черненко? Этот умер давно - хуесос паршивый. А, вспомнил. Рыжков! Ну, мужик ему "Джой" заделал - Рыжков послал, тоже довольный выходит. Потом приходит Горбатый. Мужик думает - а что ему поставить? И поставил ему гимн Советского Союза. Выходит Горбатый злой весь, а мужик спрашивает - что такое, Михаил Сергеевич? А Горбатый ему и говорит: пошел ты на хуй, мудака. Я из-за тебя первый раз в жизни стоя послал.

Все смеются, кроме Быка.

-Ну, вы ему скажите следующий раз, когда смеяться надо, - говорит Гриб.

Разливаем и допиваем оставшееся "чернило".

-Ну, короче, вы поняли, - говорит Обезьяна. - Готовьтесь на сбор. И когда "капуста" есть, приходите сюда: бухнем.

*

Я, Вэк, Клок и Куня пришли на физкультуру раньше всех. Мы стоим в "предбаннике", где двери в спортзал - в нашу и женскую раздевалки. Куня никогда не переодевается на физкультуру в раздевалке - боится, что сделаю темную. У него под школьной формой всегда, даже в мае, надет облезлый синий спортивный костюм, и он просто снимает пиджак, рубашку и штаны и бросает на подоконник в "предбаннике". Иногда это его не спасает: все равно затаскивают в раздевалку и мучают.

Дверь женской раздевалки приоткрыта: еще никто не пришел. Вэк выглядывает из двери и говорит нам:

-Жупченко идет. Давай ее защупаем, пока никого нет. Куня, на шухер.

Куня выходит из "предбанника" в коридор. Входит Жупченко - некрасивая, толстая, в тапках со стоптанными задниками и спортивных штанах под платьем. Она идет мимо нас к своей раздевалке, заглядывает. Вэк подходит к ней сзади, хватает за жопу.

-Э, ты что, сдурел? - Она оборачивается.

Мы с Клоком подсказываем и все вместе волочем ее в раздевалку. Жупченко брыкается и орет. Вэк двумя руками держит ее за сиськи, я тоже стараюсь схватиться, но не получается, потому что и Клок сует руки, и мы мешаем друг другу. Тогда я задираю ей платье, чтобы залезть в трусы. Она орет еще громче, но моя рука уже у нее в трусах, и я трогаю пизду - сначала волосы, а потом что-то мягкое.

Куня орет:

-Лиза.

Мы выскакиваем из женской раздевалки в свою. Жупченко успевает дать мне оплеуху.

В нашей раздевалке я спрашиваю Вэка:

-А она не заложит?

Он хохочет:

-Ну, и что она скажет? Меня пацаны зажимали? За сиськи щупали?

Мы с Клоком тоже хохочем.

Потом я иду в туалет. На этом этаже рядом с нашим и бабским есть специальный, учительский. Он открыт. Я захожу в него и закрываюсь изнутри. Я нюхаю пальцы, которыми трогал Жупченко. Запах немного похож на мазь Вишневского, которой мне мазали нарыв на плече. Или это и была мазь Вишневского, у нее, там? У меня встает, и я начинаю дрочить. Получается очень быстро, и малофья брызгает прямо на стену. Я вытираю хуй носовым платком и выхожу. Возле двери стоит молодая учительница, из первого или второго класса.

-Ты что, не знаешь, что это учительский туалет? - спрашивает она.

Я молча прохожу мимо нее и думаю - интересно, заметит она соплю малофьи на стене или нет?

*

Всех пацанов забрали с уроков и повезли в военкомат - проходить медкомиссию. Мы стоим в коридоре в очереди к психиатру: все в трусах и с медицинскими картами. Дверь в кабинет открыта, и слышно, как врача спрашивает у Быка:

-Что тяжелее, килограмм железа или килограмм ваты?

-Железа.

-Почему?

-Ну, железо тяжелее ваты.

-А сколько будет пятью девять?

-Сорок пять.

-А шестью восемь?

-Сорок восемь.

-А семью девять?

-Шестьдесят четыре... Нет, шестьдесят пять...

-Ладно, можешь идти.

Она что-то пишет в его карте. Покрасневший от натуги Бык выходит из кабинета, заходит Клок.

-Что, засадила тебя на таблице умножения? - спрашивает Вэк. - Покажи, что она написала - умственно отсталый?

Мы все смеемся, даже Куня - в "семейных" трусах на два размера больше, чем надо, тощий, бледный, с синяками на плечах.

-А ты хули смеешься? - Бык бьет его кулаком в живот. Куня приседает, начинает плакать.

-Мальчики, потише, - говорит врачаха. - Вы же мешаете мне работать. Ведите себя, как следует.

*

-Деньги есть? - спрашивает у меня Клок после третьего урока.

-Рубль.

-А дома кто?

-Никого.

-Пошли на "точку", купим вина, а потом бухнем у тебя.

-Давай. А геометрия?

-Ну ее на хуй. Не пойдем.

-Ладно.

Забираем куртки в гардеробе и идем сначала в пятиэтажку рядом с моей. Между первым и вторым этажом - вся стена в надписях: "Пять лет прошло - немалый срок, вставай за хэви-метал рок", Ассерт, HMR, AC/DC.

-Что это за "металлисты" такие? - спрашиваю я.

-Не знаю. А тебе что, "металл" нравится?

-Нет.

-И мне нет. Ненавижу весь рок, особенно тяжелый.

Клок звонит в обитую дерматином дверь на третьем этаже. Открывает тетка с седыми растрепанными волосами, в синем грязном халате, под ним - ночная рубашка.

-Одну "чернила". - Клок дает ей деньги.

Тетка уходит и приносит бутылку "Агдама". Я сую ее в сумку, между учебниками и тетрадами. Мы выходим на улицу.

-А где она берет "чернило"? - спрашиваю я.

-В винно-водочном. Она там всех знает, раньше работала, пока не поперли за пьянку. Дает им рублей двадцать или пятьдесят в месяц.

-А проверки там разные?

-Хули проверки? Дадут проверяющему бутылку шампанского и коньяка - и все заебись.

*

Мы курим на крыльце школы, прямо под окнами директорского кабинета. Выскакивает Гнус - директор. Все успевают затушить сигареты, кроме Вэка. Он особо и не торопится.

-А ну-ка пошли со мной, - говорит ему Гнус.

Вэк нагло улыбается, делает затыжку и бросает бычок под ноги.

-А ну-ка подбери.

Вэк медленно, как старый дед, нагибается и берет бычок двумя пальцами.

-Теперь положи в урну - и со мной.

Вэк возвращается минут через пятнадцать. Мы все это время ждем за углом.

-Ну, что?

-Ничего. Гнус совсем оборзел. Надо ему ебальник разрисовать.

-Что, пиздил тебя? - спрашивает Бык.

-Да.

-По морде?

-По морде и в живот. Потом вытащил ключи и начал сюда совать, типа мучить, - он показывает пальцами под подбородком.

-Ему самому так делали, наверно, - говорю я. - Он же в интернате учился.

-Откуда ты знаешь?

-Так, кто-то говорил.

Я не хочу говорить, что про это мне рассказала мама.

-Ну, что? Отпиздим Гнуса? - Вэк смотрит на всех так, типа все соссали и только один он смелый.

-А если ментам сдаст? - спрашивает Бык.

-А как он узнает, кто? Мы вечером, когда темно. И переоденемся, чтобы не узнал. Накинем мешок на голову, насуем и съедемся.

*

Гнус - в шубе из искусственного меха, черной кроличьей шапке и с обшарпанным дипломатом - идет от школы к остановке.

Мы втроем - я, Вэк и Бык - выскакиваем из-за деревьев, сбиваем Гнуса с ног. Дипломат отлетает метров на пять. У всех у нас шапки натянуты до подбородка, чтобы не было видно лиц. Я надеваю Гнусу на голову мешок, и мы втроем начинаем пинать его ногами, стараясь попасть по морде, по яйцам или в живот.

-А-а-а! Помогите! Милиция! - орет Гнус.

Народу вокруг нет, но все равно надо съябывать. Я дергаю Быка за рукав - мы договорились не разговаривать, чтобы Гнус не узнал по голосам. Бык толкает Вэка, и мы съябываем.

*

На следующий день я и Вэк курим на заднем крыльце. Гнус идет от остановки. В черных очках. Вэк улыбается.

-Значит, наставили Гнусу "фиников", раз очки одел, да?

-А если узнает?

-Не ссы, не узнает. Ладно, все это херня. Сегодня дискотека в "тресте". Будет большой сбор. Я пойду, а ты?

-Не знаю.

-Поехали, надо начинать за район лазить. А то познакомишься с бабой, и что ты ей скажешь? Что ты на своем районе "нулевой"? Что за район не ходишь? Что в "основе" друзей нет?

-Ладно.

-Надо Быку сказать и Клоку. Быру позовем?

-Давай позовем. Думаешь - он поедет?

*

Вечером на остановке собирается человек пятьдесят пацанов - от восьмиклассников до "старых": по восемнадцать и больше.

-Короче, едем до площади Орджоникидзе, потом пешком к "тресту", - говорит Обезьяна. - Не разделяемся, все вместе.

В троллейбусе становимся сзади, а кто не поместился, толпятся в проходах. Цыган громко пердит и орет:

-Пожар!

Остальные тоже пердят. Какая-то тетка на сиденье зажимает нос.

Мы все закуриваем. Народа, кроме нас, в троллейбусе мало. Некоторые оборачиваются, но рыпаться боятся.

-Слушайте анекдот, - говорит Цыган. - Короче, приехал Горбачев в гости к Рейгану, и идут они по городу. Рейган все ему показывает, хуе-мое. Тут негритос какой-то стоит, жвачку жует, потом выплюнул, а Рейган ее - в карман. Горбачев спрашивает - нахуя? А Рейган говорит - мы их на гондоны переделываем и к вам отправляем. Потом Рейган приехал к Горбачеву, ну и то же самое, короче. Ходят они, смотрят. Под кустом мужик с бабой ебутся, мужик гондон выбросил, а Горбачев поднял - и в карман. Рейган, типа, спрашивает - зачем? Как зачем, мы их на жвачки переделываем и к вам в Америку отправляем.

Все опять хохочут, кроме Быка. Он смотрит на остальных, потом тоже смеется.

-Ну что, боишься? - спрашивает у меня Клок.

-Ну, так. Первый раз все-таки.

-Не ссы. Надо же начинать. А ты, Вэк, боишься?

-Пошел ты в пизду.

-Сам пошел.

Всей толпой вываливаем из троллейбуса, идем к "тресту". На площади перед "трестом" уже стоит банда - человек пятьдесят.

-Это "пионеры", - говорит Обезьяна. - Готовьтесь. Будем пиздиться.

Мы идем прямо на них и орем: "Ну, что, готовьтесь", "Счас вам пиздец", "Пионеры-хуесосы".

Подходим близко - и начинается "мочилово". Мне кто-то бьет ногой по почкам, я падаю и получаю еще раз - несильно - по спине. Вскрываю на ноги и начинаю "махаться" с каким-то маленьким толстым "пионером". Рядом Вэк ногами добивает другого "пионера" - его сбил с ног Цыган. На Клока напали сразу двое, и он отмахивается от них.

-Менты! - кричит кто-то.

Визжит сирена.

-Все, мир! - орет Обезьяна. - Стелим ментов!

-Хорошо, ладно! - говорит высокий здоровый пацан-"пионер", их "основа".

Менты выскакивают из "бобика". Один орет:

-Ну-ка, быстро разойтись, что такое?

-Сзади заходите! Окружаем ментов! - кричит Обезьяна.

К "бобик" со всех сторон бегут пацаны. Мент тянется к кобуре, потом убирает руку и лезет обратно в машину. За дверь уже схватились, не дают ему ее закрыть.

-Заводи, еб твою мать! - кричит мент. - А ты вызывай подкрепление!

Водитель пытается завестись. Дверь отламывается, руки тянутся к менту. Он выхватывает пистолет и направляет на нас.

-Назад, блядь, пидарасы. Убью на хуй!

-Ни хуя себе, а я думал, у него там тряпки, - говорит Цыган. Видно, что он на самом деле удивлен.

Толпа отступает.

-Заводи ты, еб твою мать!

"Бобик" заводится, но ехать некуда - со всех сторон машину окружает толпа пацанов. "Пионеры" перемешались в ней с нашими - "рабочими".

-Бей им окна, блядь! - орет Обезьяна.

-Я тебе разобью счас. Хуярь по толпе, дави их на хуй! - говорит мент водиле.

"Бобик" трогается. Несколько человек выскакивают прямо из-под ко-

лес. Со всех сторон по машине молотят кулаками и ногами, стекло в боковой двери разбивается.

-Вам пиздец! - кричит мент.

Мы хохочем. Машина вырывается из толпы, несколько человек бегут за ней.

-Ладно, до следующего раза, - говорит "пионерский" основа Обезьяне.

-До следующего.

*

-Ну, бля, класс! - говорит Вэк. - Заебись ментов поугали. И "пионеров" тоже.

Мы едем в троллейбусе. Многие пацаны еще остались в городе - "поснимать" баб или просто погулять, а мы втроем едем домой, потому что Быку надо дома быть к девяти.

-Я ему прямого - он на жопу. Тогда я ногами начинаю стелить - по морде ему и в нос - пусть знает, как на Рабочий залупаться.

-Лежачего нельзя бить, - говорит Бык. - Некрасиво.

-Не пизди. Это тебе не дома, это за свой район. Он упал - если не добить, кого-нибудь за ногу схватит - и сразу "постилка".

-Все равно так нельзя. Некрасиво.

-Да не пизди ты. Красиво, некрасиво...

-А Быра хули не пришел? - спрашиваю я.

-А это ты у него спроси, - отвечает Вэк. - Может, соссал.

Выходим из троллейбуса.

На остановке стоит малый из нашей школы - учится классе в шестом, наверное.

-Счас я с ним поговорю, - говорит Вэк.

-Да ладно, не трогай его, - Бык хочет схватить Вэка за руку, Вэк увертывается.

-Малый, привет. Дай-ка копеек.

-Нету.

-А если найду?

-А где ты найдешь, если у меня их нету?

-Малый, ты много на себя берешь. Я могу и не понять.

Малый смотрит на Вэка, но не испуганно, а злобно. Видно, он пацан заебистый.

-Малый, ты чего-то не понял?

-Отстань.

-Что? - Вэк бьет его кулаком в нос. Капля крови вытекает у малого из ноздри и падает на его светлую куртку. Вэк дергает его за руку, сбивает с ног. Малый плачет. Вэк бьет его ногой в живот и отходит.

-Зря ты его, - говорит Бык. - Он тебе ничего не сделал. Тем более, свой малый со своего района.

-Что ты мне целый день мозги ебешь? - кричит Вэк. - Счас тебе точно въебу.

-Попробуй.

-И попробую.

-Ладно, успокойтесь, - говорю я и встаю между ними.

Они злобно смотрят друг на друга.

*

На "трудах" работаем в слесарной мастерской: выпиливаем самопальные гаечные ключи, которые Клим - учитель - потом продаст автопарку. Он говорит, что за эти деньги ученики будут ездить на экскурсии, но до сих пор никто еще никуда не съездил.

Как обычно, Клим, дает задание и уходит в свой кабинет.

-Начинай! - кричит Вэк.

Все хватают напильники и молотят ими по верстакам.

Вбегает Клим - маленький, толстый и лысый.

-Вы что, охуели, блядь? Класс идиотов!

В руке у него резиновая дубинка - "палочка-выручалочка": вроде ментовской, только помягче. Клим бьет ей по голове первого попавшегося - Быру. Остальные хохочут и перестают стучать.

-Все. Не занимайтесь хуйней. Работайте.

Клим выходит.

-Хули ты смеялся? - Быра поворачивается к Куне.

-Все смеялись.

-Мало ли, что все? А ты хули смеялся?

-Ладно, не трогай его, - говорит Бык. - Все смеялись.

-А ты не пизди.

-Что?

-Что слышал.

-Э, Быра, ты что, охуел?

-Быра, пойдешь с Быком "по разам"? - спрашивает Вэк.

Бык подходит к Быриному верстаку. Все остальные смотрят на них.

-Ну, что, будешь? - снова спрашивает Вэк.

-Нет, не сегодня. Голова болит.

-Соссал! - кричит Вэк. - Все слышали? Быра с Быком соссал "по разам".

-Ничего я не соссал.

Быра неожиданно дает прямого Быку в нос, хочет добавить, но Бык увертывается. Оба выскакивают в проход между верстаками.

-Куня, на шухер! - командует Вэк.

Куня бежит к дверям.

Бык с Бырой махаются на равных. Бык немного выше и чаще бьет ногами. Быра хватает его за ногу и хочет повалить, но Бык несколько раз молотит его по морде. Быра отпускает ногу, останавливается.

-Ну, что? - спрашивает Вэк. - Еще будешь?

-Нет.

-Молодец, Бык, - говорит Вэк и хлопает его по плечу.

Быра выходит из мастерской.

На втором уроке, после перемены, Куня обзывается на Кощея. Они - самые дохлые в классе - Куня последний, а Кощей предпоследний, но Кощей трогают меньше, потому что он псих и может как нечего делать вьебать молотком или стулом по голове. Его старший брат тоже псих. Он отсидел по два года в первом, втором и третьем классе и пошел в армию после восьмого. Куня никогда ни на кого не обзывается, кроме Кощея: остальных он боится.

Кощей берет молоток и замахивается на Куню. Все перестают работать и смотрят, что будет.

-Ебни ему, Кощей, - говорит Вэк.

Кощей бьет Куню молотком по голове. В мастерской тихо, и слышно, как что-то хрустит.

У Куни течет кровь, он падает. Кощей бьет еще два раза и опускает молоток. Его морда становится белой, как огрызок мела у Клим на столе. Он, наверное, сам неслабо соссал.

Бык подходит к нему, вырывает молоток. Кощей не сопротивляется.

В мастерской воняет говном.

-Смотрите, Кощей обосрался, - говорит Быра.

Входит Клим.

-Почему не работаете? Что за хуйня?

Он замечает Куню.

-Что с ним?

-Поскользнулся, и на него сверху молоток упал. И напильник.

-Вы что, охуели? Скорую вызывать. Скорей. Егоров, Беги в канцелярию, звони.

-Он что, еще и обосрался? - Клим нюхает воздух.

-Не, это Кощей обосрался, - говорит Вэк. - Его в столовой отравили.

-Ну-ка домой, обмываться.

Кощей выбегает из мастерской.

-А остальные работать - хули вы стоите?

*

Курим в туалете. Начались морозы, и на крыльце уже особо не покуришь. Бык одновременно срет, а я и Вэк читаем надписи на стенах.

- "Лена Стоянова еще девочка. Кот", - читает Вэк. - Ну, это он, наверное, ее и ебал.

Кот на год старше нас и с этого года учится в тридцать втором "училе", а Стоянова раньше была с ним в одном классе, сейчас - в девятом. Ничего "пила", за ней многие бегают.

В туалет заходит малый - класс четвертый или пятый. У самых малых - свой туалет на первом этаже. Он смотрит на нас, начинает расстегивать ширинку. Бык вытирает жопу тетрадным листом в клеточку.

-Ты, что, малый, в школу ссать ходишь? - спрашивает Вэк.

Малый повернулся и смотрит на него. Ясно, что он соссал.

-А нахуя ты тогда ссышь здесь? - Вэк хохочет.

Он кладет сигарету на подоконник, расстегивает штаны. Малый уже

поссал и застегивает ширинку. Вэк подходит к нему сзади и ссыт малому на штаны. На синей ткани остаются темные пятна. Малый плачет, идет к двери.

-Куда? - говорит Вэк. - Ты еще не покурил. Он берет с подоконника свою сигарету, затягивается, выпускает дым прямо на малого, потом еще.

-Теперь можешь идти.

Малый выскакивает из туалета.

-Зря ты его обоссал, Вэк, - говорит Бык. - Ну, обдуть дымом - ладно, а обоссывать нахуя?

-Нахуя ты его защищаешь? - говорит Вэк. - Он что, твой брат или друг?

-Не, так просто.

*

В гардеробе к нам с Вэком подходит Быра.

-Слышь, пошлите сегодня ко мне, у меня самогонка есть.

-А дома кто? - спрашивает Вэк?

-Только баба. Но она мешать не будет.

-Ладно.

Одеваемся, идем к его пятиэтажке рядом со школой.

Быра отмыкает дверь.

-Это ты, Сярхей? - спрашивает баба,

-Да, я. Тихо ты.

Мы заходим в узкую прихожую. Воняет гуталином и пылью.

-Пошли на кухню.

Быра достает заткнутую газетой зеленую бутылку 0,7 мутной самогонки, кусок сала, полбулки хлеба и три соленых огурца.

-Сярхей, а кто это с тобой?

-Тихо ты. Кто надо. Не мешай.

Быра закрывает кухонную дверь.

-Она заебала уже. Мамаша ее прописала, чтобы двухкомнатную получить. У нее раньше дом в деревне был. Продали. Гарнитур мамаша купила. Польский.

Быра разливает самогонку по стаканам, нарезает хлеб и сало.

-Ну, будем, - говорит Вэк.

Мы чокаемся, выпиваем.

-Ты что, правда, Анохину выебал? - спрашивает Вэк.

-Да, три раза. Летом еще.

-Где?

-Да здесь.

-А баба?

-А хули баба? Сидела в своей комнате.

-Может, еще скажешь, Анохина целка была?

-Нет, не целка.

-И как все было?

-Ну, как. Пришли, ебанули, музон там, хуе-мое... Посасались, потом она разделась.

-А как ты раскрутил ее?

-Говорю - пошли музон послушаем, у меня темы классные есть.

-А она?

-Давай, пошли.

-А что сейчас?

-Что сейчас?

-Больше не дает?

-Если захочу, то даст.

В кухню входит Бырина баба. Она в деревенском разноцветном платке.

-Ай-яй-яй. Такие маладыя - и уже пьют.

-Иди отсюда, не мешай.

-Усе матке скажу.

-Ну, скажи.

-А мне можно? Тридцать капель?

-Можно, только уходи потом отсюда.

Быра наливает ей в свой стакан самогонки, отрезает хлеба и сала.

-Ну, спасибо, унучык. -Баба выпивает самогонку, жрет хлеб и сало.

-Все, теперь иди.

Баба выходит.

Быра наливает всем по второй. Выпиваем.

-А ты не пиздишь? - спрашивает Вэк.

-Про что?

-Насчет Анохиной. А если мы у нее спросим?

-Ну, спрашивай.

-Алкоголики, еб вашу мать, - слышится голос бабы из комнаты. - Ня вучацца, а только пьют. Алкоголики, пьяницы.

-Заткнись, - кричит ей Быра.

-А ты на миня ня крычи. Мой дом продали - это счас мой дом.

-Заткнись ты, сука.

-А ты так со мной не разговарывай. Гауно ты яцо.

-Ты счас допиздишься.

-А ты не пугай бабу старую.

-Не, я счас встану - и пиздец тебе.

-А я тебя не боюсь.

-Ну, все. Счас тебе пизда будет.

Быра вскакивает, выбегает из кухни. Слышно, как он дает своей бабе оплеухи, потом опять заходит на кухню.

-Ну, давайте допьем.

Он разливает остаток самогонки. Мы допиваем.

-Ну, так что насчет Анохиной? Давай поспорим, что ты ее не ебал?

-Зачем мне с тобой спорить?

-Значит, пиздишь.

-Нет.

-Ладно, кончай приебываться, - говорю я. Не хватало еще, чтобы они тут драку устроили. - Ебал, не ебал - тебе какая разница?

*

Наталья, учиха по рус-лит, злится с самого начала урока.

-Наверное, муж недоебал, - шепчет мне Бык.

-Ну, ты бы помог, - отвечаю я.

Про нее много пиздят насчет ебли. Она еще молодая по сравнению с остальными - лет двадцать семь или двадцать восемь. Что у нее

там за муж, никто не знает. А злая она почти всегда. Ненавидит нашу школу и всех нас. Постоянно орет: "Что вы за идиоты такие, что за дебилы? Пролетарии недоделанные, вот что значит рабочий район. Одно скотовье".

Наталья вызывает Куню. Он уже недели две, как выписался из больницы.

Куня идет к доске в своем грязном костюме, с невымытыми ушами и торчащими на голове "петухами".

-Ну, что ты нам сегодня расскажешь интересного и глубокомысленного о проблеме героя в "Евгении Онегине"? - спрашивает Наталья.

Класс смеется. Куня морщит подбородок, типа сейчас заплачет, поворачивается к классу жопой и несколько раз громко пердит.

-Вот вам, вот вам! - кричит он и выбегает за дверь.

Все хохочут, Наталья зажимает нос и тоже хохочет.

-Я думала, такое только в анекдотах бывает, - говорит она. - Ладно, продолжаем урок. Шмаров - к доске.

*

-Давайте Куню завафлим сегодня, - предлагает Вэк перед физкультурой. Мы только что пришли в раздевалку.

-Что, по-настоящему? - Бык тупо смотрит на него.

-Ну, а хули? Смотреть на него? Он же чмо, самый последний.

-Таких лучше вообще не трогать, - говорит Бык.

-А ты не защищай. Раз решили дать ему за щеку, значит дадим.

Вэк выходит из раздевалки в предбанник. Куня уже снял штаны и пиджак и остался в своем спортивном костюме. Штаны заправлены в носки, носки натянуты почти что до колена. Кеды он, наверно, забыл дома: остался в своих рваных тапках.

Вэк хватается за плечи, тащит в раздевалку. Куня цепляется за батарею. Подскакивает Быра, бьет его кулаком в живот. Вдвоем они втачивают его в раздевалку, закрывают дверь.

-Ты что, по правде хочешь? - спрашивает Клок. - Думаешь, он у тебя будет сосать?

-Не будет - заставим! - Вэк ржет. Они с Бырой сажают Куню на скамейку, Клок хватается за ноги, а Вэк начал расстегивать свои штаны.

-Кощей! На шухер! - кричит Клок. Обычно на шухер ставят Куню, но сейчас приходится идти Коцкою. Он с недовольной рожой выходит в предбанник.

Кроме нас, в раздевалке еще несколько пацанов - Егоров и "примерные", но они переодеваются и в нашу сторону не смотрят, чтобы, если что, сказать, что ничего не видели.

Вэк вынимает хуй и подносит к губам Куни. Куня хочет отвернуться, но Быра дает ему в челюсть.

-Будешь сосать? - спрашивает Вэк.

Куня мотает головой. Быра еще раз бьет его в челюсть.

-Тогда обоссы его хотя бы, - говорит Клок.

Вэк улыбается. Из его хуя льется струя мочи - прямо на голову Куни. Клок с Бырой отскакивают, чтоб не попало на них. Куню теперь никто не держит, и он выскакивает из раздевалки. Вэк подтягивает штаны.

-Жалко, что не взял.

Следующий раз я его... это... Хорошо? - спрашивает Быра.

Никто ему не отвечает.

*

Воскресенье. Я сижу дома и от нечего делать смотрю с родоками какую-то ерунду по телевизору. В дверь звонят, я иду открыть. Это Бык и Вэк, оба пьяные.

-Привет, мы бухло принесли.

Я закрываю за собой дверь, выхожу на лестничную площадку.

-Вы что, ебанулись? Сегодня же воскресенье, у меня все дома.

-А-а, - недовольно бурчит Бык.

-Хуй на, - говорит Вэк. - Ты же говорил - у него свободная хата.

-Ну, я думал...

-Ладно, вынеси хоть пожрать. А сигареты есть?

-Нету.

-Ну, тогда хоть спичек и газету.

-Ладно.

Я возвращаюсь в квартиру.

-Кто это? - спрашивает мама.

-Это ко мне.

-Такпусти своих друзей, что они будут под дверью стоять?

-А куда я их впущу, на кухню, что ли?

-А хоть и на кухню.

Я отрезаю на кухне немного хлеба и сыра, беру с табуретки старую газету, коробок спичек с полки, прохожу через комнату.

-Что это ты взял? - спрашивает мама.

-Так, ничего.

Выхожу на площадку. Бык ссыт, повернувшись к перилам. Его струя льется на нижние площадки.

-Ты что, охуел? - говорю я. - А если соседи?

-Я их в жопу выебу.

-Своих будешь ебать, а эти заложат моим, потом придется разьебываться.

Бык стряхивает капли с хуя. Я только сейчас замечаю, какой он у него маленький, намного меньше, чем мой. Я думал, такие только у малых пацанов. Я даю Вэку сыр, хлеб и газету со спичками. Бык забирает газету, отрывает кусок и сворачивает самокрутку без табака, зажигает и сует себе в рот. Мы с Вэком хохочем.

-Это ты так куришь? - спрашивает Вэк.

-Ну, а хули? У тебя что, сигареты есть?

-Хуй, завернутый в газету, заменяет сигарету. Газета у тебя уже есть, только хуя не хватает.

-Ладно, я пошел, - говорю я.

-А ты что, с нами не бухнешь?

-Как я бухну? Мои ж дома - сразу засекут.

-Ну, оденься, пошли, типа, погуляем.

-Неохота, такой мороз.

-Ладно, давай.

-Давай.

*

-Пять минут на подготовку, - говорит Сеницкая, учительница по "Основам Советского государства и права". Она сует в рот дужку очков, лижет ее, перелистывает журнал.

Сеницкая ставит много двоек, и ее боятся. Все сидят, уткнувшись в учебники. Она говорит:

-Так, первый вопрос. Судебная система Советского государства. Так... так... так... Быркин.

Быра медленно выходит к доске, поворачивается к классу, смотрит в пол.

-Ну, включай звук, а то видимость есть, а изображения нету, - говорит Сеницкая. - Форма не соответствует содержанию: на вид - нормальный ученик, в костюме, с галстуком, все, как положено. - Она улыбается, показывая три золотых зуба вверху, - А вот содержание... Содержания пока не вижу.

Быра что-то мычит.

-Ну, выучил или нет? - спрашивает Сеницкая.

-Нет.

-Садись. Два.

Быра идет на свое место, бурча под нос:

-Дура, проститутка, бя.

-Ты у меня там еще побубни, - говорит Сеницкая. - Будешь иметь бледный вид и макаронную походку.

-Пошла на хуй, дура, - громко говорит Быра, но Сеницкая не слышит или притворяется, что не слышит.

-Как по улице ходить в шапке натянутой на глаза, так это он может, - говорит Сеницкая.

Все пацаны на Рабочем, в том числе я и Быра, уже недели две, как натягиваем свои шерстяные шапки низко на глаза. Как это началось и кто первый придумал - никто уже не помнит. Просто на Рабочем все так ходят - и все.

-А вы ведь даже не знаете, почему так носят шапки и откуда это пошло, - продолжает Сеницкая. Все рады: если она начинает учить нас жить, то это надолго, и может уже никого не спросить. - Это все оттуда, с Запада. Но там так носят шапки, чтобы показать, что они не хотят видеть ужасы буржуазной действительности. А у нас-то действительность социалистическая, здесь ужасов никаких и в помине нет. Есть отдельные недостатки, но мы с ними обязательно справимся. А вообще, скажу вам не как учительница, а просто, по-человечески, - Сеницкая снова улыбается и блестит золотыми зубами. - Остерегайтесь всего этого западного, иностранного. Вот у моих соседей дочка купила майку на барахолке, надела, а кто-то увидел и говорит: а ты знаешь, что на ней написано? Это же плохое слово, и, значит, что ты - и есть это плохое слово. Вот.

*

Перед восьмым марта в школе вечер, потом будет дискотека. Я, Клок и Быра курим у входа, а мимо нас прут покрашенные и начесанные бабы из восьмых, девятого и десятого классов.

-Вот, бля, намазались, суки, - Быра злобно смотрит на них, с громким звуком харкает себе под ноги.

Подходит Вэк.

-А где Бык? - спрашивает Клок.

-Дома. Говорит - не пойдет: надеть нечего.

-Сам дурак. Надо было покупать джемпер у Цыгана за тридцать. Поношенный, но еще ничего. Ну, пусть сидит теперь дома, хуй дрожит.

Вчетвером мы проходим внутрь. Петруха - "дежурный учитель", придурак и дебил - косо смотрит на нас. Бык пару месяцев назад въебал ему пару раз в грудняк: слишком много брал на себя, не нравилось ему, что курим в туалете. Но сейчас он нам хуй что сделает: мы - из восьмого, имеем право придти на дискотеку.

Клок заходит поссать в туалет на втором этаже. Мы ждем его на лестнице. Наверху, на площадке третьего, стоят Сухая и Ленина Сергеевна - завуч. Они нас не замечают.

-Безобразия это, конечно, - говорит Ленина. - Буржуазная музыка, да еще вдобавок и на иностранном языке. О чем поют - мы не знаем. В зале практически темно...

-И не говорите. Дали свободу, что называется, - подлизывает ей жопу Сухая. - "Темнота - друг молодежи". Это ж надо додуматься до такого!

-А если сейчас свет включить, разойдутся по углам, будут стоять, надувшись, а потом кто-нибудь в районо докладную напишет: не организовываем культурный отдых учащихся. Они сейчас все ушлые стали. Вон, написали же анонимку в районо на Клима Яковлевича - матом ругается, часто выходит куда-то во время урока. Потом выяснилось, что это Букаев из 8-го "а" написал. И что вы думаете - извинился он? Ничего подобного. "Я и под своей фамилией могу это повторить", - говорит. В результате - проверка приезжала, осматривали мастерские, нашли нарушения. Ну, сами знаете, есть еще у нас слабые места, но у кого их нет? Представляете, как мне трудно было все это... ну, так сказать, чтобы все было нормально...

-Да, представляю.

-Так что, свет сейчас так просто не включишь. Вы уж, будьте добры,

следите, чтобы все было хорошо, а если заметите что-то явно не то, то и свет можно включить.

-Хорошо.

Клок выходит из туалета. Мы поднимаемся по лестнице.

-Здравствуйте, Вера Алексеевна, - громко кричит Вэк.

-Здравствуйте, ребята, - отвечает Классная без улыбки. Как же, мы - "нежелательный элемент" на дискотеке, от нас только и жди, что проблем.

Свет в зале выключен, только моргают четыре фонаря цветомузыки - красный, зеленый, синий и желтый. Играет "Модерн токинг" - третий альбом, песня "Луи-Луи". Пацаны и бабы танцуют, собравшись в кружки человек по пять-шесть.

-Пошли бухнем, - говорит Вэк. - Клок пузырь самогона где-то надыбал.

Мы смотрим на Клока. Он стоит с довольной мородой, улыбается.

-А чего сразу не сказал?

-Чтоб слюной не захлебнулись.

Мы спускаемся вниз, выходим на улицу, заворачиваем за угол школы.

-Закуски нет, надо голову нюхать, чтоб потом не шлифануть, - говорит Вэк.

Делаем по глотку, потом нюхаем головы друг друга.

-У меня еще одеколон есть. - Клок показывает маленький пузырек. - Так что, если кому мало...

-Ты что, серьезно? - спрашиваю я.

-Не-а, - ухмыляется он. - Я пока не ебанулся - одеколон пить. Вот намазаться можно, чтоб запаха не было.

-Ну, на хуй, - говорит Вэк. - Подумают еще - и правда одеколону напились.

-А может, выпьем его? - спрашивает Быра.

-Хочешь - пей, - говорит Вэк.

Возвращаемся в школу, снова заходим в актовый зал.

-Ну, что, пошли танцевать? - спрашивает Быра.

-Не, давай посидим сначала, - отвечает Вэк.

Деревянные стулья с откидными сиденьями сдвинуты к стенам, и на них сидят несколько баб. Среди них - покрашенная Анохина в джинсовой юбке. Волосы начесаны и залиты лаком. Быра подсаживается к ней,

начинает что-то триндеть. Она - явно без охоты - отвечает. Быра говорит что-то еще, встает и возвращается к нам.

-Ладно, давайте лучше танцевать, - говорит он.

-Что, опять послала? - Вэк смотрит на него и ржет. Мы тоже.

-Пошли танцевать, хули мы стоим, как лохи? - говорит Клок.

Мы встаем в круг. Играет первый альбом "Модерн токинга", песня "Ю май хо, ю май со". Потом ставят "медляк", и мы садимся на стулья.

После "медляка" снова встаем подрыгаться. В толпе какое-то шебуршение. Некоторые перестают танцевать. Мы подходим поближе, посмотреть, в чем дело.

Гриб пиздит какого-то "старого" мужика" - ему лет двадцать пять, уса-тый. Подскакивает Обезьяна и тоже бьет ему по морде. Мужик падает.

Включается свет, заходят Ленина и Сухая. Мужик сидит на полу, вытирает рукавом кровь из носа. Цыган подходит к Ленине.

-Ленина Сергеевна! Он сам виноват. Вязался к нашим девушкам. А все из-за чего? Пускают кого попало на дискотеки. Надо только учеников и бывших учеников, чтоб пример показывали. - Он громко смеется.

-Ладно, Остапчук. Ты бы уж лучше помолчал - нашелся мне тут пример. Бывшим ученикам на дискотеках тоже делать нечего. Как ты сюда прошел?

-Места надо знать, Ленина Сергеевна, места надо знать.

-Отведите его в туалет, пусть умоется. - Она показывает на мужика.

Мужик поднимается, выходит из зала.

-Кто это? - спрашиваю Вэка. - Ты его знаешь?

-Да. Это сестроеб Куцого. Я его пару раз видел на районе.

Свет выключт, и дискотека продолжается. Опять "медляк" - "Тайм" Скорпионсов.

-Ну, пошли кого-нибудь пригласим. - говорит Вэк. - Хули сидеть?

Я смотрю, какую нормальную бабу бы пригласить. Всех самых красивых уже пригласили. Недалеко стоит Кнопка из нашего класса, и я подхожу к ней.

-Привет. Можно тебя пригласить?

-Привет. Можно.

-Я, правда, не очень умею.

-Ну и я не очень. Не бойся.

Она прижимается ко мне, но грудей я не чувствую, только лифчик, твердый, как камень. Танцевать медляки я вообще не умею. Мы топчемся, переминаясь с ноги на ногу.

-Ты меня веди, - говорит Кнопка.

-Куда?

Она смеется.

-Так говорят, когда танцуют. За собой веди, чтобы я делала шаги за тобой.

-А, понятно.

Мы топчемся так до конца медляка - мне кажется, что он длился минут пятнадцать.

-Спасибо, - говорит Кнопка.

Я улыбаюсь. Если бы она не была такой мелкой и некрасивой, можно было бы пойти в коридор пососаться и позажиматься...

Иду искать своих. Быра сидит на стуле в углу.

-Ну, как Кнопка?

-Как, как? Я, может, первый раз в жизни с бабой танцевал.

-Так я и спрашиваю - как?

-Никак. Я ж не умею.

-Ну, позажиматься все равно можно. Правда, у Кнопки там ничего нет. А видел, какую пилу Клок снял? Не с нашей школы. Курить пошли.

-А Вэк?

-Тоже курит, наверное. Подошел к какой-то козе, а она его послала, как щенка. Ну, он психанул и ушел.

-А ты?

Быра не отвечает.

Приходят Вэк и Клок с какой-то накрашенной бабой в облегающих джинсах. Ей на вид лет семнадцать или больше.

-Знакомьтесь, - говорит Клок. - Это Люда. А это Андрей, Вова и Саша.

-Очень приятно, - говорит она блядским голосом, улыбается.

-Ну, мы пошли танцевать, - говорит Клок.

-Присоединяйтесь, мальчики, - говорит она, глянув на нас. Они уходят, взявшись за руки.

-Нашла, бля, мальчиков, - говорит Вэк. - Хотя пила ничего. А эту дуру я

убью, на хуй. "Я с колхозниками не танцую" - передразнивает он. - Сама колхозница ебучая.

-Ладно, успокойся. Ну ее на хуй, - говорит Быра. - Пошли лучше подрыгаемся.

*

В первый день четвертой четверти в класс приходит новый пацан - с длинными волосами, с сережками в ушах, со всякими цепочками и заклепками на обычном школьном пиджаке. Неформал, короче говоря.

Первый урок - история.

-Вот, позвольте представить вам нового одноклассника - Мишу Иванова, - говорит Сухая. - Он переехал сюда с родителями из Ленинграда.

Он встает и спокойно смотрит на нас, а мы все рассматриваем его, как придурка. У нас в городе, а тем более, на районе, неформалов не было никогда. Кто-то из "старых" видел однажды в клубе металлиста с "Пионеров": с цепями, браслетами и прочей хуйней. Непонятно, зачем он вообще приперся на дискотеку: металлисты ж такую музыку не слушают.

-Конечно, Мише нужно будет привести себя в порядок, - говорит Сухая. - Там, в Ленинграде, может быть, свои правила, а здесь надо выглядеть, как все ученики. Срок - до завтра.

На перемене мы с Вэком подходим к Неформалу.

-Так ты правда из Ленинграда? - спрашивает Вэк.

-Правда.

-А чего сюда приехал?

-С родителями. У меня папа военный, и его сюда перевели.

-Понятно. А нахуя тебе эти сережки, волосы?

-По музыке. Я "металл" слушаю, ну и...

-Ну, надо постричься. Здесь так не ходят.

-Почему?

-Не ходят и все. Раз приехал жить на Рабочий, должен быть, как другие. Выбываться ты здесь не будешь.

-Нет, ребята, вы чего?

-Ничего. Будешь свой пацан - все будет классно, а будешь залупляться - тогда лучше пиздуй, на хуй, назад в свой Ленинград.

*

Назавтра Неформал сидит на первом уроке - географии - в том же виде. Все снова смотрят на него, но он делает вид, типа, все ему до жопы. Сидит себе и смотрит в окно. После географии Сухая - она ведет у нас и историю и географию - подходит ко мне, Вэку и Быку: мы позже других задержались в классе.

-Ну, как вам новенький?

Бык пожимает плечами.

-Какой-то он деловой, - говорит Вэк. - Выпендривается.

-А у меня такое чувство, ребята, что он хороший парень на самом деле, - говорит Сухая. - Я это на самом деле чувствую. У меня за тридцать пять лет в школе чутье на хороших людей появилось. Но... Среда обитания, сами понимаете. Крупный город, почти столица, влияние буржуазной культуры... Опять же, капиталистическая страна под боком. Вот вы бы как-нибудь объяснили ему, что ли? Только по-хорошему, ребята, ну, вы меня понимаете. Никакого рукоприкладства, по-дружески. Скажите ему, что хотите с ним дружить. Предложите что-нибудь вместе сделать. В кино там сходить, ну, я не знаю... - Вэк ухмыляется, но Сухая не замечает. - Коллектив на самом деле - великая сила. А теперь - на урок.

*

На следующей перемене мы идем за Неформалом в туалет. Мне не особо хочется его трогать. Он мне даже чем-то нравится. Но он все-таки не свой пацан и ставит себя слишком высоко.

Он стоит у окна с сигаретой и прикуривает импортной прозрачной зажигалкой.

-Дай сигарету, - говорит Бык. Неформал сует ему пачку, и Бык выгребает штук пять сигарет, дает по одной мне и Вэку, одну берет себе, а остальные кладет в карман. Все закуривают. Неформал забирает пачку, отворачивается к окну.

-Ты это самое, не отворачивайся, когда с тобой разговаривают, - начинает Вэк. - Мы вчера поговорили с тобой, думали, ты пацан нормальный, все поймешь. А ты не понял. Так что, придется по-другому разговаривать.

-Не, вы что, чуваки? Я думал, это вы так... В шутку.

-Мы тебе не чуваки.

Вэк дает Неформалу прямой в живот. Сигарета у него выпадает, он

кашляет. Мы с Быком хватаем его за руки, а Вэк замахивается еще раз.

-Чуваки, не надо, вы что? - говорит Неформал.

Дверь открывается. Заходит Гнус.

-Что здесь происходит? Курите?

Он подскакивает к Быку, замахивается, но отводит руку.

-А это еще что за чудо? Что за прическа? Чтобы завтра же постригся. Я лично проконтролирую. В восемь утра, перед уроками - ко мне в кабинет. И чтоб не курили мне в туалетах. А тебе, Вакунов, уже было последнее предупреждение - ты чуть не на коленях умолял не переводить в спецшколу...

Звенит звонок.

-Все, быстро на урок, - говорит Гнус.

*

Я, Вэк и Клок едем в троллейбусе в центр - просто так, погулять, "поснимать" баб. На всех нас "клеши" и одинаковые пуловеры с квадратными вырезами. Клеши мы сшили в нашем ателье на Рабочем - ширина снизу - 26 сантиметров, а пуловеры недавно "давали" в промтоварном, и наши мамы, отстояв в очереди, купили их.

Вэк держит в руках свой задроченный кассетник "Весна", в нем играет "Модерн токинг", третий альбом.

Вылезаем из троллейбуса, идем по Первомайской, мимо ободранных домов, почти как у нас на районе. Улица, правда, немного почище, бордюры побелены, а в витринах висят плакаты к Первому мая.

-Смотри, ничего пилы. - Вэк показывает на двух баб впереди. Им лет по шестнадцать.

-Счас подойдем, зацепим. - Клок ухмыляется.

Мы ускоряем шаг, догоняем баб.

-Здравствуйте, девушки, - говорит Клок, улыбается.

Они смотрят на нас, крутят носами. Обе в джинсах и новых югославских "ветровках" - такие недавно "давали" в ГУМе, и некоторые у нас на районе купили.

-А куда это вы идете? - продолжает Клок.

-Это что, допрос? - говорит одна.

-Катитесь в свой колхоз, - еще злее говорит вторая.

Они ускоряют шаг, почти бегут.

-Э, что за базары такие, надо разобраться, - говорит Вэк.

-Ладно, ну их на хуй, - Клок смотрит бабам вслед. - Хотя пилы заебись.

-Хуйня, найдем еще, - говорю я.

Но мы никого и не находим, шляемся по центру, пробуем подколоться еще к одним бабам, но они нас тоже посылают. Покупаем в гастрономе пива и садимся в парке на лавочку.

-Тут хуй ты кого снимешь. Все нормальные бабы уже с кем-то ебутся, - Вэк делает недовольную морду.

-Ясный хуй, - говорит Клок. - Если бабу никто не ебет, значит она никому не нравится. У каждой нормальной бабы есть пацан, и он ебет ее постоянно, а те, кто со всеми ебутся, - бляди и проститутки. От них только трипером заразишься. Гриб с Гуроном заразились трипером от одной блядины, потом ездили в кожвендиспансер, лечились.

-А как найти такую, чтоб и нормальная и ебалась? - спрашиваю я.

-Очень просто, - ухмыляется Клок. - Любая баба хочет ебаться. Даже если у нее есть пацан, или она говорит, что целка - все равно ее можно раскрутить. А если бабу раскрутить не можешь, значит ты хуевый пацан. Нет таких баб, которые не дают, есть только пацаны, которые не умеют попросить. Понял?

*

В кабинете истории вывесили стенгазету "Молния 8"б". В ней - карикатуры на тех, кто плохо учится или поведение плохое. Карикатуры ни на кого не похожи, зато в подписях - и я, и Вэк, и Быра, и Клок, и Бык, и даже Кощей с Куней.

-Видели? - говорит Вэк. - Это все Егоров, только он умеет рисовать. Пошлите дадим ему пизды.

-Может, не надо? - Бык чешет нос. - Вдруг списать когда-нибудь понадобится?

-Не ссы. Найдем, у кого списать. У баб списывать будем. За жопу возьмешь - сразу даст списать, и все остальное тоже.

Егоров сидит за партой с учебником - он всегда что-то учит, чтоб получить пятерку. Мы подходим.

-Привет, - говорит Вэк. - А ты чего не читаешь? Интересная стенгазета.

-Повторить надо.

-А нахуя ты это сделал?

-Что сделал?

-Газету.

-Мне Сухая сказала - я нарисовал. Я ж не вас рисовал, а просто... Как бы нарушителей. А подписи другие делали.

-Но там же написано, что это мы. Значит, про нас.

-Ничего не про вас, пацаны.

-Про нас, не про нас - кого ебет?

Вэк дает Егорову оплеуху. Егоров вскакивает.

-Вы, что, пацаны?

-Сядь, - говорит Бык и дает ему кулаком в нос. На парту капают несколько капель крови. Звенит звонок. Мы идем на свои места.

*

В понедельник на политинформации Сухая спрашивает:

-Все газеты принесли?

Никто не отвечает. Она смотрит на столы - у всех, кроме Быры, Быка и Вэка газеты есть. Я принес "Комсомольскую правду", но ничего в ней не прочитал.

-Ладно. Газеты почти все принесли. А прочитали хоть что-нибудь?

Все притихли, никто не хочет выделяться.

-Меня поражает ваша пассивность, ребята. Мы живем в такое сложное время. Раньше все было понятно: вот друг, вот враг. А сейчас враг может легко замаскироваться. Да, Перестройка - это хорошо, но это и возможность для врагов воспользоваться ситуацией и нанести нам удар.

-Что, будет война? - спрашивает Кузнецова с первой парты.

-Нет, в обычном смысле войны не будет. Будет война идейная, и она, можно сказать, уже идет - война за сохранение наших коммунистических идеалов, которые многим хочется раздавить.

Сухая останавливается, обводит взглядом класс. Ее мало кто слушает: пацаны и бабы шепчутся, смотрят в окно, читают газеты.

-И вы, ребята, должны понять, что коллектив - это очень важно, что надо быть один за всех и все за одного. И, кроме того, своей плохой учебой и политической безграмотностью вы играете на руку врагу.

-А кто враг сейчас - американцы? - снова спрашивает Кузнецова.

-Сами скоро поймете.

-А зачем это вы нас пугаете? - говорит Неформал. Он постригся и снял серьги. - Мы газеты читаем и телевизор смотрим. Ситуация меняется: разрядка напряженности, перестройка, демократизация, а вы нам про каких-то врагов. Нету сейчас больше врагов.

Все смотрят на Неформала, а Сухая кусает свои синие губы.

-Видимо, в той школе, в которой ты учился, Иванов, идеологическая работа была поставлена не на высшем уровне, вот ты и напитался всякой антисоветской пропагандой. Враги у нас есть и будут всегда, потому что мы - первое коммунистическое государство в мире. Только когда во всем мире будет построен коммунизм...

Неформал начинает смеяться. Он смотрит прямо на Сухую и хохочет.

-Вон из класса, - говорит Сухая.

Он берет сумку и выходит. На роже у Сухой красные пятна. Она открывает рот, но ничего не может сказать.

-Я сейчас, - говорит она и выходит.

-Заебись он ей, - говорит Вэк. - А представьте, если б Сухая счас взяла и подохла. Интересно, Неформала бы судили?

-А за что его судить? - спрашиваю я.

-Ну не знаю...

-Что, может, надо его отпиздить? - поворачивается с первой парты Бык.

-На хера? Ну, поучили мы его прошлый раз, а что мы с этого имели? Сухая все равно "неуды" поставила. Пошла она на хуй, дура.

*

-Э, иди сюда скорей, - зовет меня Вэк.

Я подхожу к остановке. За ларьком с талонами и проездными стоят Бык, Клок, еще пара пацанов с района - Кузя и Зеня, - а в середине круга - ебанутый Леша. Он когда-то учился в нашей школе, когда я был классе первом или во втором. Он уже тогда был выше всех в своем классе, а сейчас вообще под метр девяносто.

-Леша, потанцуй нам, - говорит Вэк.

Леша дебилно улыбается, и изо рта у него вытекает слюна.

-Давай, не выебывайся, а то сейчас отпиздим - видишь, сколько нас много?

-А какой танец, быстрый или медленный? - Голос у Леша - как у третьеклассника.

-Давай быстрый.

Леша начинает фальшиво петь "Посмотри на меня, братец Луи-Луи-Луи", крутит жопой и машет руками.

-Ладно, заебись, хватит, - говорит Вэк. - Теперь медленный.

Леша разводит руки далеко в стороны, топчется и поворачивается на месте и тоже что-то напевает себе под нос, только тихо, и поэтому нельзя понять, что.

-Все, концерт окончен. Теперь пиздууй отсюда, - Вэк дает Леше подсрачника, потом остальные, я тоже.

Леша убегает, разбрасывая ноги в стороны, как обычно бегают бабы.

-А брат у него старший - нормальный, здоровый такой мужик, каждый день пьет. - Вэк смотрит Леше вслед. - Мамаше говорили не рожать, а она родила, вот такой и получился...

*

Мы с Вэком курим в туалете, а рядом, в коридоре, стоят и трындят Синицкая со Шваброй.

-Надо обязательно сходить в гастроном, купить костей, - говорит Синицкая. - Мне Тамара Ивановна говорила, что вчера давали. Такие хорошие кости - и всего по рупь-тридцать.

-Это в гастрономе возле остановки?

-Да, в нем. Там еще книжный магазин рядом. И хороший, должна вам сказать. Как-то зашла на днях - Мориса Дрюона давали. Я взяла.

-Да, магазины здесь хорошие. Сам район отвратительный - из-за завода Куйбышева, ну, и контингент соответствующий, а магазины - ничего. Ну, мне на урок. Всего хорошего.

Они уходят.

-Костей ей, блядь, суке захотелось. Пусть сходит на клейзавод - там не только костей дохуя, там и с крысиной еще можно... - говорит Вэк.

Мы хохочем, кидаем бычки в унитаз и идем на урок.

*

На истории приходит Ленина, подзывает Сухую, что-то ей говорит.

Сухая объявляет нам:

-Ребята, сейчас идем убирать улицу. В город приезжает правительственная комиссия. Надо, чтобы улица была чистой, чтобы не ударить в грязь лицом. Давайте, быстренько в подвал за инструментами. Я вас буду ждать на крыльце.

-Я не пойду, - говорит Неформал. - Я не обязан улицу убирать из-за какого-то там начальника.

-А причем тут начальник? - Сухая удивленно смотрит на него. - Тебе что, приятно идти в школу по грязной улице?

-Мне все равно.

-Ну, как знаешь. Но, если не пойдешь, поведение "неуд" за неделю.

-Не имеете права. Я в районо напишу.

Сухая ничего не отвечает. Неформал встает, выходит.

Мы тоже выходим - в подвал за метлами и лопатами.

-Гондон, - говорит Вэк. - Все выпендривается. Надо ему еще пиздюлей насовать.

-А Сухая ему ничего не сделает, - Клок ухмыляется. - Не имеет права - он знает. Неформал и в районо и в хуено, а она что?

-Получается, ему бля, можно, а нам нельзя, - говорит Вэк.

Он оборачивается, видит Куню и несильно бьет его по почкам. Куня кривится, типа ему почки отбили.

*

Недалеко от остановки, возле колонки, двое мужиков пьют одеколон. Мы с Клоком смотрим на них. Стакана у них нет. Сначала один пристраивается с бутылкой у крана, второй жмет на рычаг, и он глотает одеколону и тут же воды, потом они меняются.

-Сухой закон, бля, - говорю я Клоку. - Всю херню выпьют. А не знаешь, чего он сразу воды после одеколону? Типа, вместо закуси?

-Это ж одеколон - ты все во рту спалишь себе.

-А-а.

-А мы твоего батьку видели пару дней назад в пивбаре. Мы подошли - я, Вэк, Питон, взяли по пиву. Потом он подходит. Говорит, типа, моего сына знаете - Андрея Гонцова? Ну, ясный хуй, знаем. А он бухой уже, стоит, рассказывает. А вы знаете, типа, что я поэт был раньше? Меня в газетах публиковали - Константин Гонцов. Правда, что ли?

-Да, правда.

-А что потом?

-Ничего. Ты сам видел.

-Ну и, короче, что-то еще говорил... А, что ты, типа, у него хороший сын и все такое.

-Не обращай внимания.

-Мы ему пива налили, и он отошел.

Подходит Вэк в неновых, но настоящих джинсах.

-Где взял?

-Купил у Черного за двадцать рублей. Почти новые - клепки-хуепки.

-Какая фирма?

-А хуй его знает.

-Счас посмотрим. - Я задираю ему куртку: на жопе приклепана железная бляшка "Монтана". - Ничего фирма.

-Нет, хуйня, - говорит Клок. - Самые лучшие - это "Левис".

*

В углу Быра пиздит Куню.

-Как мы договорились? Каждый день двадцать копеек.

-Мне не дали сегодня.

-А меня это не ебет.

Карпекина встает с парты и подходит к ним.

-Ну-ка, отпусти его.

Она никогда не лезет ни в какие драки и с нами вообще не разговаривает, считает, что мы козлы и идиоты.

Быра разинул рот от удивления, но Куню не отпускает.

-Не лезь не в свое дело.

-Я тебе сказала: отпусти.

-Кто ты такая тут указывать? Куня, ебни ей.

Куня испуганно смотрит на Карпекину.

-Кому говорю, ебни. А то я тебе ебну.

Куня замахивается. Карпекина делает шаг назад.

-Плюнь на нее.

Куня харкает, втягивая соплю, и плюет. Сопля попадает Карпекиной на фартик. Она медленно достает из кармана платок, вытирает ее:

-Ты подонок, Быркин. Таких надо сажать.

-Ты у меня еще попизди. Я тебя в жопу выебу.

Он хохочет, Куня тоже ухмыляется.

*

Я прихожу домой часов в одиннадцать. Родоки дома.

-Ну, где ты ходишь? - спрашивает мама.

Все понятно: ее разозлили на работе, но я-то тут при чем?

-Гуляю.

-Учиться надо, а не гулять. Оценки какие? Одни тройки. А вспомни, как в первом классе учился - на отлично. И во втором. А как связался с этими - сразу все коту под хвост. Ну, скажи мне, что у тебя общего с этими хулиганами, у которых родители - пьяницы? Ты что, не можешь себе нормальных друзей найти? Что у тебя с этими общего?

-Все.

-Ладно, Катюша, не ругай сына, - вклинивается папа. - Он у нас хороший парень.

Он подходит ко мне и сует свою слабую руку - как дохлую рыбину. Я пожимаю ее.

-И ты не обижайся на маму. Она тебя любит на самом деле, но волнуется. И я волнуюсь.

-Когда выпьешь, - тоскливо говорит мама.

-А помнишь, Катя, семидесятый год? Наше первое свидание. Потом вдруг пошел дождь, и мы спрятались в магазине, а тетки хотели нас выгнать. Говорили, что магазин закрывается. А потом дождь перестал, и мы пошли в парк, и я оторвал для тебя веточку сирени - она была мокрая. И мы гуляли и говорили про "Битлз", и я читал тебе стихи? Помнишь?

*

-В субботу в город приедут панки, - говорит Вэк. - У них какой-то, блядь, рок-фестиваль в ДК Химволокно.

-А кто такие панки? - спрашивает Бык.

-Так, пидарасы. Вроде этого гондона Иванова. Музыка там всякую говняную слушают, шмотки не как у людей. Пацаны говорят - поедут их пиздить.

-А если менты?

-Менты нас не тронут. Они всех этих хуесосов сами ненавидят. Ну, что, едешь или нет?

-Поеду.

Сбор небольшой: человек десять-пятнадцать. Из "основных" - один Обезьяна.

-А где твои остальные? - спрашивает его Вэк.

-Так, бухают. Говорят, хули нам за дело до всяких уродов, это тебе не сбор за район. Пусть молодые едут.

-А ты зачем тогда едешь?

-А я музыку люблю. - Обезьяна ржет.

Доезжаем до Днепровского моста, пиздуем через мост.

У ДК Химволокно - толпа народу, много волосатых, с серьгами в ушах, с заклепками на куртках. Бегают "пилы" с табличками "Оргкомитет фестиваля". Стоит ментовский "бобик", рядом трутся три мента.

Обезьяна подходит к ментам.

-Товарищ старший лейтенант! Что же это такое делается? Посредине города ходит всякий буржуазный элемент, а наша милиция даже его не арестовывает?

Ментовский старлей смотрит на него, потом на неформалов.

-Официальное мероприятие, райком комсомола проводит. Значит, так надо. Так что, смотрите, чтоб здесь никакого беспорядка не было. - Он смотрит на неформалов. - Но если где-нибудь там, подальше, - он показывает на парк, - кто-нибудь из этих получит по жопе, то, может, оно и к лучшему. Но чтоб на подходах к ДК все было тихо. Ты меня понял?

-Понял.

Обезьяна возвращается к нам:

-Пошлите пока погуляем. Все-таки, козлы эти менты. Как самим до них доебаться - ссут, а если мы их отпиздим, то, типа, пожалуйста.

Мы переходим по мосту обратно, поднимаемся по ступенькам на Советскую площадь, идем жрать мороженое в "Пингвин". Там сидят много пацанов с бабами - пришли на стрелку.

Мы долго ищем свободный столик, потом придвигаем к нему еще один, сидим до закрытия, травим анекдоты.

Мы снова подходим к ДК. Уже темно. Менты стоят у "бобика", а народу почти нет. Слышна музыка.

Мы ждем. Музыка замолкает. Народ выходит на улицу покурить. Несколько пацанов идут к остановке. Мы - за ними.

-Э, подожди, - говорит Вэк заднему. У него длинные волосы, как у нашего Неформала. Пацан останавливается.

-Ну, вы с ним поговорите, а мы остальных догоним, - говорит Обезьяна.

Мы с Вэком хватаем его за куртку.

-У меня нет денег, - говорит пацан.

-Хули нам твои деньги, - Вэк рассматривает пацана. Он весь потный. - Чего ты такой мокрый?

-Так, на концерте был.

-А то за концерт такой?

-Ну, рок-фестиваль.

-А ты что, там прыгал, дергался?

-Ну, да.

-А нахуя ты там прыгал, дергался?

-Ну...

Вэк бьет ему в нос, пацан падает.

-Хочешь с ним разобраться? - спрашивает он меня.

-Давай.

-Ладно, а я побегу туда, к нашим.

Впереди слышны крики, идет мочилово. Вэк бежит туда, а пацан встает, готовится прыгнуть на меня. Он смотрит на меня с ненавистью и злобой, хоть он ниже меня и по виду дохлый. Я торможу на секунду, и он бьет мне ногой по яйцам. Я приседаю, получаю кулак в нос.

-Вот тебе, блядь, уебок ебучий!

Он убегает, но я успеваю рукой схватить его за ногу. Пацан падает. Теперь ему пиздец. Я чувствую, как ненавижу его и могу сейчас, на хуй, убить. Я крепко ухватил его за ногу и не отпускаю. Он машет второй ногой, но не попадает в меня. Я поднимаюсь, бью его ногой по ребрам, и тут же в яйца. Пацан орет, падает на спину. Я начинаю молотить его кулаками по морде, стараясь сломать нос. Постепенно злоба проходит. Я бью его два раз в живот и ухожу. Обернувшись, вижу, что пацан поднимается с земли - мало, видно, насовал ему.

*

На следующий день, на "Основах", Синицкая говорит:

-А знаете ли вы, ребята, что вчера к нам в город приезжали криминально-фашистские элементы?

-Да, знаем, - говорит Кузнецова.

-Ну, так вот, наши ребята им дали, что называется, и в хвост, и в гриву, и правильно сделали, потому что нам такие здесь не нужны. Это чистый продукт буржуазной пропаганды, откуда такие только берутся?

-От верблюда, - негромко говорит Бык.

-Правильно, от верблюда, от свиньи, не знаю еще кого. Нормальные дети так себя не ведут. Нормальные дети учатся. Ходят на школьные вечера, танцуют вальс, девушек в кино приглашают, а эти... Стыдно говорить вам, но вы уже большие ребята. Нам в районо как порассказали - ужас просто, сплошной разврат. И групповой, главное. И все под музыку, под эту их музыку - роки, поки... Тьфу.

-А по телевизору уже показывали рок-музыку, - говорит Карпекина. - В передаче "Музыкальный ринг" - группу "Аквариум". Значит, это уже не запрещено, значит можно.

-А ты бы, Карпекина, лучше об учебе думала. А то слишком у тебя острый язычок.

*

На русском пишем сочинение "Кем я хочу стать". Я не знаю, что придумать. Мне никак не хочется становиться. Все говно. А тут еще Клок лезет ко мне, чтобы я ему помог.

-Ну, напиши, что хочешь стать ментом.

-Ты что, ебанулся?

-Так это ж сочинение, здесь не надо правду писать.

-Ну, и что я напишу?

-Что хочешь стать ментом, чтоб ловить бандитов, как в кино "Место встречи изменить нельзя". Что хочешь поймать всех бандитов, и тогда наступит коммунизм.

-Ладно.

Но что написать самому? Я ненавижу русский за то, что на нем ебут мозги этими сочинениями: то "герой нашего времени", то еще что-то, но там ладно, еще можно списать из книжки, а здесь надо придумывать самому. Ладно, пошло все в жопу. Встаю, подхожу к столу Натальи, кладу тетрадку и иду к двери.

Она заглядывает в тетрадь и недовольно кривится:

-Гонцов, почему ты ничего не написал?

-Можете ставить двойку.

Я выхожу за дверь.

*

После четвертого урока всех учеников с восьмого по десятый классы согнали в актовыв зал. Сказали: будет выступать лектор.

Бык, Вэк, Клок и я садимся на третьем ряду - все задние уже заняты. На сцену вылезает Ленина.

-Здравствуйте, дорогие ребята! Сегодня у нас в гостях Николай

Сергеевич Кривоzub, лектор по линии района. Он прочтет нам лекцию о буржуазной пропаганде.

Следом за ней на сцену выходит маленький лысый дядька в мятом темно-сером костюме и облезло-голубой рубашке.

-Добрый день, ребята! - говорит он громким, неприятным голосом. - Вы, конечно, знаете, в какое время мы живем. В обществе происходят перемены. У нас перестройка, демократия, гласность. И поэтому мы должны быть как никогда бдительны и противостоять попыткам буржуазной пропаганды...

Я рассматриваю затылок Ильиной из десятого класса и думаю, как бы классно было с ней позажиться. Волосы у нее как-то скручены на затылке, потом заколоты, но несколько волосков все равно падали вниз, к нашитому на платье кружевному воротнику. Я представляю себе, как расстегиваю молнию сзади на платье, потом снимаю его. У меня встает, и приходится сунуть руку в карман, чтоб никто не заметил.

-... Взять хотя бы музыку, - говорит в это время лектор. - Думаете, буржуазная музыка - это лишь так, развлечение, жвачка для политически несознательной молодежи? Ничего подобного! У меня есть доказательства того, что такая музыка может наносить вред и подталкивать молодежь к криминальной деятельности. Вот, в одном из микрорайонов нашего города подростки устроили себе, как бы это сказать, комнату отдыха, - он улыбается, - в подвальном помещении. Принесли туда магнитофон. И что вы думаете? Чем они там занимались? Приходили туда, и ребята, и девочки, слушали эту музыку и совершали преступления.

Мужик противно улыбается.

-Про что это он базарит? - спрашивает Бык.

-Ты че, не понял?

-Не-а.

-Баб ебали.

-А это че, преступление, да?

-Когда изнасилование, то да.

-А при чем тут музыка?

-Хуй его знает.

*

Первого мая Обезьяна позвал меня с Клоком и Вэком в "контору" бу-

хоть. Сказал, чтобы принесли бабки на "чернило". Быка тоже пригласил, но он уехал в деревню. Я отдал два рубля - больше не было.

Приходим в "контору" часов в семь. Там уже сидят Цыган, Гриб, Гусь, Обезьяна и Анохина. Мы здороваемся, она тоже говорит "привет". Разливаем вино. Стаканов, как всегда, не хватает. Сначала пьют "старые" и Анохина, потом мы. Закуси почти нет, один белый хлеб.

-Слушайте анекдот, - говорит Цыган. - Короче, поймали немцы русского, грузина и жида. И, типа, говорят, - мы вам померим хуи, и если все вместе будут хотя бы пятьдесят сантиметров, то отпустим. Померили - у грузина двадцать пять, у русского двадцать, у жида пять. Отпустили их, они радуются, типа, и грузин говорит - спасибо моим двадцати пяти сантиметрам, а русский - ну, и мои двадцать тоже помогли немелко, а жид посмотрел на них, типа, и говорит: а если бы у меня на тот момент не встал, пиздец бы нам всем был.

Все ржут, Анохина тоже.

Выпиваем по второй.

-Панков пиздить ездили? - спрашивает Гриб.

-Да. А ты че не поехал?

-А на хуй мне это надо? И без меня обошлись, да?

-Ладно, Бог троицу любит, - говорит Обезьяна. - Давай сразу по третьей.

Выпиваем. Мне дает неслабо. Я закрываю глаза и вырубаюсь - не знаю, на сколько времени.

Просыпаюсь - Обезьяна ебет Анохину на диване. Она улыбается, помада размазана по роже. Я снова ухожу в отруб.

Второй раз просыпаюсь от криков - Цыган пиздит Анохину и орет:

-Ты меня за хуй укусила, сука!

Опять вырубаюсь.

Меня будит Клок:

-Анохину ебать будешь?

-Не, не буду.

-Ну, как хочешь.

Просыпаюсь. Жутко болит голова. Анохина спит на диване голая, накрыта только своими шмотками - джинсами и голубой кофтой. Рядом на полу спят Вэк и Клок. Остальных нет.

Я бужу пацанов.

-Давайте съебывать отсюда.

Вэк смотрит на Анохину.

-Что, выедем еще раз? Ты будешь? - спрашивает он меня.

У меня стрем, что не встанет, и я говорю:

-Нет.

-А ты, Клок?

-Хватит с меня и одного раза. Давай, сам, если хочешь.

-Не, я тоже не хочу. Давай лучше, знаешь что - бутылку ей в пизду засунем.

-Ты что, охуел?

-А что такого? Она все равно не проснется, столько выпила.

Вэк берет бутылку из-под чернила, сбрасывает шмотки, которыми Анохина накрыта и пытается развести ей ноги. Я никогда еще не видел настоящую голую бабу, но из-за спины Вэка ничего только не видно, он все загораживает. Анохина ворочается во сне и что-то бормочет пьяным голосом. Вэк еще возился с бутылкой, потом отступает назад.

-Смотрите, какая, бля, скульптура.

Он хохочет.

Бутылка торчит у Анохиной между ног, доньшком вверх. Всунуть ее он смог, может, сантиметров на пять, не больше.

-Ладно, пошли, - говорит Вэк. - Жалко, что фотоаппарата нет. А то сфотографировали бы и показали ее мамаше.

*

В первый день после праздников, перед уроками, подходит Клок.

-Анохина заяву написала.

По роже видно, что он соссал.

-И что теперь? - спрашиваю я.

-Нихуя. То есть пиздец теперь. Изнасилование. Групповое. Ну, тебе-то повезло, ты ее не ебал. Наверное, потом расстроился - блядь, можно было поебаться и не поебался, а?

-Хуй на. Пошли лучше покурим.

На боковом крыльце уже дымит Вэк.

-Все хуйня. Ничего страшного, - говорит он. - Надо с ней культурно побазарить - типа, ты что охуела, своих пацанов сдавать?

-А ты бы вообще не пиздел. Может это все из-за тебя, из-за бутылки?

-Бутылка тут не при чем. Ее бутылкой никто не ебал, только настоящими хуями.

-А что там вообще было? - спрашиваю я.

-А, ты ж вырубился, ни хера не помнишь, - говорит Клок. - Ну, короче, когда Обезьяна ее ебал, она лыбу давила - типа, все классно. Думала, что будет только с ним, потому что он, типа, ее пацан сейчас. Потом Цыган говорит - давай и я тебя тоже. И Обезьяна - тебе что, запаadlo моему корефану дать? Она, типа, ладно, а у него не встал. Он ей тогда - возьми в рот, а она - ни хуя, за хуй его укусила. Ну, он ее тогда отпиздил, потом нам говорит - ну, вас тоже на хор пускаем.

-А Обезьяна что?

-А он куда-то уже съебался или отрубился - не помню. Мы сами пьяные были. Ну, короче, я ее протянул, потом Клок.

-А она?

-Что она? Сначала дергалась, потом дали пару раз по башке - заткнулась.

-А как вообще? Понравилось?

-Да я же тебе говорю - я пьяный был. Не помню ни хуя. А ты Клок как, протащился?

-Так себе.

-Ну вот, видишь? Это тебе не хуй собачий.

*

-Дела хуевые, - говорит Вэк вечером на остановке. - Анохина не хочет заяву забирать. Мамаша ее прибежала, говорит: собирайте деньги.

-Сколько?

-Хотя бы тысячу.

-Ни хуя себе.

-Так залет столько стоит. Ты тоже, хоть сколько дай.

-Ладно.

Я отдал двадцать пять рублей - все свои накопления. Мог бы ни хера вообще не давать: я там не при делах, выпил и спал спокойно, как человек, пока они ее драли. Остальные подергались и наскребли "штукарь". Анохина забрала заяву, но в классе потом нас типа не замечала.

Хотя в школе, само собой, скоро все про все знали – даже и про бутылку.

*

Вечером гуляем по району, видим чужого пацана, подходим поговорить.

-Э, слушай, ты с какого района? - спрашивает Вэк.

-С вокзала.

-А здесь хули делаешь?

-К тете приехал.

-Дай рубль.

-Нету.

-А если найдем?

-Сказал - нету.

-Ты слишком деловой. - Вэк бьет его прямым в нос.

Пацан садится на жопу. Мы втроем пиздим его ногами. Вэк обыскивает карманы. Находит десять копеек желтыми.

Пацан привстает с земли и заебисто смотрит на нас, типа, сейчас вскочит и начнет всех молотить.

-Ты не психуй, пацан, - говорит ему Клок. - Раз на чужом районе, не надо выебываться. Сказал бы без понтов, что денег нет - никто б тебя не пиздил. А так...

Мы идем дальше.

-А я рассказывал, как меня на Пионерах обули? - спрашивает Клок.

-Нет. Когда?

-Недели две назад. Поехал я в ГУМ купить стержней. Выхожу идти на остановку - стоят "пионеры", человека четыре. Спрашивают - "соткудова?" Ясный пень, пиздить они меня возле ГУМа не будут, а "капусту" всю заберут - у меня больше рубля с собой было. Говорю: с "восьмого" - это, типа, их друзья. А какая там школа? Седьмая. А кого с "Пионеров" знаешь? Говорю - Кузю: ну, Кузя на каждом районе есть. А хули тогда меня не узнаешь? - говорит один. - Кузя - это я. И лахают, пидарасы. Ну, пришлось отдать им деньги.

-И стержни тоже забрали? - спрашиваю я.

-Не-а, стержни оставили.

*

Мы не пошли к Швабре на геометрию и от нечего делать поперлись домой к Клоку: он, я и Бык. Я у него раньше ни разу не был. Квартира - точно, как у нас: однокомнатная, проход на кухню через комнату. На кухне сидит его мамаша, а в комнате сеструха возится с малым.

Выходим на балкон покурить.

-Сколько вас человек здесь живет? - спрашиваю я Клока.

-Счас посчитаю. Я, мамаша, сеструха, малый, второй малый - он сейчас

в саду, батька и сестроеб. Всего семь человек.

-Охуеть можно. Как вы все умещаетесь?

-Ну, так. Я на полу сплю на кухне. Батька на заводе стоит на очереди - на расширение. Нам предлагали четырехкомнатную на Кирова, но он не захотел - на работу далеко ездить, через весь город. Ждет, что дадут поближе. Говорят, может, к зиме.

Выбрасываем бычки на балкон под нами и идем в комнату. Из кухни приходит мамаша, и они с сеструхой Клока начинают трындеть про всякую херню. Нам приходится это слушать.

-Саманкова, блядина, мужиков к себе водит каждую ночь, нет у человека совести, - говорит мамаша.

-Откуда ты знаешь? Ты что, свечку держала?

-Знаю, сама видела, как выходили.

-Ну и ладно. Ты лучше подумай, где мяса достать на Танькин день рождения. Надо ж всех позвать. А если плохо подготовимся, то обосрут.

-Я с Зинкой поговорю, она на мясокомбинат недавно устроилась.

-Хорошо.

-Что, так и будем сидеть? - спрашивает Бык. - Давайте, хоть в карты поиграем.

Клок лезет в сервант искать карты, а сеструха с мамашей продолжают свой пиздеж.

-Видела бы ты, какая счас молодежь пошла, - говорит мамаша. - Ни стыда, ни совести. Юбки короткие - до жопы, пьют, курят, блядуют. Вы такими не были еще, а эти уже - да.

Она кивает на нас, и мне хочется послать ее в жопу, но я просто отворачиваюсь и смотрю на стену. К ней прилеплены старинные фотографии актеров, вырезанные из журналов. Они нецветные, и кто-то подкрасил им губы фломастером.

Клок высовывает голову из-за ящика серванта:

-Ты нас жить не учи, поняла? Мы все сами знаем.

-Ой, нашелся мне герой. На себя посмотри.

Клок больше ничего не говорит, достает карты, и мы садимся играть в дурака. Играть с Быком не интересно - он ни хера не соображает, и почти всегда дурак.

*

Двадцать пятого, в последний день учебы я, Бык, Клок и Вэк берем пива и идем на Вонючку купаться.

-Все, пиздец, школа кончилась, - говорит Вэк.

Бык тупо смотрит на него:

-А экзамены?

-Экзамены - хуйня. Никто тебе два не поставит. Всем тройки - и валите из школы, на хуй. Или ты боишься, что тебя оставят еще на год в восьмом?

Бык делает серьезную морду, типа что-то обдумывает.

-А ты, Гонец? - спрашивает меня Клок. - В девятый пойдешь или в техникум?

-Конечно, в девятый. На хера мне техникум?

-Правильно. Поебешь за нас учителям мозги. Кто классная будет, не знаешь еще?

-Не знаю. Но не Сухая. Сухую на пенсию выгоняют. Сам Гнус ей сказал, чтобы съебывала.

-Ну и правильно, нечего ей тут делать. - Вэк влезает в разговор. - Вот будет приколом, если Лариску сделают классной. Она в пятом классе у меня немецкий вела. Помните, тогда полкласса к Тамаре ходили, а полкласса - к Лариске. Лариска дурная - пиздец. Дрочится со своими тетрадками, херню какую-то нам дает - прочитайте и переведите. А раз копалась, копалась - все не могла найти, потом говорит: а, ни хера здесь нет.

-Пиздишь.

-Нет, правда. Бык, ты помнишь?

-Да, помню. А помните, как в пятом классе поехали на клейзавод крыс бить? Вэк, Ты был?

-Был.

-А ты, Гонец?

-Нет.

-Ты что, ни разу на клейзавод не ездил?

-Нет.

-А, ну, ты же раньше примерный был. Но клейзавод сам ты ж знаешь - сразу за заводом Куйбышева?

-Конечно, видел.

-Там еще кучи костей накинаны, и воняет, когда едешь мимо на тралике. А из костей клей делают. И по костям крысы носятся - здоровые, бля, как собаки. Я раз штук десять палкой упиздил, или даже больше.

Бык замолкает, смотрит на реку. На том берегу - это уже Шмидта, - загорают в купальниках несколько баб.

-У, счас бы поебаться, - говорит Клок.

-Ты уже поебался, - Вэк хохочет.

-И ты тоже.

-Ну и я тоже. А Гонец - еще мальчик.

Они хохочут.

-А ты что смеешься? - говорю я Быку. - Ты ведь тоже.

-Что тоже?

-Мальчик.

Он молчит.

-Нет, все-таки хор - говно, - говорит Клок. - Надо, чтоб только пацан и баба, вдвоем. А так передо мной ее уже три человека выебли.

-Ты, может, и триппером заразился, - говорю я.

-Да не пизди ты. Когда триппер, с конца течет, а у меня ничего не было.

-Ну, не было - и хорошо.

-Повезло блядине, - Вэк кривится. - Ее даже не пиздили почти, только ебали. Сама тащилась, сука. А еще потом "штукарь" за это получила.

-Подо мной не тащилась. Лежала, как неживая.

-Подо мной тоже. Под Обезьяной тащилась, это я видел.

-А если с ней счас попробовать? - спрашивает Клок.

Вэк смотрит на него, как на припизженного:

-Тебе что, баб мало? Зачем тебе эта конченная?

-А если с Гулькиной? Она еще ходит с тем своим?

-Не знаю. Но она тебе не даст за просто так. Надо будет ее в кино, мороженое-хужеженое: заебешься. Надо искать такую, чтобы сама ебаться хотела - это раз. Потом, чтоб лет восемнадцать и чтоб ни с кем не ходила постоянно.

Часть вторая

Еду на тралике на УПК. Вижу Кощея. Он держит под мышкой пластиковый пакет с тетрадками. Он в темно-сером костюме, - такие выдают в училищах, на ногах - старые кеды.

-Привет, - говорю я.

-Привет.

-Ты где сейчас?

-В четырнадцатом.

-И на кого учишься?

-На автокрановщика. И еще на тракториста и бульдозериста.

-Все сразу?

-Да. Три специальности.

-Ну, учишь, учишь. Будешь в колхозе работать.

-А ты в девятом?

-Да. А кто еще из пацанов пошел в девятый?

-Кроме меня, только Егоров, Заметкин и Овчаренко.

-А Иванов?

-Не, тоже куда-то делся.

-Говорят, Клок в тридцать втором, на повара.

-Да, точно. Там в группе - три пацана, остальные бабы. Он специально пошел туда, чтобы было, кого ебать.

-А Бык с Вэком?

-Эти в четвертом, на слесарей. Сигареты есть?

Кощей вытаскивает пачку "Примы". Я беру одну.

-Тебе сейчас выходить?

-Не, через одну.

-Ну, давай.

-Давай.

*

На НВП военрук ведет нас - четверых пацанов - в свою каморку. Она под сигнализацией и закрывается сначала решеткой, потом железной дверью. Там у него несколько "калашей" с распиленными стволами и патроны. Когда мы были во втором классе, Митяй - он тогда был в восьмом - как-то залез в эту каморку и спиздил две коробки патронов, а потом продал по десять копеек пацанам из первого и второго класса. Я не купил - у меня копеек в тот день с собой тогда не было, а остальные почти все купили, даже Егоров. Ему потом больше всех пиздюлей навалили - типа, отличник, а такое натворил: "в тихом болоте все черти водятся". Митяй, говорили, сел потом лет на семь или восемь: кого-то "пописал".

-Как называется это отверстие? - спрашивает военрук. Он уже старый дядька, и морда красная, как у всех алкашей. Говорят, он бухает прямо в школе, между уроками, запершись в своей каморке.

Все молчат - или не знают, или не хотят высовываться.

-Ну, так что, как называется это отверстие?

-Анальное, - говорю я.

Все хохочут, кроме военрука.

-Вон отсюда, скотина и моральный урод, разлагаешь дисциплину. Это же надо - додуматься. Тут кругом враги повсюду, такая обстановка в мире сложная, а ему все шуточки. Вон отсюда!

Я поднимаюсь, беру сумку, выхожу.

*

Бык все лето работал на овощной базе - сбивал деревянные ящики для помидоров, заработал триста рублей и купил себе старую "Яву" - "щучку". Теперь все время возился с ней: собирает, разбирает, что-то ремонтирует. "Щучка" его добитая, но иногда заводится, и он тогда гоняет на ней по району с таким видом, типа на "Сузуки".

Я захожу к нему вечером. Он предлагает:

-Поехали кататься.

Я вообще ни разу не ездил на мотоцикле, ни за рулем, ни сзади. Кое-как сажусь за спиной Быка - сиденье узкое, а он толстый - хватаюсь за ручки. Катаемся сначала по Горкам, потом проезжаем мимо школы и на улицу Гастелло.

Нас догоняет Слон на "чезете" - он на год нас старше, раньше тоже учился в семнадцатой, а теперь в каком-то училище.

-Привет, - говорит ему Бык.

-Привет. Как твоя "щучка"? Еще не наебнулась?

-Это твой скорей наебнется. Я тебя на своей обгону.

-Охуенно ты меня обгонишь.

-А давай поспорим.

-Ну, давай. На сколько?

-На чирик.

-Идет.

Бык и Слон жмут друг другу руки, я "разбиваю".

Они решают устроить гонку прямо здесь: машин почти нет. Я слезаю, сажусь на бордюр и закуриваю.

-Скомандуй нам, - говорит Бык.

-Что скомандовать - "на старт, внимание, марш"?

-Не, это ж тебе не бег. Крикни: "Пошел!".

-Ладно.

Оба заводятся, и я кричу:

-Пошел!

Бык на "щучке" сразу отстает. К середине улицы Слон уже метров на десять впереди. Он оборачивается, начинает кривляться, орет:

-Говно твоя "щучка". Выкинь ее на помойку.

Из переулка выезжает ЗИЛ. "Чезет" врзается в него. Слон слетает с мотоцикла, взлетает метров на пять, падает на асфальт вниз головой.

Бык останавливается, спрыгивает со "щучки", бежит к нему. Я тоже бегу. Голова Слона расплющена. Из нее вытекают вымазанные кровью мозги.

-Дурак, блядь, - говорит водила, старый дядька со сморщенной мордой. - Летит, ни хера не смотрит, блядь.

Бык просит у меня сигарету.

-Ну, зато червонец отдавать не придется, - говорю я.

-Вообще-то да. Но пацана все равно жалко.

*

На остановке встречаю Клока, мы садимся побазарить. Подходит Вэк.

-Быка в ментовку вызывали насчет аварии. Но ни хуя ему не сделают: он не виноват, он сзади ехал. А ЗИЛа Слон сам не заметил, потому что видит хуево. У него один глаз вообще не видит, а второй - хуево. Ему не хуй было на мотоцикл садиться. А Быку только штрафа ввалят за то, что без прав.

Мы молча курим.

-А я сегодня мастака своего постелил, - говорит Вэк. - Гондон сам виноват: не хуй было в залупу лезть. Стоим с пацанами в туалете, курим. Он приходит - хуе-мое, курить в туалете нельзя. Я ему показал как нельзя - ебнул по почкам и по ебальнику. Главное, что при всех пацанах с моей группы.

-И что тебе будет?

-Ни хуя. Что, думаешь я его первый отпиздил? Он, долбоеб, думал, что, если я первый курс, то можно понты кидать. Докидался. Теперь знает, до кого можно доебываться, а до кого нет.

-Смотри, вон Иванов пиздует, - говорит Клок.

Неформал подходит к остановке. Он снова отпустил волосы и вставил серьги.

-Э, привет! - кричит ему Вэк. - Иди сюда, расскажи, где ты сейчас, а то не виделись давно.

Неформал подходит без улыбки, с кислой рожей. Руки не подает, и мы ему тоже не подаем.

-Я сейчас в третьей школе учусь. Перешел.

-А зачем тебе все это говно в ушах, волосы, как у бабы? - говорит Вэк. - Или ты думал - из семнадцатой ушел, так можно ходить, как хочешь? Не, по нашему району так не ходят.

-Это мое дело, как ходить. Тебя не касается.

-Что ты сказал? Повтори.

-Тебя это не касается.

-А если я ебну?

-Попробуй.

-И попробую.

Вэк дает ему прямого в челюсть. Неформал замахивается дать сдачи, но Вэк отбивает и засаживает ему ногой по яйцам. Неформал приседает,

и Вэк добавляет ему в нос.

-Ты что, вообще нюх потерял - на своих пацанов заебываться? Еще раз увидим со всем этим делом - яйца оторвем. Понял?

-Понял.

-А теперь пиздуй отсюда. Вон твой троллейбус.

Вэк поворачивается к нам.

-Заебали эти неформалы. В центре видели сколько их?

-И что, Пионеры их не трогают? - спрашиваю я.

-Нет. Они там все друзья. "Пионеров" половина сами металлисты. А тебе "металл" нравится?

-Нет.

-Ну и мне нет. Так что, пусть стригется или переезжает на "Пионеры" жить. Не постригется - сами постригем.

*

На следующий день я, Бык и Клок сидим в "конторе" у Обезьяны. Кроме нас, там Гриб и еще несколько пацанов с района. Часов в девять вечера кто-то стучится в дверь.

-Это еще кто? - орет Обезьяна. - Свои все дома.

Он подходит к дверям.

-Кто там?

-Участковый.

Обезьяна открывает, входит старлей Миша по кличке "Горбатый". Он длинный и все время горбится.

-Добрый вечер, ребята. Как дела?

Никто не отвечает.

-Зря вы так. Я бы на вашем месте повежливее был. Все-таки на моем участке живете. Мало ли что...

-А что случилось? - спрашивает Обезьяна.

-Ничего. А вы думаете, если пришел, значит, обязательно что-то случилось? Я, может быть, просто пришел поговорить с вами.

Горбатый смотрит на штангу, гири.

-Спорт - это хорошо, спорт - это очень хорошо. Занимались бы лучше спортом, с девушками гуляли. Только не так, как с Анохиной. Вы ей,

блядь, ноги целовать до конца жизни должны, а то сели бы на полную катушку. Черепкова знаете?

-Черепка? Знаем, конечно, - говорит Вэк. - И что?

-Ничего. У него уже жопа трещит на зоне. Думаешь, там любят тех, кто за изнасилование садится? Вот сядешь ты, и спросят у тебя, какая статья. И ты скажешь – сто пятнадцатая. А они потом спросят - а что это за статья такая? И ты скажешь - изнасилование. И тогда всем всё станет ясно. И будут тебя в жопу без вазелина каждый день ебать. Понятно?

-Понятно, - Вэк говорит это с таким видом, чтобы мент понял: пора съезживать, он уже всех заебал.

-Нет, пацаны, вы поймите...

Все смотрят в пол и ждут, когда Горбатый уйдет. Но он продолжает пиздеть:

-Я ж, пацаны, для вас стараюсь. У меня - все нормально: квартира, жена, детей двое, на "Жигули" стою на очереди. А ведь до армии сам был таким, как вы. Я вырос на Рабочем. Спросите у пацанов постарше. Хотя, какие они уже пацаны? Взрослые мужики. Я тоже за Рабочий лазил когда-то. Всякое бывало.

-И поэтому Рабочий всегда пизды получал, - говорит Вэк.

Все хохочут. Горбатый машет рукой.

-Поймите, пацаны. Я только не хочу, чтобы вы по дурусти сели.

-Не надо за нас волноваться. Не маленькие уже, - говорит Обезьяна. - Мамкину сиську не сосем, и папкин хуй тоже.

-А ты за всех не отвечай. Мы на тебя скоро уголовное дело заведем. Во-первых, за тунеядство. Во-вторых, за уклонение от армии. С тобой все уже ясно. Тебе дорога одна - в зону. А они - еще пацаны. И не надо их сводить.

-А нас никто не сводит. Ты нас не лечи. Понял? - говорит Вэк.

-А ты мне не тыкай. Счас переебу палкой - потыкаешь.

Горбатый злобно смотрит на нас. Видно, что мы его доебали.

-Ну, ладно. Смотрите сами. Мое дело предупредить.

Он выходит.

*

Бухаем с Быком у него дома. Уже вставило, и охота пойти поискать приключений на свою жопу.

-Пошли к Гулькиной, - говорит Бык.

Ничего поинтереснее своими тупыми мозгами он придумать не может.

-И что?

-Ничего. Поговорим. Вдруг добазаримся.

-А ты будешь базарить?

-Буду.

-Тогда пошли.

Гулькина живет с родоками в своем доме почти у завода Куйбышева. Мы хуячим туда минут сорок. Бык два раза останавливается и зассывает чьи-то заборы, постоянно подкуривает новую сигарету - потянет два раза и выкинет.

Когда доходим до ее дома, ясный хуй, что от Быка толку не будет, и надо действовать самому. Бык остается ждать за калиткой, а я подхожу к двери и звоню. Открывает мамаша Гулькиной - высокая здоровая тетка, похожая на кобылу. Она, наверно, в молодости тоже неслабо ебалась, но сейчас ни у кого на нее не встает.

-Инна дома?

-А зачем тебе Инна?

-Поговорить надо.

-А кто ты такой?

-Одноклассник. Бывший.

В это время Бык начинает громко тошнить.

-Это еще что такое?

-Не знаю.

Мамаша Гулькиной отталкивает меня, выходит на крыльцо. Сквозь забор видно, как у Быка изо рта вытекает склизкая гадость. Она снова толкает меня, в этот раз сильнее.

-Забирай своего друга и уходи. И чтоб я вас здесь больше не видела.

-Ты что, охуела, сука - толкать меня? Счас въебу - хуй подымешься.

Я замахваюсь на нее кулаком, она отступает к двери, заглядывает внутрь.

-Иван! Иди-ка сюда. Тут какие-то недоноски приперлись.

Иван - наверно, ее мужик или ебарь, и какой он - здоровый или нет, - я не знаю и на всякий случай съебываюсь.

Бык стоит возле лужи своей рыготы и вытирает рот рукавом куртки.

-Сваливаем, - говорю я ему.

Мы бежим по переулку. Бык немного протрезвел. Добегаем до следующего переулка - вроде, никто не бежит за нами. Останавливаемся и закуриваем.

-Хули ты малину испортил? Она бы ее позвала, если б не ты, долбоеб. Ты бы хоть дальше отошел, чтоб не так слышно было. А то подумала - какие-то алкаши, бля, пришли.

-Ладно. Хуй на нее.

-А к кому пойдём?

-Не знаю. Пошли на остановку, а там видно будет.

Проходим метров пятьсот - в переулок заворачивают пацан с бабой. Пацан пьяный, машет руками во все стороны, как пиздобол. Баба идет немного сзади и что-то ему орет. Они, наверное, поругались. Ни пацана, ни бабу я на Рабочем раньше не видел. Хотя, может, они здесь и живут, кто их знает?

Бык останавливается прикурить и начинает дрочиться со своей зажигалкой. Он где-то спиздил старую газовую зажигалку и теперь понтуется - типа деловой.

Пацан не видит Быка и прет прямо на него. Бык прикуривает раза с десятого, сует зажигалку в карман, поднимает голову и видит пацана. Пацан в него вот-вот въебется.

Бык берет сигарету в левую руку, правую сжимает в кулак и бьет пацана в челюсть. Пацан отступает назад, но не падает. Баба пищит. Бык стоит и курит, как будто ему все до жопы. Я стою рядом и жду, что будет.

Пацан вытаскивает из кармана куртки бутылку "чернила" - в ней осталось грамм сто - и разбивает ее о железный столб забора: делает "розочку".

Бык делает шаг назад. Я кидаюсь на пацана сзади, но он увертывается и всаживает "розочку" Быку в живот. Баба снова пищит, как будто ее саму "пописали". Пацан поворачивается ко мне. Ему лет двадцать или больше, и он уже такой упитый, что все ему по херу: "попишет" и дальше пойдет.

-Ты тоже хочешь?

-Нет, - говорю я.

-Тогда уябывай на хуй! - орет он на всю улицу, хватая свою бабу и волочет за собой. Баба пищит, как дурная.

Бык стоит, прислонившись к забору, и держится рукой за живот. На куртке кровь.

-Ему пиздец, - говорит Бык. - Припух пацан.

-Больно? - спрашиваю я.

-Терпимо.

-Идти сможешь?

-Смогу.

-Может, скорую вызвать?

-Какую, на хуй, скорую? Там неглубоко. Я ж в куртке, еб твою мать.

*

Вся родня Клока уебала в деревню, и он захотел повыебываться перед нами, показать, какой он деловой в своей группе, где почти одни бабы. Типа, может ебать, кого хочет.

Он пригласил троих баб из общаги и меня с Вэком.

Мы сидим за столом на кухне. Клок выставил литр самогонки и жратву. По телевизору - он у них стоит на кухне, потому что в комнате спит малый - поет Леонтьев. Ненавижу этого пидараса.

-Выключи ты этого козла, - говорю я Клоку.

-Не, не надо. Он нам нравится, - возмущаются бабы. Ладно, хер с вами.

-Ну, как вам наш город? - спрашивает Вэк.

-Нормально, - отвечает одна, ее зовут Оля.

-А учеба?

-Ну, и учеба нормально.

-А чем еще кроме учебы занимаетесь?

-На дискотеки ходим.

Клок разливает самогонку.

-Ну, за знакомство.

Выпиваем.

-А как вы своих пацанов делите? - спрашиваю я у баб.

-А зачем его делить? - говорит одна баба, Таня, и улыбается Клоку. Он подходит к ней, становится сзади, берет ее руками за сиськи. Она не вырывается, поворачивается к нему, и они сосутся.

Мне, получается, достается третья баба - тоже Таня. Она похуже этих

двух: некрасивая и в каком-то колхозном свитере - такие только в деревне носят.

Клок разливает остатки самогонки, мы допиваем, и он ведет Таню в комнату, а Вэк с Олей идут в ванную.

Я остаюсь на кухне со второй Таней. Самогонка вставила слабо: литр на шестерых - это ерунда. Я не знаю, о чем с ней базарить. Она уставилась в телевизор: там поет Пугачева – старая, блядь, корова. От не хуй делать я подсаживаюсь ближе и кладу руку ей на колено. Ноль реакции. Я держу руку на колене, потом суну ее выше - под юбку.

-Перестань, - говорит она.

-Что перестань?

-Ничего. Сам знаешь. То, что ты делаешь.

-А что я делаю?

-Ладно, не играй под придурка. - Она отворачивается от телевизора и смотрит на меня, как учительница или чья-то мамаша, потом сбрасывает мою руку.

-Что такое? - спрашиваю я.

-У меня есть парень.

-Ну и что? У меня тоже, может, девушка есть.

-Значит, тем более.

Она снова поворачивается к телевизору.

-Ну, ладно, не обижайся, - говорю я.

-Я и не обижаюсь. На таких не обижаются.

Из комнаты выходит Клок.

-Пошли покурим.

Мы выходим на балкон.

-Ну, как? - спрашивает он.

-Никак. Говорит, парень есть.

-Ну, мало что говорит.

-А у тебя?

-Все класс. И поебались, и в рот взяла. Я ее уже ебал раньше. Как там Бык? Ты у него в больнице был?

-Нормально. В пятницу выписывают. Говорит, скоро на сбор сможет ездить.

На балкон выходит Вэк. По его морде ничего нельзя понять: такой он хитровыебанный пацан.

-Ну, что? - спрашиваю я.

Он молчит.

Мы приходим с балкона. Бабы уже собираются уходить.

-Посидите еще, - говорит Вэк.

-Да нет, нам учить надо, много задали всего, - говорит Оля.

*

-Хочешь с бабой познакомиться? - спрашивает Клок. Мы стоим у магазина, пытаемся натрасти на пиво. - У меня телефон записан.

-А что за баба? Из твоей группы?

-Не, не из группы. Но нормальная баба. Сводишь в кино, потом отде-решь. Я сам ее не драл, а другие рассказывали.

-А сколько ей лет?

-Восемнадцать.

-Хорошо, давай.

-Если хочешь, пошли счас к телефону, позвонишь, добазаришься.

Из четырех автоматов на остановке работает только один, зато без копеек. Я набираю номер и закрываю дверь. Клок ждет на улице, но ему все слышно, стекла в будке выбиты.

-Алло. Наташу можно?

-А это Наташа.

-Привет.

-Привет. А ты кто?

-Андрей.

-Какой Андрей?

-Обыкновенный.

-А откуда у тебя мой телефон?

-Я нашел бумажку, а там написано "Наташа" и этот номер.

-Ну и что ты хочешь?

-Познакомиться.

-А сколько тебе лет?

- Семнадцать.
-А где ты учишься?
-В тридцать втором.
-А живешь?
-На Рабочем.
-Ну, считай - познакомились. И что?
-Ну, давай, может быть, встретимся?
-Когда?
-В субботу, например.
-Ну, вообще можно. А где?
-Давай у "Октября". В семь.
-Хорошо. А как я тебя узнаю?
-Ну, я такого среднего роста, волосы темные...
-А одет как будешь?
-Серые штаны и синяя куртка. А ты?
-Ну, я еще не знаю. Будет зависеть от погоды.
-Ну, ладно. До завтра.
-Пока.
Я кладу трубку.
-Ну, как? - спрашивает Клок.
-Договорились на завтра.
-Ну, ты, это самое, не теряйся. Своди в кино, потом – к ней домой и кинь пару палок.

*

Я прихожу к "Октябрю" минут на пятнадцать раньше. Возле входа стоят несколько баб. Может, какая-то из них - Наташа. Но ни одна ко мне не подходит.

Я рассматриваю их и выбираю, какую лучше всего выебать. Одна довольно ничего - с короткой стрижкой и мелированием. Остальные все хуевее.

К бабам подходят пацаны или другие бабы, и они, одна за одной, съебывают. Эта, с мелированием, уходит с длинным коротко постриженным пацаном.

Без пяти семь ко мне подходит невысокая толстоватая баба.

-Ты Андрей?

-Да.

-А я Наташа. Привет.

-Привет. В кино пойдем?

-Нет. Не хочу. Давай просто погуляем.

-Ну, давай.

Мы идем в сторону площади Победы.

-Ты здесь недалеко живешь? - спрашиваю я.

-Да. На Мир-2. Ты кого-нибудь отсюда знаешь?

-Нет.

-А в училище?

-Никого.

-Ты же говорил, что в тридцать четвертом. Там Салим, Давыд, Зыра учатся.

-А в какой группе?

-Да откуда я знаю, в какой группе? Знаю, что учатся.

-Ну, там групп много. Я всех не знаю. А ты где учишься?

-В пятнадцатом. На швею. Заканчиваю.

-И потом что?

-Не знаю еще. У тебя сигареты есть?

-Есть.

-Давай сядем, покурим.

Мы садимся на скамейку рядом с площадью Победы и старым мостом через железную дорогу. Закуриваем мой "Космос".

-Как насчет того, чтобы выпить за знакомство? - спрашиваю я.

-Это можно. А где взять?

-Ты что, "точек" не знаешь в своем районе?

-Вообще, знаю.

-Ну, тогда покажешь.

-Хорошо.

На "точке" я покупаю бутылку самогонки. Потом мы заходим в гастроном и берем полбулки хлеба и двести граммов ливерной колбасы. Наташа незаметно забирает со стойки в кафетерии стакан.

Садимся на скамейке во дворе. Уже темно. Я наливаю сначала ей.

-Ну, за знакомство.

Она выпивает. Я наливаю себе, выпиваю. Она режет колбасу ключом - больше ничего нет острого. Хлеб ломаем руками.

После второй я обнимаю ее за широкую, как у свиньи, талию и нащупываю через ветровку складки жира. Она не реагирует.

-У тебя пацан есть? - спрашиваю я - сам не знаю, зачем.

Она смеется. Я нащупываю ее сиську под курткой и кофтой, но она убирает мою руку.

-Давай лучше выпьем.

-Давай.

Допиваем остатки самогонки, доедаем хлеб. Ливерка кончилась еще раньше.

Я снова лезу к ее сиське. Она не убирает руку, просит сигарету.

Я вытаскиваю две космосины из пачки: ей и себе. Пока курим, я трогаю рукой ее сиську. Выбрасываю бычок и лезу к ней, чтобы поцеловать, но от нее так воняет сигаретами, самогонкой и ливеркой, что я останавливаюсь.

-В рот возьмешь? - спрашиваю я.

Она смеется.

-Нет.

-А так?

-Что так?

-Ну, ты понимаешь.

-Нет, не понимаю, - и она опять смеется.

-Ладно, не выебывайся.

-Это кто выебывается?

-Так что, возьмешь в рот?

-Нет.

-Ну, как хочешь.

-Ладно, я пошла. Спасибо за угощение.

-Тебя проводить?

-Не надо. Дорогу до остановки найдешь?

-Найду.

-Ну, пока.

-Пока.

*

Троллейбус набит народом. Сзади столпились одни мужики-работяги. От них воняет дешевыми сигаретами и чесноком. Я еду на УПК во вторую смену, опаздываю.

В давке кто-то трогает мою жопу, или мне просто кажется - не знаю. Насрать. Продолжаю смотреть в окно. Снова кто-то рукой проводит по жопе, но, может быть, случайно: троллейбус трясет, все толкают друг друга.

На всякий случай оборачиваюсь. Мужики как мужики. Хуй проссышь. Выхожу на площади Ленина.

Меня догоняет низкорослый лысый урод с портфелем под мышкой. Он стоял в троллейбусе недалеко от меня.

-Что тебе надо? - спрашиваю я.

Он что-то шепчет, но я ни хера не могу разобрать.

-Что?

Он тянется к уху и шепчет:

-Как насчет того, чтобы пойти в подъезд и быстро-быстро?

Изо рта у него воняет, как будто ему туда насрали.

-Быстро-быстро что?

-Ну, как, что? Это самое.

-Валил бы ты лучше отсюда.

-Тебе что, спермы жалко?

-Мне тебя, долбоеба, жалко.

Я резко останавливаюсь, бью ему ногой по печени. Он падает. Портфель выпадает из рук, раскрывается. Оттуда сыплются чертежи. Я даю ему ногой в морду, он садится на жопу.

-Не прибывайся к людям, сраный пидарас.

*

Сбор сегодня небольшой - человек пятнадцать. Из наших - я, Вэк и Клок. Залазим в троллейбус, закуриваем. На последнем сиденье - Си-

ницкая с каким-то старым дядькой - наверное, муж. Она у меня больше ничего не ведет, и я с ней не здороваюсь.

-Ребята, вы что, не знаете, что в троллейбусе не курят? Ну-ка, потушите сигареты. И это мои бывшие ученики - учила их когда-то основам Советского государства и права.

Вэк смотрит на нее и громко, на весь троллейбус, говорит:

-Пошла на хуй, дура.

Мы хохочем, Синицкая надувается, как жаба, и что-то бурчит мужу на ухо. Потом опять смотрит на нас.

-Мы их воспитываем, учим уму-разуму, а они вот так.

-Да не пизди ты, дура, - говорит Вэк. - А то, счас насуем по ебальнику. Лечит она нас.

-Ты бы выбирал выражения, - говорит муж.

-Счас тебе выберу, - Вэк подходит к нему и несильно бьет по морде.

По морде Синицкой видно, что она соссала. А зачем людям мозги ебать? Мало того, что в школе, так еще и здесь. Она что-то шепчет мужу на ухо.

-Сиди, некуда выходить, - отвечает он громко. - Выйдем, а они - за нами. Научила, блядь, на свою голову.

Она молчит. Мы отворачиваемся. Синицкая со своим дедом нам больше не нужны. Они выходят у завода Куйбышева.

-Смотри, - говорю я Клоку. - Синицкая обоссалась со страху.

На сиденье, с которого она встала - мокрое пятно.

Сбор получается херовым. Нас пиздят "Ветры": их человек тридцать, если не больше. Мне разбивают губу и ставят два "финика" под глазом.

По дороге назад мы со злости даем пиздюлей в троллейбусе двум пацанам с чужого района: они хуй знает зачем намылились на Рабочий - к другу или, может, к бабам.

*

Вечером на остановке нет никого из наших.

Я иду домой к Вэку. Он открывает мне сам.

-Заходи.

Я разубаюсь, прохожу в комнату.

-Слышал, Быру выгнали из учила? - спрашивает он.

-За что?

-За то, что мудака. Выебывался больше всех, хотел показать, типа "основной". У себя на районе ноль, а там думал понтонуться. Ну, и понтонулся. В училило не ходил, ни хуя не делал вообще, типа, самый деловой, и все ему до жопы. Короче, его и выгнали, на хуй. Сейчас в армию заберут.

-Как – в армию?

-А ему уже восемнадцать скоро. Этот дебил в первом классе три года сидел. Ты что, не знал?

-Нет.

-Три года. Он вообще тормозной, хуже Быка.

-И что он теперь будет делать?

-Ничего. Получил пизды от мамы. Она прямо в училило приехала и при всех ему пиздюлей надавала. Сказала, из дома выгонит, на хуй.

-Откуда ты знаешь?

-Знакомый пацан рассказал. Он в его группе учится.

-Ну, а Быра что?

-Ничего. Психанул, побежал куда-то. Хуй она его выгонит, но мозги поебет. Так ему и надо, гондону. Я его сегодня видел пьяного. Он мне всякую хуйню говорил – типа, сам ушел из училило и хочет в армию, типа, армия – это заебись, почти как зона.

Хлопает дверь. В комнату заглядывает сморщенный алкаш с наколками на обеих руках – папаша Вэка.

-Ну, что, герои? Как жизнь? В зону скоро?

-Завтра утром, – отвечает Вэк. Я молчу, даже не здороваюсь – пошел он в жопу.

-А что тут такого, еб твою мать? Я вон три года оттрубил. Счас Сашка сидит. В зоне есть закон. Там все по-честному. А здесь – кто кого наебет. Водки выпьете со мной?

-Ну, можно, вообще, – говорит Вэк. – Ты как? – Он смотрит на меня.

-Я не против.

-Ну, и правильно. Возражать – хуи рожать. А на халяву и уксус сладкий. Он уходит на кухню.

-За что он в зоне был? – спрашиваю я Вэка.

-Не знаю. Кому-нибудь, въебал, наверно. Или спиздил что-нибудь.

-Ну, что вы там? Идите сюда. Не стесняйтесь. Будьте как дома, но не

забывайте, что в гостях. Особенно ты.

Он дает Вэку щелбана. Вэк дергается, но ничего не говорит.

На столе - бутылка водки и три граненых стакана 0,2. Батя Вэка нарезает хлеб и сало, разливает водку.

-Ну, будем.

Выпиваем.

-Нет, блядь, - говорит папаша Вэка. - Не понимаю я вас, молодежь. Какие-то вы все, блядь, не такие. Хитровыебанные, бля - вот вы кто. Мы были проще. Что-то с вами не то. Это все Горбатый, наверное, виноват. Перестройки, хуёйки. Все это хуйня. Вот ты мне когда последний раз рассказал, как у тебя дела - хорошо или херово?

Он смотрит на Вэка. Вэк не отводит глаза, сам вылупляется на него.

-А когда тебя мои дела стали волновать?

-Ну, вот. Начинается. Ладно, давайте по второй.

Он наливает. Выпиваем.

-Ты, как, футбол смотришь? - спрашивает у меня папаша Вэка.

-Какой сейчас футбол? Зима же, - Вэк смотрит на него, как на дебила.

-Не сейчас, а вообще, дурила.

-Ты поосторожней.

-Сам поосторожней, когда со старшими разговариваешь, еб твою мать. Нету, блядь, нормального футбола. "Динамо-Киев" - это хохлы, а я за блядских хохлов не болею. В "Спартаке" одни черножопые. "Динамо-Тбилиси" - ну, грузины играть умеют, только не тренируются ни хуя, пидарасы. Пьют. Такой вот футбол, бля.

-Тебе всегда всё не нравится, - говорит Вэк.

Его батя не отвечает, разливает остатки водки.

-Ну, будем.

-А баба у тебя есть? - папаша Вэка пододвигается ближе ко мне. Когда он открывает рот, оттуда воняет "Примой" и чесноком. Он положил возле себя несколько головок чеснока и, кроме него, ничем не закусывает. Я подвигаю к нему свою пачку "Космоса", но он ее не замечает и курит одну свою "Приму".

-Нету, - говорю я.

-И правильно. Все бабы бляди. - Он смотрит на Вэка. - И твоя мамаша, в том числе.

Вэк поднимает на него глаза.

-А что ты думаешь, она не блядовала? Блядовала, конечно. Ты еще малый был. С трактористом, потом с грузином.

-Заткнись ты, блядь. Хули ты меня позоришь?

-А ты мне рот не затыкай. Я могу и не понять.

Вэк бьет ему по рылу, и папаша падает на пол вместе со стулом. Вэк подсакивает, начинает молотить его ногами. Я пытаюсь его оттащить, а то еще убьет, на хуй – его батька и так чуть живой. Но Вэк молотит его, как робот какой-нибудь сраный.

Минут через пять он "сдыхает" и садится на табуретку - отдохнуть. Достает из папашинной пачки примину, закуривает.

Папаша ворочается на полу, что-то бормочет. Морда разбита. Он поднимается, на нас не смотрит, ничего не говорит, выходит из кухни. Стыдно, наверное, что родной сын пиздюлей навалял, да еще перед чужим пацаном.

-Ты часто так с ним? - спрашиваю я.

-Бывает. Пусть не выебывается.

*

Звенит звонок на классный час. Я всегда уходил в него, а сегодня остаюсь - наверное, первый раз за полгода.

Классная замечает меня и подъезбывает:

-О, какие люди почтили нас своим присутствием.

Некоторые дебилы смеются. Я делаю злобную морду, но на Классную особо не злюсь: она неплохая тетка, намного лучше, чем придурочная коммунистка Сухая. Ее летом выгнали на пенсию, а нам дали физичку Матлакову. Она помоложе - лет, может, тридцать пять - и меньше ебет мозги.

-Нет, шутки шутками, а ты зря, Андрей, нас игнорируешь. Мы здесь всякие интересные темы обсуждаем. И я думаю, ребята заметили, что это уже не те классные часы, которые были в прошлом году, при Вере Алексеевне. Надо сказать, я к ней отношусь с уважением. Она - прекрасный педагог. Огромный опыт в школе. Прекрасное знание своего предмета. Но иногда сложно бывает адаптироваться к новым реалиям. Перестройка, на самом деле, ребята, это очень серьезно. В обществе столько всего изменилось за последние два-три года. И я понимаю Веру Алек-

сеевну, понимаю ее решение уйти на пенсию, хоть и уверена, что она могла бы еще долго работать в нашей школе. Ей просто сложно было бы перестроиться, перейти на новое мышление. Хотя, еще раз повторяю, она - прекрасный педагог и специалист.

-А это правда, что ее попросили на пенсию из-за того, что она - сталистка? - спрашивает Карпекина.

Классная задумывается, смотрит в окно, потом на нас.

-Нет, вы поймите правильно. Ну, можно сказать... Ее взгляды не совсем вписываются в новые реалии... Но давайте не про Веру Алексеевну будем говорить, а про вас. Мне не нравится, что вы такие пассивные, ничем не интересуетесь. Газеты не читаете, по телевизору тоже смотрите только какие-то развлекательные передачи. А ведь там столько всего интересного и одновременно полезного: "Взгляд", например, или "До и после полуночи".

Классная останавливается, смотрит на нас. Всем все до лампочки, никто не слушает ее базар. Ждут, чтобы она поскорее отпустила нас домой. Некоторые болтают между собой, некоторые смотрят в окно, и Классная все это видит. Но она не психует, как Сухая, только морщит лоб и говорит:

-Ну, как мне вас растормошить, разбудить от спячки?

*

Новый год празднуем в "конторе": я, Вэк, Обезьяна и Бык. Еще Клок должен подвалить. Он обещал привести баб из своего учила. Я целый месяц собирал деньги, не сдавал в школе на обеды, ходил жрать на хляву, когда там оставались лишние порции, откладывал всю мелочь. Хотел набрать хотя бы двадцатку, но получилось всего пятнадцать. Хорошо, что Клок за меня заложил.

Обезьяна приволок бобинный магнитофон. Мы сходили в магазин и набрали жратвы: хлеба и консервов. Водку Обезьяна закупил заранее.

Клок с бабами должны были прийти к восьми, но их все нет и нет, а у нас все давно готово: жратва, водка, стаканы - на этот раз должно хватить на всех, Бык приволок из дома штук десять. Сидим и слушаем блатняк на магнитофоне.

-Давай, ебнем по одной, - говорит Обезьяна. - А то тут охуеешь, пока их дождешься.

Открываем бутылку водки, разливаем, пьем.

-Ладно, давайте еще по одной. Хули тут, по сто грамм, надо хотя бы по двести.

Выпиваем еще.

-Бля, - говорит Бык. – Бухать – это все-таки заебись.

Мы ржем.

-А хули вы лахаете, долбоебы? Типа, вам не нравится бухать? Я вот раньше, когда малый был, думал: говно все это - водка там, пиво, вино. Мне бы лучше десять бутылок лимонада, чем десять бутылок пива. Не то, что сейчас.

Мы снова ржем.

Приходит Клок - один, без баб.

-Наебали, суки. Сказали, придут, но ни хуя.

-Ты заебал, бля, - возбужает Вэк. - Нахуя я вообще сюда пришел? Я бы лучше пошел туда, где бабы есть. Нахуя мне здесь сидеть с вами?

-Ладно, успокойся, - говорит Обезьяна. - Хуй с ними, с бабами. Давайте бухать, раз уж собрались.

К двенадцати мы уже все бухие в жопу.

Выходим из подвала, хлопаем хлопушки, жжем бенгальские огни - этого говна мы тоже накупили. На балконах стоит бухой народ и тоже жжет бенгальские огни и хлопает хлопушки и орет "С Новым годом!"

Мы тоже орем:

-С Новым годом, блядь, на хуй, еб твою мать, с новым годом, суки ебанные, пиздюки недоделанные, гондоны незаштопаные!

Возвращаемся в "контору" продолжать: водка еще есть.

-Что-то сборов давно не было, - говорю я.

-А на хуя тебе сбор? - спрашивает Обезьяна.

-Ну, как на хуя? За свой район...

-Хуйня все это. Да, мне скоро двадцать, я, типа, старый уже и за район могу не ходить, хоть хожу иногда. Но это все говно и на хуй не надо. Сходил пару раз, с пацанами кентуешься, авторитет там, хуе-мое, а лазить каждый раз, чтобы пизды получить – это хуйня.

-Что-то раньше ты другое говорил.

-Мало ли, что я говорил. Все это хуйня. Деньги - вот это основное. Когда с лохов по пятерке собираешь, типа, свои пацаны залетели, надо выручать, а потом на эти деньги берешь бухло - вот это я понимаю, а все

остальное - на хуй нужно. И тем более в зону попасть по дурости - бабу там выебал или ебальник кому-то разбил. Дурные пусть садятся. А я хуй сяду.

*

На улице - весна, и на уроке сидеть запаadlo. Я поднимаю руку и спрашиваю у химицы:

-Можно выйти?

Она бурчит под нос:

-Можно, но ненадолго. Сейчас буду новый материал объяснять.

Я спускаюсь вниз, курю на заднем крыльце. С крыши капает, и несколько ледяных капель попадают мне за воротник. Солнце светит так ярко, что даже слезы текут: отвык от него за зиму. Выбрасываю бычок на кучу желтого, обоссанного снега и иду в учительский туалет. Там я долго дrouchу, растягиваю кайф, представляя себе разных баб из десятого. Возвращаюсь на урок перед самым звонком.

-Где ты был? - спрашивает химица.

Я не отвечаю.

После уроков Вэк ждет меня на первом этаже, возле гардероба. Он опять симулирует учило. Мы выходим на заднее крыльцо, как раньше, и закуриваем.

-Блядь, школа на хуй еб твою мать. Первая учительница, хуе-мое. Первое бухло. Первая ебля. Класс, - базарит Вэк. - Лиза у вас еще ведет физкультуру?

-Не, ее выгнали на хуй.

-За что?

-Говорят, деньги пиздила из сумок у других учих.

-Во, докатилась, блядь.

-А это правда, что они с Людкой из продленки - лесбиянки?

-Ясный хуй, правда.

-А ты их видел?

-Я не видел, и никто не видел. Ты что думаешь, они на матах лягут - приходи, бля, любуйся?

-Нет, ну все-таки...

-Что - все-таки? Ничего просто так не бывает. Не говорят же, что Сухая

с Синицкой - лесбиянки. А они тоже подружки были. А Лиза мало что пьяница и жидовка, так еще и с Людкой ебалась...

-Вот бы посмотреть, как лесбиянки ебутся...

-Фильмы надо смотреть. У Монгола - это Обезьяны друг - есть видик. У него родоки в Монголии или где там работают и привезли ему видик. И он берет кассеты у знакомых пацанов и показывает у себя на хате. Два фильма - пятерка. Говорили, он раз показывал фильм про то, как бабы лижут друг другу и дрочат и все это самое, но он его уже, наверно, отдал. Хотя можем сходить сегодня. Вдруг что-то еще нормальное. У тебя вообще как, деньги есть?

-Только трульник.

-Ладно, я одолжу тебе.

-Ну, пошли.

*

Приходим к Монголу к пяти часам. В комнате сидят уже человек двадцать пацанов. Кто-то на стульях или на диване, но, в основном, все на полу. Монгол - "старый" пацан, лет двадцать, невысокий, черный, узкоглазый: настоящий монгол.

Отдаем ему деньги, здороваемся с пацанами - почти все знакомые, со своего района - и садимся на пол.

-Сегодня два фильма, - говорит Монгол. - Сначала "Молодой бизнесмен", это порно, а потом боевик про Брюса Ли.

Порнофильм черно-белый, и запись довольно херовая. На экране какой-то мужик - наверное, это и есть бизнесмен, - приводит к себе баб и ебет. Снято обычно снизу, видно только, как его хуй ходит у нее в пизде, как будто и не ебля, а физкультура какая-нибудь. Смотреть на это скоро остопиздевает. В конце какая-то баба берет у него в рот, а он хватает ее за голову и не дает слезть с хуя, пока она не задыхается.

Фильм про Брюса Ли - намного интереснее: в нем драки заебись.

Выходим с Вэком от Монгола - и встречаем Быка. Втроем гуляем по району.

-Я, наверное, себе в кулаки забью вазелин, - говорит Вэк.

-За хуй? - Бык делает свою обыкновенную тупую морду.

-Как - за хуй? Кулак потом твердый становится, и пиздиться знаешь, как хорошо? Если кому въебешь, то лучше, чем кастетом. А еще пацаны

в хуй вазелин загоняют - чтобы больше был.

-Пиздишь.

-Вот тебе зуб. На "Пионерах" есть один мужик-таксист, так он, мне говорили, уже пять кубов вазелина загнал. Он у него в литровую банку чуть влазит, когда стоит. Бабы на него сами лезут.

-А если он банку на хуй наденет, а он у него встанет? Он же ее не снимет потом?

-Ебнет банку обо что-нибудь - и все. А еще загоняют шарики из подшипников.

-Куда? - спрашиваю я.

-Как куда? Тоже в хуй. Баба знаешь, как тащится, когда ее таким хуем порют? Хочешь себе загнать? Бабы будут сами тебя просить, чтоб выебал.

Я мотаю головой.

-На хуй надо.

-Ссышь. А кто не ссыт, тот всех баб ебет.

*

-Я с Кузьминой стал ходить из восьмого класса, - говорит мне Клок. Мы идем по Рабочему, ищем, где бухнуть.

-Зачем тебе она?

-Как зачем? Нормальная баба. Правда малая еще, ну и ладно.

-Ебется?

-Ты что, охуел? Ей пятнадцать лет только.

-А зачем она тебе?

-Так, погулять. Я ж говорю - нормальная баба. Красивая. Или скажешь - нет?

-Ну, вообще красивая. Отличница, кстати.

-Я знаю. А хули мне - отличница, двоечница? Баба есть баба.

-А как ты снял ее?

-Обыкновенно. Ехал из учила, и они откуда-то ехали классом. Ну, я пошел поговорить с пацанами, а там и она стоит. Поглядывает там, улыбочки. Потом смотрю - она выходит на Моторном. Ну, я тоже вышел на Моторном, типа, по дороге. Побазарил. Говорю - пошли в кино завтра. Она говорит - пошли. Ну, сходили, потом в коктейль-бар само собой - по

сто пятьдесят мороженого с сиропом, коктейль там, пирожное. Потом сосались в подъезде...

-Она умеет?

-Нет. Ты говоришь хуйню - кто ее научил?

-А потом что?

-Потом ничего. Пошла домой.

-Ты пиздишь, что это так, погулять. Ты хочешь ее выебать. Целку сломать.

-А если и хочу, что тут такого? Ты все завидуешь и злишься, потому что ты еще "мальчик". Но ты сам виноват. Баб кругом много, а ты ни хуя не делаешь, хочешь, чтобы тебе бабу привели и сказали "еби".

-Да нет баб нормальных.

-Не пизди только, ладно? В классе у тебя сколько баб?

-Что, я со своего класса буду снимать бабу?

-Ну, не хочешь со своего - сними с другого. Или, ты на УПК ходишь. Там что, не можешь снять?

-Там такие бабы деловые - не доебешься.

-Ну, как хочешь. Нравится дрочить - дрочи. А трусы сам стираешь или мамаша?

-Я счас ебну.

-Ладно, не злись. Это я так.

*

На школьную дискотеку со мной приходят Бык и Клок с Кузьминой - она накрутилась, как блядина, но все равно видно, что красивая баба, хоть и малая. Садимся на стулья, смотрим, как бабы и пацаны крутят жопами, топчутся, машут руками, обсераем их.

-Расскажи им про физика, - говорит Клок Кузьминой.

-Ай, неохота.

-Расскажи. Тут все свои люди.

-Ладно. Ну, короче, я была дежурная, и он мне говорит: останься, типа, после урока, поможешь отнести приборы в лаборантскую. А Ленки - ну, которая со мной сидит, - не было тогда, я одна. Ладно, понесла эти приборы в лаборантскую. Поставила на стол, хотела уходить - тут он заходит. Спасибо, молодец. И улыбается. Потом говорит - хочешь я тебе что-

то покажу? Ну, ладно, говорю, показывайте. Он достает из шкафа карты. С голыми женщинами.

-Перефотографированные? - спрашиваю я.

-Нет, настоящие. Цветные. И дает мне их. Я посмотрела, потом говорю - все, можно идти? А он опять улыбается и говорит - а можно тебя о чем-то попросить? Я говорю - смотря о чем, и улыбаюсь. Я его не боюсь, что он мне сделает? А он мнется. Я опять - ну что? Он говорит - я хотел бы посмотреть на тебя обнаженной...

-Так и говорит?

-Да, так и говорит. Не бойся, говорит, я даже близко не подойду, на три метра. У тебя, говорит, интеллигентное тело, не то, что у этих колхозниц.

-А ты что?

-Спрашиваю - а что я с этого буду иметь? А он - могу дать тебе двадцать пять рублей. Я ему тогда - это вы меня во столько цените, Петр Михайлович? И вышла.

-И как он после этого с тобой?

-А никак. Обыкновенно. Как всегда.

-Смотри, вон Гулькина, - показывает Бык.

Я давно не видел ее. Она - с какой-то подругой не с Рабочего.

-Где она теперь? - спрашиваю я.

-В тринадцатом училе. На швею. Слушай, иди побазарь с ней. Скажи, что я хочу с ней поговорить.

-Так сам иди и побазарь.

-Нет, так не солидно. Надо, чтоб кто-то другой.

-Ну, ладно.

Я подхожу к бабам.

-Привет.

-Привет, - говорит Гулькина. - Какая встреча. Ты где, в девятом?

-Да. А ты?

-В тринадцатом училище.

-Слушай, с тобой Бык хочет поговорить.

-О чем?

-Ну, он сам тебе скажет.

Я машу ему рукой, а сам отхожу. Ее подруга тоже уходит. Они базарят

минут пять, из-за музыки я не слышу, о чем. Потом Бык идет к нам.

-Ну, как? - спрашиваю я.

-Заебись. Забил стрелку на завтра. Пойдем в кино, потом мороженое и все остальное. По полной программе, - Бык ухмыляется.

*

Дискотека закончилась. Клок идет провожать Кузьмину домой, а мы с Быком - на остановку. Там сидят Вэк, Суша и еще несколько пацанов. Мы выкуриваем по сигарете, потом всей бандой идем гулять.

Из ментовки выходит Горбатый с еще одним ментом. Мы орем:

-Менты - пидарасы, козлы, хуесосы!

Горбатый машет нам дубинкой, но нам по хер, мы орем:

-Хуй вам в рот, ментам поганым, скоро всех вас передушим!

Они стоят, смотрят, ухмыляются - типа, во молодежь оборзела - потом кидаются на нас.

Мы - удирать. Они - за нами. Бык бежит последним: он плохо бегаёт, потому что толстый. Горбатый хватает его за куртку. Второй мент подбегает. Они валят Быка на тротуар, начинают мочить дубинками. Мы останавливаемся, смотрим.

-Что, вы тоже хотите? - кричит Горбатый.

Мы отходим подальше. Менты волокут Быка в опорный.

Настроение поганое, делать нечего, и мы расходимся.

Возле дома ко мне подходит Дима - алкаш из нашего подъезда.

-Привет. Можно тебя на минутку?

-Что тебе?

-Так, на минутку.

-Ну, что ты хочешь?

Дима бухает каждый день и уже стал похож на бича: морда - красная, ебло опухшее, волосы - грязные и со струпьями перхоти. Я не знаю, сколько ему лет - может, тридцать пять, а, может, пятьдесят. Он живет один в однокомнатной квартире, такой же, как у нас, только на первом этаже. Говорят, он раньше жил с женой, но она ушла из-за того, что пил.

-Понимаешь, они нас не задавят. Мы не сдадимся.

-Кто - они?

-Как кто? Ты что - не понимаешь?

-Нет.

-Жиды. Это наши враги.

-И что они тебе могут сделать?

-Все могут. Убить, зарезать. Но мы не сдадимся. На силу есть сила.

-Правильно.

Дима сует мне руку, я жму ее и хочу забрать, но он не отпускает. Смотрит на меня, как шизанутый.

-Ладно, все. - говорю я. - Мне надо идти.

-Иди. Но на силу есть сила. Ты понял?

-Понял. До свидания.

Я захожу в подъезд, оборачиваюсь и смотрю на Диму. Он ссыт, повернувшись к дереву.

Дома мама, как всегда, начинает наезжать:

-Где ты был? Что делал?

-Я уже не в первом классе. Что хочу, то и делаю.

-Если ты такой взрослый, то иди и зарабатывай себе на жизнь. Думаешь, это легко: прожить на то, что я зарабатываю? Плюс копейки, что отец приносит? Он, можно сказать, себе на выпивку работает.

-Я ничего особенного не прошу.

-А о чем особенном можно говорить, когда на самое необходимое не хватает?

-Ладно, ты всегда так говоришь. А у самой три тысячи на книжке.

-Эти три тысячи, если хочешь знать, для тебя лежат. Ты ведь женишься когда-нибудь, надо будет хозяйством обзаводиться. К тому же, эти деньги - наследство от бабушки, за ее дом. С моей зарплатой столько за всю жизнь не накопишь.

-Мне эти деньги не нужны. Лучше их сейчас потратить, чем нить, что не хватает.

-Это я-то ною? Как ты с матерью разговариваешь?

Я молча смотрю в окно. Она еще бубнит, потом идет на кухню.

*

-Ну, как? - спрашиваю я на следующий день у Быка.

-Хуево. Всю ночь сидел у них в ментовке, пиздили. Грозилась в жопу торкануть и завафлить. Утром выписали штраф - пятьдесят рублей - и говорят: пиздуй отсюда.

-А штраф за что?

-Как за что? Хулиганство, блядь. Ну, пидарасы, блядь. Встретить бы, блядь, Горбатого где-нибудь одного, и чтоб он без дубинки и без пистолета - я бы его убил, на хуй.

-А Гулькина как?

-Заебись.

-Что заебись?

-Все заебись. Дала. Я пошел к ней утром, прямо из ментовки, домой не заходил. Одна дома, училу засимуляла. Ну, хуе-мое, привет, привет, мы ж на вечер вроде договорились. Ну, я говорю, типа, зачем ждать вечера, когда можно сейчас. Посидели, попиздели, потом легли.

-И она сама?

-Ну, как сама? Я взял ее за жопу, говорю - пошли. Она - нет, не сейчас, давай потом. Я говорю - не пизди, давай сейчас, ну и все такое. Поебались, потом легли спать, потом я еще ей палку поставил. Пожрал и пошел домой.

-Ну и как она?

-Заебись. Умеет ебаться. Ее, наверно, после школы уже полгорода переобало. Только мне насрать.

-А если я к ней подвалю?

-Ни хуя не будет. Она сейчас меня любит и тебя пошлет на хуй. Знаешь, что мне рассказала? Что хотела с Бырой поебаться.

-Пиздишь.

-Зуб даю. Сама сказала - зачем ей пиздеть. Только просила, чтобы никому не говорил. Так что, ты тоже никому.

-Нет, все равно не верю. Он же весь восьмой класс к Анохиной доебывался, с ним еще Обезьяна разбирался до всей этой хуйни.

-Я сам чуть не охуел, когда услышал. Говорю - ты что, Быра же такой урод, зачем тебе он? А она говорит - вы, типа, пацаны, не разбираетесь. У него глаза красивые и жопа.

-Надо его с пидарасами познакомить.

-Ну, ты и знакомь. Это у тебя их, наверное, море знакомых, раз уже в троллейбусе прибываются ...

-Ладно, не пизди. Лучше расскажи про Быру.

-Ну, короче, он привел ее к себе - бабы дома не было, она была в больнице. Они ее с мамашей так отпиздили, что в больницу отвезли.

-За что?

-Не знаю. Тебе не все равно? Короче, они выпили, хуе-мое. Потом зажимались и она говорит - ну, я сейчас приду, типа. И пошла в ванну. А Быра музон врубил на всю катушку. И думает - а что, если не встанет? Первый раз, все-таки. Решил задрочить. Сел на кресло и дрочит. А тут его мамаша пришла. И прикинь - музон хуярит, Быра в кресле дрочит, а тут Гулькина из ванной голая выходит.

-И потом?

-Ничего. Мамаша ей сказала – уходи. Она оделась и ушла. А Быре, наверно, пиздюлей навставляла.

*

После школы закидываю сумку домой и иду на остановку. Подходит Бык. У него есть бабки - стипуха, - и он берет нам по бутылке пива.

-Смотри, ни хуя себе, - говорит Бык.

Неформал прет к остановке с красивой бабой. Я ее уже несколько раз

видел на районе, но появилась она здесь недавно.

-Она в евонном доме живет, - говорит Бык. - Недавно переехали.

-Пошли, подойдем?

-Ну их на хуй, потом.

Они стоят на остановке, о чем-то базарят, ржут. Она в джинсах и джинсовой куртке, волосы белые, длинные.

-Как ты думаешь, он ее ебет? - спрашивает Бык.

-Вряд ли. А какая тебе разница?

-Ну, все-таки баба ничего. Не могу понять, зачем ей этот неформал ебаный.

-Она сама такая.

-Наверно.

Неформал с бабой садятся в троллейбус и уезжают. На остановку припирается Вэк с приминной во рту.

-Слышали, что Быру посадили?

-Не. За что?

-Дал пизды кому-то. Ехал пьяный в тралике и доебался до мужика с бабой. Мужик ему там что-то объяснял, а Быра начал его пиздить. Нос сломал. Приехали на Рабочий, а там Миша Горбатый. Ну, они к нему. Быра съебываться - но пьяный, куда он убежит? Горбатый словил его и отпиздил палкой, а мужик заяву написал. Потом машину вызвали, и Быру - в районную ментовку. А там видят, что ссуль и фраер - и начали пиздить. Хотят все, что у них есть, на него повесить. Типа, если не признаешься, упиздим. Ну, он и признался.

-И что теперь?

-Жопа ему теперь. Ему уже восемнадцать - пойдет не на малолетку, а в нормальную зону.

-Пошлите в "контору", - говорит Вэк. - У меня есть ключ.

-Откуда? - спрашивает Бык.

-Обезьяна дал.

-Ты что, там уже за хозяина?

-Да нет. Так просто. Ладно, пошли.

Заходим на "точку", покупаем на деньги Быка бутылку самогонки, потом - в "контору". Закуски нет.

-Ладно, выпьем так, - говорит Вэк. - Что, мы целки, бля, сраные?

Разливаем, пьем.

-Ну, Быра, конечно дурак, - триндит Бык. - Теперь ему точно жопа. Сядет лет на пять, а раз он фраер, то на зоне ему пиздец.

-Да, Быра, конечно, гондон, - говорю я. - Только до дохлых доебываться мог - типа здоровый.

-Ну что, еще по одной? - спрашивает Бык.

-Разливай.

Допиваем самогонку и идем гулять. Дало неслабо, особенно Быку. Он идет, шатаясь, и все время отстает от нас.

-Где Бык? - спрашиваю я Вэка.

-Хуй его знает. Может, ссыт под забором и ли домой пошел. Да хуй на него - на своем районе ничего с ним не станет.

-Может, поищем его?

-Ну, на хуй.

Доходим до остановки, садимся на лавку. Откуда-то вылезает Миша Горбатый с двумя дружинниками. Я знаю одного: это папаша Севастьяновой. Она училась с нами до девятого, потом ушла в техникум. Говорят, мужик хотел стать следователем, но что-то там не получилось, и вот теперь ходит дружинником с ментами.

-Ага, в общественном месте в нетрезвом состоянии. - Миша Горбатый машет дружинникам. - Идите сюда. Забираем их.

Папаша Севастьяновой берет меня за руку, второй дружинник - Вэка. Но мне уже на все насрать.

*

Они приводят нас в ментовку. Я здесь ни разу раньше не был. В первой большой комнате - два стола и черно-белый телевизор. По телевизору показывают Юрия Антонова. Из-за помех его свиную рожу еле можно разобрать.

За столом сидят еще два дружинника и пьют пиво.

-Веди его в детскую комнату, - говорит Горбатый Севастьянову, и он ведет меня к двери в другом конце комнаты. За ней - коридор, а в нем еще несколько дверей. На одной - ободранная табличка "Детская комната милиции".

Севастьянов открывает дверь, толкает меня внутрь.

-Смотри, чтобы без глупостей, - и закрывает дверь.

В комнате горит тусклая пыльная лампочка без абажура. В другом конце - стол, над ним - портрет Ленина. У стены - несколько стульев. Я сажусь.

Минут через десять приходит Горбатый.

-Ну, что? Отправить тебя в вырезвитель?

Я кручу головой.

-Ты разговаривай, а не мотай головой.

-Не надо, - говорю я. Язык как будто распух, и голос вообще чужой.

-А ведь мы можем. И еще штрафу тебе ввалим - появление в общественном месте в нетрезвом виде, а это уже мелкое хулиганство. Ты это знаешь?

-Нет.

-Ну, теперь будешь знать.

Он смотрит на меня. Я смотрю в стену.

-Ну, что с тобой делать?

-Отпустите.

-А губа у тебя не залупится? Если бы мы всех отпускали... Где учишься?

-В семнадцатой.

-В каком классе?

-Девятом.

-А родители кто?

-Мама - бухгалтер, отец - культпросветработник.

-Ну, вот. Нормальная семья. А зачем тебе эта шпана?

Я молчу.

-Ладно, составим бумагу в школу, пусть тебе там мозги пропесочат. Посидишь здесь, протрезвеешь, потом пойдешь тихонько домой. И смотри - чтоб без глупостей.

-Хорошо.

*

Бумага приходит в школу уже через несколько дней: поторопились, козлы. Я тусанулся - вдруг выгонят? Когда рассказал Быку с Вэком - они говорят: ну и что, пойдешь в вечернюю. Ничего не понимают пацаны. Какая может быть вечерняя? Родоки охуеют, если я хотя бы десять клас-

сов в нормальной школе не кончу. Я же у них один. Они надеялись, что буду примерным, в институт там поступлю...

На классном часу - собрание, "разбирают" меня. Я знаю, что пацаны против меня ничего не скажут - им это не надо, а бабы повыделываются обязательно.

Начинает Классная:

-Я скажу кое-что в некотором смысле банальное, но ведь так оно и есть на самом деле. Пропадает человек, просто пропадает. Ты ведь, Андрей, способный парень, из хорошей семьи. Мог бы хорошо учиться, а вместо этого якшаешься со всякой шпаной. Зачем тебе это надо?

Я молча смотрю в окно.

-Нет, Андрей, ты здесь отмалчиваться не будешь. Раз мы ради тебя здесь собрались, то будь добр, объясни нам, пожалуйста. Ответь на конкретный вопрос: зачем тебе это надо?

-Что надо?

-Ну, вот, начинается. Зачем надо пить алкогольные напитки, гулять со всякой шпаной, попадать в милицию?

Я молчу.

-Ну, вот, видишь, тебе даже и сказать нечего.

Потом встает "шестерка" Сафонова - противная дура, дочка Инессы, которая ведет математику, но не у нас.

-Ты позоришь наш класс, - говорит она. - Ты хоть сам понимаешь это? Из-за тебя нам могут не дать поездку в Ленинград в конце учебного года. Ты это понимаешь? Тебе надо взяться за ум.

Не твое дело, дура. Иди дальше "шестери" учителям, сука. Другие сидят и не слушают, им насрать и на меня, и на собрание, им главное, чтобы скорей отпустили домой. На поездку в Ленинград, может быть, и не насрать, но я не верю, что из-за меня ее могут не дать.

-Ну, что с тобой делать, Андрей?

У Классной такой вид, типа она волнуется за меня, типа ей не все равно, что из меня получится. Какое ей дело?

-Ничего не надо со мной делать. Я больше так не буду.

Сказал - и самому противно: как в первом классе, бля. Некоторые смеются.

-Ты же взрослый человек, Андрей. Сказать "больше не буду" - мало. Тебе надо поменять образ жизни, найти нормальных друзей, взяться за

учебу, - говорит Класная. - Не все потеряно. Ты мог бы хорошо учиться, поступить в институт.

Я молча слушаю. Пусть говорит, что хочет. Чем быстрее скажет, тем раньше все закончится, и я пойду домой.

*

Вечером прихожу на остановку. Там сидит Бык - уже немного бухой - видно пропил остатки стипендии.

-Ну, что, выебли тебя я классе? - спрашивает он.

-Так, немного.

-И что теперь?

-Ничего. Строгий выговор. Еще одна бумага - и выгонят.

-Не ссы. Понты это. А вот Вэка реально выгнали из хабзы.

-Откуда ты знаешь?

-Он заходил сегодня.

-Что, за эту бумажку?

-Не только. Он и мастаков пиздил, и не учился ни хера.

-Смотри, вон та баба, которая с Неформалом.

Она подходит к остановке.

-Пошли поговорим, - говорит Бык.

Я остаюсь сидеть, а он встает, подходит к ней.

-Привет. Сигарету хочешь, - Бык вытаскивает из кармана пачку Космоса. Она смотрит на него, как на малолетку, который доколупывается до взрослой тетки, ничего не говорит.

-Ты ж на этом районе живешь, а мы здесь свои пацаны. Давай познакомимся.

-Не надо нам знакомиться. До свидания.

Она отходит в сторону на пару метров.

-Ну, как хочешь.

Бык возвращается ко мне.

-Зачем тебе эта коза? - говорю я. - Ты что, снять ее хочешь?

-Ну, не знаю... - Бык тупо улыбается.

-Пошли лучше к Вэку, - говорю я.

-Ну, пошли.

*

Вэк - один дома, хата свободна.

-Ну, что? - спрашивает Бык.

-Нихуя. Давай бухнем.

-Давай.

Он ставит поллитра водки и закусь - сало с чесноком и хлеб - как всегда. Водка уходит быстро. Вэк начинает выделяться:

-Мне учило до жопы. Выгнали - и заебись.

-А что ты будешь делать? - Мне тоже дало, и голос - как не свой.

-Работать пойду. Деньги зарабатывать - на Куйбышева. Буду триста рублей иметь, не то, что ты Бык, в своем училе и тем более ты, Гонец, в школе.

-Заебись. Будешь нам проставлять.

-Ага. Дождешься.

-Блядь, сигареты кончились, - Бык зажимает в кулак пустую пачку от "Космоса". - У тебя есть, Вэк?

-Нету.

-А у тебя?

-Нет.

-Пошли за сигаретами.

-А может, ты один сходишь?

-Как один? Одному неохота.

-Ну, ладно. Пошли.

Надеваем куртки, спускаемся и идем в магазин.

Навстречу - подруга Неформала.

-Смотри, Вэк, подруга Иванова, - говорю я.

-Знаю. Видел я их, блядь. Неформалы ебучие.

Она приближается.

-Ах, какая встреча! - Вэк загораживает ей дорогу.

Она хочет обойти, но он не дает.

-Пошли, зачем тебе она? - говорит Бык.

-Как это зачем? Она же с этим пидарасом ходит. Нормальных пацанов не уважаешь, а со всякими волосатыми трешься? - Вэк хватает ее за волосы.

-Отъебись ты от нее, Вэк. Пошли за сигаретами.

-На тебе сигареты, - он вытаскивает у нее из кармана пачку "Беломира" и швыряет Быку. Бык не ловит, пачка падает на тротуар.

-Отпусти меня, - говорит она. - Тебе же потом хуже будет.

-А ты меня не пугай.

Вэк бьет ее кулаком в нос.

-Ну, а ты что стоишь? - кричит мне Вэк. - Ебни ей тоже.

Мне неохота бить бабу, но и с Вэком ругаться я не хочу, а оттого, что пьяный, все вообще по хуй. Я бью ей кулаком в плечо. Потом Вэк - в живот.

-Смотри, сука. Не будешь своих пацанов уважать, а со всякими неформалами шераебиться - будет еще хуже.

Он отпускает ее волосы. У нее течет кровь из носа и дальше по подбородку.

Она уходит.

-Нахуя ты к ней лез? - спрашивает Бык.

-Пусть не ставит себя выше консервной банки. Думает, если ходит с волосатым хером, так уже деловая.

-А тебе не по хуй, кто с кем ходит?

-Нет, не по хуй.

-Ну, она баба, все-таки.

-А мне насрать, что баба. В моем районе никто передо мной выебываться не будет.

*

В субботу вечером гуляем с Быком, Вэком и Клоком. Подходим к ресторану - его недавно открыли, вернее, не открыли, а просто повесили на столовой вывеску "Ресторан".

Днем там, как и раньше, обедают водилы с автобазы, а вечером почти всегда пусто, хоть и открыто до одиннадцати. Бухнуть, конечно, можно, но дорого, и пацанам не наливают, только "старым". Так что, лучше уж на точке самогонку брать. По выходным здесь празднуют свадьбы и дни рождения, но это было и раньше.

Мы заглядываем с улицы в окно. Моргают огни цветомузыки, а все остальное закрывает занавеска.

-Что, опять свадьба какая-нибудь? - спрашивает Бык.

-Ясный хуй, свадьба, - Вэк сплевывает на стекло.

-Подойти, что ли? - не может успокоиться Бык. - Вдруг нальют?

-Охуенно тебе нальют. Догонят и еще нальют. Таких, как ты, знаешь сколько? Если б всем наливали, здесь бы уже полрайона стояло.

-А-а-а.

-Хуй на.

Я и Клок все это время молчим. Настроение поганое, делать нечего, бабок нет, и домой переться еще рано.

Из ресторана выходят двое пацанов с бабой. Пацанам, может, лет по двадцать, и ей, наверное, тоже. Они не с нашего района. Я их раньше здесь не видел.

Вэк смотрит на нас и подмигивает.

-Привет, - говорит он и загораживает дорогу одному пацану. Пацан его обходит, типа столб какой-нибудь, и они продолжают про что-то ба-зарить между собой.

-Э, ты, что, не понял? - кричит Вэк, догоняет их. Мы не спеша идем следом.

-Что такое? - спрашивает пацан.

-Как что такое? С какого вы района?

-А тебе какое дело?

-Большое и толстое. Дай мне рубль.

Они остановились и не знают, что делать. Но видно, что не соссали. Пацан поглядывает на ресторан, но на крыльце - никого, а если крикнуть, то не услышат: далеко уже отошли. Мы подходим к ним ближе.

-Ребята, вы чего? - спрашивает второй пацан. Баба жметя к нему поближе. Наверно, она - его баба.

-Гоните по рублю - потом идите, куда хотите, - говорит Вэк.

-А не жирно тебе будет? - говорит первый.

-Счас увидишь, жирно или нет.

Бык бьет первому пацану в глаз, а мы с Клоком прыгаем на того, который с бабой. Она начинает орать.

-Что ты ревешь, сука? - Вэк хватает ее за волосы и притягивает к земле. Бык махается с первым пацаном, а мы с Клоком мочим второго. Клок падает ему по яйцам, и пацан готов, остается только добить ногами. Вэк отшвыривает бабу, идет помогать Быку. Пацан падает, и они тоже вдво-

ем добивают его ногами, стараясь попасть по морде, чтобы сломать нос или выбить зубы. Он закрывает морду руками.

Мимо проходит старуха из сто пятидесятого дома.

-Вечно мира им нет, - бурчит она себе под нос.

"Наш" пацан тоже уже не сопротивлялся, зато его баба пытается нас от него оторвать, хватает за руки. Клок разворачивается и дает ей оплеуху. Она отступает назад.

-Может затынем ее куда-нибудь и выебем? - спрашиваю я.

-Ну ее на хуй, суку.

-Все, уябываем! - кричит Вэк. Из ресторана к нам бегут три пацана.

-Разбегаемся, - орет Бык. Я бегу через дорогу, потом налево - чтоб не под окнами ментовки - и во дворы пятиэтажных домов, потом к школе. Останавливаюсь. Вроде никого. Сажусь на крыльцо передохнуть. Смотрю на свой кулак - он рассечен в двух местах.

*

-Зря ты на них залупнулся, - говорю я назавтра Вэку. Мы сидим на остановке.

-Почему зря? Тебя догнали?

-Нет.

-И меня не догнали. И Быка с Клоком не догнали. А что, пусть на своем районе всякое говно выебывается?

-Ну, они сами не лезли. И ты не знаешь, кто они такие. Может, не лохи. Видел, они не соссали.

-Хватит гнилые базары разводить. Они там сидят, бухают, с бабами зажимаются, а мы ходим по району без бабок, как малолетки. Заебись?

-Ну...

Напротив остановки останавливается машина. "Жигули-шестерка". Хлопает дверь.

-Они?

-Они.

Съебывать поздно. К нам идут четверо здоровых пацанов и тот, который был вчера с бабой. У него под глазом "финик" и губы разбиты.

-На силу есть сила, - говорит один. У него - поломанный кривой нос, а на ногах - "адидасы". - Так ведь?

Я успеваю только подумать, какой Вэк все-таки долбоеб. Меня бьет вчерашний пацан. Несильно, скользящим по уху.

Пацан со сломанным носом мочит Вэка. Видно, он боксер или просто умеет махаться.

Пацан бьет меня еще раз, в живот, но опять не особо сильно. Потом бью я, отталкиваю его и бегу. Успеваю только забежать за остановку. Двое "быков" догоняют меня и хватают за куртку. Один бьет ногой по спине, я падаю, и они начинают хуярить меня ногами.

Я закрываю голову руками. Они месят меня минут пять, потом уходят.

Спина и ребра горят. Наверно, ребро сломали, суки.

Встаю и иду к остановке. Этих уже нет. На скамейке сидит Вэк. У него разбита вся морда - нос, губы, под глазами "финики": они пока красные, только потом посинеют. Он выплевывает обломок зуба.

-Блядь, хуесосы, - говорю я. - Пошли в "контору", скажем Обезьяне, остальным пацанам, найдем этих козлов и в жопу выебем.

-Пошли.

Обезьяна в конторе. Он слушает нас, кривит губы, морщится и от этого становится вообще уродом.

-Вы сами долбоебы, - говорит он. - Не надо было заебываться на кого попало. Говорите, на зеленой "шестерке", все спортсмены, один с полыманным носом? Знаю, кто это. Центровые. Фарцовщики или хуй там их знает, кто они. Зеня их знает: он сам с Кузей фарцует жвачками, у этих берут, а эти - типа, самые основные, знают, где все брать.

-И что, ничего нельзя сделать?

-Ничего. Никто на них не полезет.

-Но эти, вчерашние... Эти лохи были, - говорю я.

-Может и лохи, зато друзья у них... Следующий раз не лезьте. И вообще вам советую - кончайте хуйней заниматься. Бабки надо делать, чтобы на водку было и на блядей, а не ходить - по пять копеек стряпать.

*

На алгебре приходит военрук, забирает всех пацанов. Ведет нас на третий этаж, к люку на чердак.

-Залезайте, - говорит он.

На чердаке уже ждет завхоз Сергеич, старый алкаш. Он всегда ходит по школе в задроченном синем халате и с молотком в кармане. Не-

сколько раз у него этот молоток вытаскивали и бросали в унитаз в мужском туалете.

Я никогда раньше не был на чердаке школы. Он весь засыпан обломками кирпичей, штукатурки, досками и какой-то соломой, и все это засрано голубями. Несколько голубей летают по чердаку или сидят на досках.

-Берите доски, камни - что хотите, - и кидайте в этих гадов, - говорит Сергеич. - Гоните их, на хуй, через окно.

Чердачные окна открыты. На улице дождь, и слышно, как капли стучат по крыше.

Мы хватаем палки и кирпичи, начинаем швырять в голубей. Бегаем по чердаку, как охувшие, мочим этих блядских птиц.

Повсюду валяются перья, а солома и доски обмазаны кровью тех, кого попали. Спасаясь, некоторые кидаются в окна, но мы стараемся никого не выпустить, всех добить. Сергеич стоит в углу и дебилно улыбается.

*

Вечером выхожу погулять. На остановке никого нет, и я прусь в "контору": вдруг, там кто-нибудь сидит. Долго стучу - не открывают. Потом Обезьяна спрашивает:

-Кто там?

-Я.

-А, Гонец? Ну, заходи. Мы тут бухаем.

В конторе еще Цыган, Бык и еще несколько пацанов с района. На ящиках - бутылок десять чернила, нарезанный хлеб и сало.

-Откуда столько бухла? - спрашиваю я.

-Хоттабыч принес. - Цыган ржет. Он уже здорово датый, остальные тоже.

-Обезьяна типа на залет собрал, - говорит Бык, и все лыбятся. - Прогонел по всяким лохам - говорит: такое дело, залетели пацаны, поехали за свой район, а их менты повязали, хотят дело повесить. Ну, и дают - кто - трульник, кто рубль.

Мне наливают в чью-то рюмку. Я выпиваю, закусываю хлебом.

-Счас бы бабу протянуть хором, - говорит Обезьяна. - А где Клок? Пусть бы привел своих из учили - поварих. Мы б тут их обработали.

-Флок с какой-то бабой ходит, типа на постоянке, - говорит Бык.

-Откуда ты знаешь? Он что, говорил?

-Ничего он не говорил. Я его видел с ней пару раз в троллейбусе. Спрашиваю - кто. Говорит - так, баба из учила.

Я сижу рядом с Обезьяной. Он уже пьяный в жопу, порет всякую хуйню.

-Нахуя ты в девятый класс пошел?

-Так просто.

-Хуйня все это. На хуй не нужно. Может еще в институт потом?

-Не знаю.

-Вообще, это твое дело. Ты свой пацан, ходишь за район. Так что это меня не ебет - в институт там или куда. Но я тебе говорю как старый уже пацан - все это на хуй не надо. Институт, хуют - все это хуйня.

-Я ж тебе не говорю, что в институт собрался.

-А какая хуй разница - говорю, не говорю. Я только одно знаю... Это самое... Институт - это все хуйня. Потом что - сотню рублей? А что такое сотня рублей? Ты ни хера не понимаешь еще, что такое сотня рублей, потому что ты это... Ты молодой еще, но это все хуйня. А насчет бабок? Ну, это, я тебе скажу. Вон, Цыган устроился на мясокомбинат, в охрану. Знаешь, сколько он имеет?

-Не знаю.

-И не узнаешь. Потому что он цыган. Но много - я тебе отвечаю. Или Белый. Белого знаешь?

-Ну, так. Наглядно.

-Он штаны шьет. Сегодня приносишь материал - завтра забираешь штаны. Тридцать рублей, а если джинсы, то пятьдесят. И клепки-хуепки там тебе поставит, и фирму, если надо. Так что, смотри, Гонец. Мотай на ус. Давай еще выпьем.

Чернила больше нет. Все разошлись, остались только я, Бык, Обезьяна и еще один пацан - Паша. Бык уже вырубился.

-Буди его и волоки домой, - говорит Обезьяна.

-А может, здесь оставить?

-Не надо. Он тут всю контору зарыгает. Забирай его.

Я трясу Быка за плечо:

-Вставай.

Бык что-то мычит.

-Вставай, пошли домой.

-Ни ху-у-у-я.

-Домой пошли. Хули ты тут расселся? Контору закрывать пора.

-Не. Ху-у-у-я. Не.

-Вставай.

-Да не... Как?

-Что как? Хватит ебать вола. Пошли.

Я хватаю его за плечи и волоку. У самого тоже самолетики летают в голове. Паша помогает вытащить Быка из "конторы". Его куртка остается там.

Держу Быка, чтоб не упал - бесполезно. Он все равно падает, встает на карачки, начинает тошнить. Его рыгота вся красная - от чернила. Я отхожу в сторону метра на два, закуриваю. Бык кончает тошнить и зовет меня:

-Э, Гонец, это ты?

-Я.

-А где мы?

-Что, не видишь? Возле "конторы". Идти можешь?

-Не знаю.

-Вытри рожу сначала. Платок есть?

-Нет.

Я бросаю ему свой - помятый и сопливый. Он вытирается и швыряет его в лужу рыготы.

-Обезьяна тебя выебет за то, что прямо возле конторы нарыгал, - говорю я.

-Не ссы. Пошли лучше отсюда.

Я беру его за руку и веду. От Быка воняет рыготой.

-А заебись побухали, а? - спрашивает Бык.

-Нормально.

Я довожу его до квартиры, прислоняю к дверям, звоню и ухожу.

*

Вечером в субботу большой сбор. Приезжаем к "тресту" - там "Ветры": человек сорок, а нас как минимум пятьдесят. Даем им пизды? Ни хера подобного. У них - металлические шары. Их "основы" орут: не подходи-

те, а то закидаем шарами, на хуй.

Обезьяна говорит: насрать на шары, они все ссули, кидать не будут, это все понты, так что, полезли, вперед. Мы срываемся на "Ветров" всей толпой. Они кидают шары. Паше - в колено, Зене - в живот, а Грузину - в самую бошку, но хорошо, что скользким, а то был бы ему пиздец.

Дальше никто не идет, все разворачиваются. Еще один шар ударяется в спину Быку. Мы все соссали и разбегаемся. Обезьяна орет - куда вы, суки? - но и сам убегает. Отбегаем метров на двести и останавливаемся. "Ветры" не бегут, за нами, ржут и показывают руками - "сосите хуй".

-Бля, пидарасы, - говорил Обезьяна. - Они бы еще с ломами вышли.

-Да, против лома нет приема, - Бык тупо смотрит на нас, трогает спину, куда ему ебнуло.

-Если нет второго лома, - кричит Цыган. Он лыбится, типа все нормально.

-Ладно, мы еще с ними встретимся, - Обезьяна злобно смотрит на "Ветров". - Ты как, в норме? - спрашивает он у Грузина.

-Какое там в норме, бля?

Из головы у него течет кровь, он промокает ее носовым платком.

*

Выхожу погулять, встречаю Клока.

-Как дела?

-Нормально.

-С Кузьминой еще ходишь?

-Не-а.

-А что так?

-Я ни с кем долго не хожу.

-Отодрал и бросил?

-Ну, почти так.

-И не жалко было? Она ж еще малая.

-А хули жалко? Я заставлял ее, что ли? Я ведь не силой ее - она сама говорит: хорошо. Типа влюбилась. Дура еще. И мамаша у нее такая - каждый месяц - с новым мужиком.

-А папаша?

-Он с ними не живет давно. Они говорят, что выгнали его, но я не верю. Ее мамаша такая стерва, что любого заебет. Скорей всего, сам ушел.

-Ну, и как тебе с ней?

-Ну, как? Только, что целку первый раз - интересно: кровь там, хуе-мое, а на самом деле - только лишняя морока. Кроме того, она ж ничего еще не умеет - малая. С ней кайфа особого нет. Лучше всего - когда бабе лет восемнадцать хотя бы, чтобы уже умела ебаться, а целки всякие - пошли они в жопу. А Кузьмина теперь пойдет по рукам.

-Думаешь? Она же отличница.

-А хули разницы - отличница, двоечница? Ты думаешь, только те ебутся, про которых все знают? Так это самые последние, такую я бы и не стал ебать. Мне один мужик - пили вместе - правильно говорит: не надо ебать блядей, надо ебать порядочных женщин. Понял? А такая, которая ходит по школе в грязных спортивных штанах под платьем, ее пусть алкаши за бутылку "чернила" дерут.

*

Первого мая иду с классом на демонстрацию. Можно было забить на нее, но я решил сходить. Нас заталкивают в троллейбусы - как кильки в банку - чтобы везти без остановок в центр города. Я заскакиваю среди первых, успеваю сесть. Рядом садится Карпекина. Мы никогда не разговариваем и не здороваемся, но сегодня она сама заводит разговор:

-Как твои криминальные друзья поживают?

Она это спрашивает по-нормальному, без подъебки, и я не посылаю ее на хер, а отвечаю:

-Ты имеешь в виду Быка с Вэком?

-Ну, и их тоже.

-А остальные не друзья. Так, знакомые. Бывшие одноклассники, как и твои тоже. Слышала про Быру?

-Слышала и очень рада. Я всегда знала, что он сядет. Он подонок.

-Он ссуль. Если бы не соссал, на него другие дела не повесили бы.

-Ты ничего не понял. Дело же не в том, что повесили.

-А в чем?

-В том, что он сам к этому шел.

-Ладно, давай переменяем тему.

-Можно, конечно. Но я тебя не понимаю. Зачем тебе все это? Разве интересно?

-Что интересно?

-Ну, драки район на район. Водка.

-А что тут такого?

-Ничего. Я не хочу говорить как Класная или другие учителя - они ничего дальше собственного носа не видят. Но в чем-то они правы. Ты мог бы иметь нормальных друзей, нормальную девушку. А какой нормальной девушке будет интересен хулиган и алкоголик? Ты сам видишь, что за девушки ходят с твоими друзьями.

-А что такого? Нормальные девушки.

-Ты так говоришь только чтобы мне противоречить.

-Может быть.

-Не может быть, а да.

Троллейбус останавливается, все бросаются к дверям, расталкивая друг друга. Учителя визжат, но ни хера не могут сделать.

Троллейбус стоит в самом центре, недалеко от площади Ленина - через нее должна была пройти демонстрация. До начала еще больше двух часов. Стоять и ждать в школьной толпе не охота, и я иду гулять.

С забитой припизженными демонстрантами улицы сворачиваю во двор. Там мужики-работяги прислонили свои флаги и транспарант "За перестройку и демократию" к стене и разливают по рюмкам водку.

-Мужики, не нальете тридцать капель? - спрашиваю я.

-А не рано еще? Какой класс?

-Десятый.

-Ну, тогда можно.

Мне наливают рюмку, суют в руку бутерброд из хлеба с кровяной колбасой.

-Спасибо. С праздником вас.

Я выпиваю, иду дальше. В каждом дворе - такая же бухающая компания. В одной из них замечаю папу. Он стоит с какими-то алкашами у детской песочницы, с рюмкой "чернила" в руке и базарит, а они слушают или, хотя бы, делают вид, что слушают.

-... Вот это было время. Начало семидесятых. Сразу после Вудстока. Первые хиппи. "Лед зеппелин", "Дип перпл". Ну, "Битлз" тоже, конечно, но "Лед зеппелин" все равно лучше...

-А что ты думаешь про Горбачева? - перебивает его мужик в кепке с колхозно-дебильным лицом.

-Ничего не думаю. Время ушло. Все это нужно было делать раньше.

Я подхожу.

-Привет, папа.

-Привет.

-Знакомьтесь - это мой сын Андрей, очень хороший парень.

-А можно и мне с вами выпить? По случаю праздника?

-Можно, конечно. Ребята, стакан моему сыну организуйте, пожалуйста.

Один из мужиков сует мне граненый стакан с недопитыми каплями "чернила" на дне. Я стряхиваю капли в траву. Другой мужик наливает мне из бутылки "Агдама".

-Ну, за праздник. Какой ни есть, а все-таки. В жизни должно быть место празднику! - говорит папа, и чокаемся только мы с ним: ни у кого больше нет стаканов.

Я выпиваю одним махом, отдаю стакан мужикам. Папа пьет "чернило" мелкими глотками - он это называет "смаковать". Ему насрать, что мужики ждут.

-Выпивай скорей, не держи, а то деньги вестись не будут, - говорит мужик в кепке.

-Деньги - дерьмо, - отвечает папа. Он поворачивается ко мне.

-А где твои друзья, одноклассники?

-Там, - я машу рукой в сторону площади Ленина.

-Ты, в общем, правильно говоришь, - говорит папе мужик в кепке. - Но про Горбатого ты мало сказал. Ты главного не сказал. Что он, бля, турист сраный, а Райка его - обезьяна облезлая. Правильно?

-Неправильно. Да, он, конечно, неинтеллигентный человек, но что-то в нем есть.

Папа допивает наконец свое "чернило".

-Пошли, сын, отсюда. Эти пролетарии ничего не понимают.

Мне уже дало неслабо, оттого, наверное, что водка смешалась с вином, и получился "ерш".

-Ну, я, это... к своим пойду, - говорю я.

-Ладно, давай, давай.

Папа хочет пожать мне руку, потом, вспоминает, что мы вечером увидимся дома, - хотя он, скорее всего, будет пьяный в жопу и я, может, тоже - и прячет руку в карман.

С трудом я нахожу своих, хотя мог и не искать вообще: на хера мне эта демонстрация вонючая? Гнус замечает, что я выпил.

-Ну, это еще что? Где ты уже выпил?

Я молчу.

-Иди домой, не позорь школу.

-Как домой? Троллейбусы не ходят.

-Ладно, вставай тогда в середину колонны, чтоб в глаза не бросаться.

Типа для меня это кайф охуенный: пройти в этой сраной колонне мимо трибуны, не которой стоят всякие гондоны и обезьяны и улыбаются и машут руками.

Егоров и другие пацаны лузгают семечки, сплевывая шелуху в кулаки. Я выставляю руку, мне тоже отсыпают. Я лузгаю их и сплевываю прямо на асфальт.

Рядом стоит колонна двадцать третьей школы. Это - наши враги, Мир-1. Один их пацан подваливает к Егорову - самому маленькому и хилому - и просит семечек. Егоров не знает, что делать. Я узнаю пацана: видел пару раз у "треста", когда ездил на сбор. Я подхожу и спрашиваю:

-Что такое?

-Ничего. Отвали.

Я бью ему головой в нос. Пацан хватается за морду и отскакивает.

Подбегает Гнус.

-Опять ты беспорядки устраиваешь? Я тебе поставлю "неуд" по поведению за год!

Учителя начинают суетиться: пора трогаться. Я всовываюсь в середину колонны. Мне все до лампочки, я "балдею".

Проходим через площадь под дебильные выкрики из рупоров на столбах. В сторону трибуны я не смотрю.

За площадью колонна рассыпается. Я выбираюсь из толпы, осторожно, чтобы эти хуи с Мир-1 не увязались следом, пешком иду домой: троллейбусы еще не ходят.

*

На остановке на Рабочем сидит Клок. Ему не хер делать, он плюет под ноги и разглядывает свои слюни.

-Пошли ко мне, бухнем, - говорит он.

-Ну, я вообще уже бухнул.

Но кайф потихоньку уходит, и я соглашаюсь.

Вся его родня дома, сидит за накрытым столом. Меня сажают на углу, и мамаша Клока дает мне тарелку с пятном губной помады и наваливает на нее селедки под шубой, картошки и мяса. Это хорошо, потому что я с утра ничего не жрал, а потом еще бухнул на демонстрации.

-Ну, выпьем. За праздник, - говорит мамаша Клока. Его папаша уже "хороший", и он ничего не говорит, только смотрит на всех стеклянными глазами, потом поднимает рюмку. Я тоже поднимаю свою и чокаюсь с другими, проливая бухло на салаты посреди стола. Праздник мне до жопы, но бухнуть на халяву - это всегда заебись.

В дверь звонят. Приходит сосед с баяном, такой же алкаш, как папаша Клока. Все еще теснее сдвигаются вокруг стола, и он тоже втискивается, положив баян на пол. Малый на руках у сеструхи Клока визжит, и она волочет его в ванную, а потом орет оттуда, что он обоссался и обосрался.

Сосед выпивает стакан водки, отодвигается со стулом от стола, берет баян, начинает играть. Все - кроме меня и Клока - поют "Ой, мороз, мороз".

-Пошли, покурим, - говорит Клок.

-Так здесь же все курят.

-Не, давай на балкон.

Я протискиваюсь к ободранной двери балкона, Клок за мной. У него - пачка "Космоса". Мы курим и плюем с балкона вниз, на огороженный гнилым штакетником палисадник. Мне уже совсем хорошо. В комнате сосед что-то дрочит на баяне, потом музыка обрывается, что-то падает и звенит.

Мы заглядываем в комнату. Папаша Клока и сосед бьют друг другу морды, а остальные пытаются их растащить. Стол опрокинут, и жратва вперемешку с посудой разбросана по всей комнате.

-Ты мою Нинку ебал, - орет папаша Клока. Нинка - это мамаша Клока.

-Пошли отсюда, на хуй, - говорит Клок. Мы протискиваемся к дверям. Клок поднимает с пола бутылку. В ней еще осталось немного водки, не вся вылилась. Мы допиваем ее из горла в подъезде без закуси.

*

На улице мне становится херово. Клок хочет меня вести, но он сам пьяный, и мы чуть не въебываемся в столб. По другой стороне дороги прет пацан из восьмого класса. Я с ним никогда контактов не имел, и за район он не ездил, но сейчас какая разница?

-Э, - кричит ему Клок, - иди сюда. Помоги, тут Гонец пьяный. Я сам... это... выпивший.

Пацан подходит, и они с Клоком, кое-как волокут меня. Еще светло. Навстречу пиздуют знакомые и соседи, но мне все до жопы.

Клок и пацан доводят меня до подъезда.

-Дальше сам, - говорю я.

Подняться по лестнице не получается, я падаю и поползу на карачках на третий этаж.

У двери хватаюсь за стену, встаю. Дотягиваюсь до звонка и жму. Открывает мама.

-Ну, вот. Маленькие дети - маленькие заботы, большие дети...

Тошнить не тянет. Я валюсь на диван и вырубаясь.

Ночью, просыпаюсь и тошню на ковер, потом иду в туалет поссать. Родоки проснулись и включили свет. На ковре возле дивана красное - от свеклы в "шубе" - пятно рыготы.

*

В конце мая идем в поход. Я, Бык, Вэк и Клок с тремя бабами из его учила. Мы купили водки, тушенки и хлеба. Бык взял у знакомого пацана двухместную палатку, и еще одна такая есть у Вэка, его брат где-то спиздил. Рюкзаки есть у всех, даже у нас дома валяется старый, еще папа с ним в молодости ходил в походы. Пойдут бабы или нет - не знаем до последнего момента. Клоку после Нового года веры нет.

Встречаемся утром на остановке, чтобы ехать на вокзал. Оттуда электричкой до Лотвы, потом - пешком.

Клок припирается один.

-А где бабы?

-Придут на вокзал. Нахуя им сюда ехать?

-А если не придут?

-Придут, не ссыте.

-Ну, смотри, - говорит Вэк. - Если их не будет, я никуда, на хуй, не пойду. Нахуя мне ваш поход, если без баб? Я лучше с Обезьяной побухаю

*

Клок не наебал: бабы ждут на вокзале, все трое. Все довольно ничего, не колхозницы. Нормально одеты, в джинсах, ветровках.

-Знакомьтесь, - говорит Клок. - Это Люда, это Лена, а это Ира.

Люда - с длинными белыми волосами, высокая, Лена - почти такого же роста, но брюнетка, а Ира - пониже, с короткой стрижкой.

-Во сколько электричка? - спрашивает Люда.

-Через пятнадцать минут, - говорит Клок. - Пойду брать билеты.

-Как вам наш друг? - спрашивает Вэк у баб. - Вы с ним типа это... учитесь.

Бабы лыбятся, но молчат.

-Плохо, наверное, когда в группе всего три пацана, - плетет Вэк дальше.

-Нормально, - отвечает Люда. - У нас нормальные пацаны.

-А учиться интересно? - спрашиваю я, чтобы что-то спросить. Дурнее вопроса не придумать, но они снова лыбятся.

-Ну, как тебе сказать... - начинает Лена, и все трое ржут.

-Все ясно, - говорю я.

Подваливает Клок с билетами, говорит:

-Пошлите садиться.

Вагон полупустой, только несколько рыбаков со своими снастями, в поношенных дождевиках, и старухи-дачницы.

Садимся на сиденья по три - напротив друг друга, а Клоку - он шел последним - достается место через проход.

-Ну, что, по пиву? - спрашивает Клок.

-Давай, может, потом, а то мало останется.

-Ладно, потом. А сейчас хоть лимонада давайте запиздоболим.

Клок вытаскивает из рюкзака бутылку "Буратино", открывает о железную ручку на спинке сиденья. Все пьют по очереди, я - после баб, вымазав губы их помадой.

Вываливаемся из поезда. Ебашит дождь. Зонтиков нет ни у кого.

-Пиздец! - Вэк психует. - Приплыли. Придется пиздовать назад.

-Нихуя, - говорит Клок. - Бухло есть, жратва есть - сядем здесь, на станции и будем бухать.

Станция - навес от дождя и закрытая касса.

Мы садимся на лавку под навесом. Бык, покопавшись, вытаскивает из рюкзака бутылку "Столичной" и стаканы. Достаем хлеб, сало, Бык открывает ржавым складным ножом банку тушенки.

-Ну, за знакомство, - говорит Клок. - И за то, чтобы этот ебанный дождь кончился и не обосрал нам поход.

После водки Бык предлагает еще по пиву, и никто не против. Видно, что Вэк еще психует, ну и хер на него.

Дождь перестает, и мы трогаемся.

-Ты хорошо дорогу знаешь? - спрашиваю я у Клока.

-Само собой.

Прем по лесу часа два, останавливаемся на привал, чтобы еще бухнуть и пожрать. Бык все время крутится вокруг Иры. Значит, я могу остаться с хуем: пацанов больше, чем баб.

Пока еще не поздно, подсаживаюсь к Ленке.

-Ты вообще любишь ходить в походы?

-Вообще люблю. А ты?

-Не знаю. Это первый раз, чтобы вот так, нормально. Помню, раз в школе, года два назад, ходили классом, но это говно. Учителя там, ма-

маша одного пацана. Отойти куда нельзя, не то чтобы там покурить или выпить.

-Ты что, уже в седьмом классе пил?

-Ну, пить не пил, зато курил. Так, баловался. А ты во сколько начала?

-Уже в училище. В начале. А что еще делать в общаге? Скучно там.

Бык разливает водку.

-А не много с тебя будет? - спрашивает Клок. - Упьешься - хуй до места дойдешь.

-Не ссы, все дойдем.

Трогаемся через час, все бухие и веселые, всем все по хуй.

Когда доходим до речки, уже совсем темно.

-Клок, ты умеешь палатки ставить - вот и ставь! - орет Вэк и ржет.

Мы все тоже ржем - не потому, что так уж смешно, просто все пьяные в жопу.

-Нет, вы что, охуели? Я один ни хера делать не буду. Давайте, помогайте.

Трава мокрая: дождь только недавно перестал. Клок возится с колышками и железками и говорит нам, что делать - типа деловой. От баб толку было мало, они сели на свои рюкзаки и пьют пиво. Хорошо, хоть под ногами не путаются и не мешают. В конце концов, мы кое-как ставим палатки.

-Ну, палатки есть. Значит, можно еще вмазать? - спрашивает Клок.

-Ясный пень! - отвечает Вэк.

Бык ничего не говорит, только улыбается своей дебильной улыбкой - типа все путем. Все набиваемся в одну палатку. В ней мокро, потому что трава под ней мокрая, но всем все до жопы.

-Клок, надо бы костер, - говорит Бык.

Все ржут.

-Ты что, охуел? - орет Клок. - Какой костер, когда все мокрое?

-Ну, завтра тогда.

-Завтра и посмотрим, - говорит Клок. - Сам будешь разводить. Я уже заебался.

Клок с Людой зажимаются. Бык, хоть и бухой в жопу, трется возле Ирки, а я оказался между Клоком и Вэком. Выпиваем еще по одной, и я вырубаюсь.

Просыпаюсь от толчков - один за одним, в ритме. Это Клок с Людкой ебутся. В палатке темно, как у негра в жопе. Я делаю вид, типа, сплю и опять вырубаюсь.

Просыпаюсь от криков снаружи. Клок с Людкой спят, завернувшись в спальник. Высовываю голову из палатки. Уже почти светло. Возле второй палатки стоят Вэк и Ленка.

-Пошли, - говорит он ей. - Не выебывайся.

-Не хочу.

-Пошли.

-Сказала - не хочу. Отстань.

Видно, что оба неслабо бухие. Вэк бьет ее кулаком в живот, потом еще.

-Пошли, не выебывайся. Еще хочешь?

-Нет.

-Пойдешь?

-Да.

Он берет ее за руку, волочет в палатку.

Я ложусь, но уснуть не могу: представляю себе, как он ебутся. Но потом все-таки вырубаюсь.

*

Утром меня расталкивает Клок.

-Ну, ты, Гонец, даешь стране угля. Первый вырубился и спишь позже всех. Нахуя ты в поход пошел? Водки можно и дома нажраться.

Уже одиннадцать часов. Светит солнце. Жарко. Все сидят на одеяле между палатками, тянут пиво.

-Давайте купаться, - предлагает Ирка.

-Давайте, только надо костер разжечь, - говорит Ленка.

Мы лазим по окрестным кустам, собираем ветки для костра. Все мокрое - и носки, и кеды, и ветки. Но Клок говорит, что все будет нормально.

Я сажусь рядом с Ленкой. Само собой, не говорю ей, что видел ее с Вэком.

-Ну, как тебе поход? - спрашиваю я.

-Нормально. Только дождь этот вчера. Мокро. Если бы не он, все вообще было бы классно.

-А купаться будешь?

-Буду.

Клок долго возится с сырыми сучьями, потом все-таки поджигает их.

Выпиваем еще один "пузырь", запиваем пивом. Снова становится хорошо. Бабы идут купаться, с ними Клок в семейных трусах-"парашютах". Я не купаюсь, Бык с Вэком тоже. Мы сидим на берегу.

На Ленке открытый синий купальник, и у нее самая лучшая фигура из всех троих.

Они вылезают, я подаю Ленке полотенце, дотронувшись - типа нечаянно - до сисек.

Бабы лезут в палатку переодеться, а мы выпиваем еще по одной.

Я спрашиваю у Быка:

-Ну, что, выебал ты ночью Ирку?

-Ага.

Возвращаются бабы. Мы жарим сало, печем картошку и бухаем дальше - весь день, до вечера.

Бык вырубается первым. Я хочу подколоться к Ирке, но она сидит рядом с Вэком, и он что-то ей триндит, а она слушает, раскрыв рот.

Ленка сидит одна, и я подсаживаюсь.

-Что это вы, девушка, скучаете?

Она смеется, и я вижу, что ей уже хорошо дало. Я не знаю, про что с ней говорить, но сейчас это неважно.

-Пошли в палатку, - говорю я.

-Ну, пошли.

Она снова смеется.

В палатке мы сразу ложимся, и я лезу к ней под кофту, нащупываю сиськи, потом сосемся - я не умею и вообще не разу еще не сосался. Я просто присасываюсь губами к ее рту. Потом снимаю с нее штаны - она не сопротивляется, только лахает.

У нее между ног уже мокро. Я всовываю хуй и начинаю ее ебать. Она - никакой реакции, только лыбится.

Мне кажется, что я ебу ее очень долго - может, полчаса. Несколько раз я уже хочу слезть с нее, на хуй, но продолжаю. Потом вдруг, почти ничего не почувствовав, я спускаю и вырубаясь.

Утром просыпаюсь весь в чем-то липком. Это рыгота. Ленку вытошни-

ло прямо в палатке, попало и на меня. Кроме нас, в палатку втиснулись еще Вэк с Ирккой. Они еще спят, обнявшись. Наверно, тоже ебались, потому что шмотки расстегнуты.

Я вылезая, кое-как счищаю с себя рыготу чьим-то грязным носком и кидаю его в кусты.

У меня бодун, я начинаю искать в рюкзаках водку, чтоб опохмелиться, но ничего не нахожу. Расталкиваю Клока - они с Людкой спят в соседней палатке вдвоем, как короли какие-нибудь сраные. Бык спит прямо у костра.

-Все, пиздец, больше нету, - говорит Клок.

-А пиво?

-И пиво кончилось.

-Тогда не хуй тут больше делать. Пора съезывать.

Один за другим все встанут - злые, с бодуна.

Мы медленно собираемся, переругиваясь между собой, ходим вокруг палаток, как ебанутые лунатики. Снова начинается дождь.

Без настроения идем до станции, садимся в электричку. Я засыпаю и сплю всю дорогу. На вокзале прощаемся с бабами. Мне они уже до жопы. Скорее бы домой: вымыться и в постель.

*

-Ну, как тебе поход? - спрашивает меня Клок на следующий день.

Мы сидим на остановке, курим.

-Заебись.

-Что будешь летом делать?

-Практика от УПК, потом сборы военные, потом два месяца каникул. А ты?

-До конца месяца учеба, потом тоже два месяца каникул. Бухать будем сегодня?

-А у тебя что, деньги есть?

-А у тебя?

-Откуда?

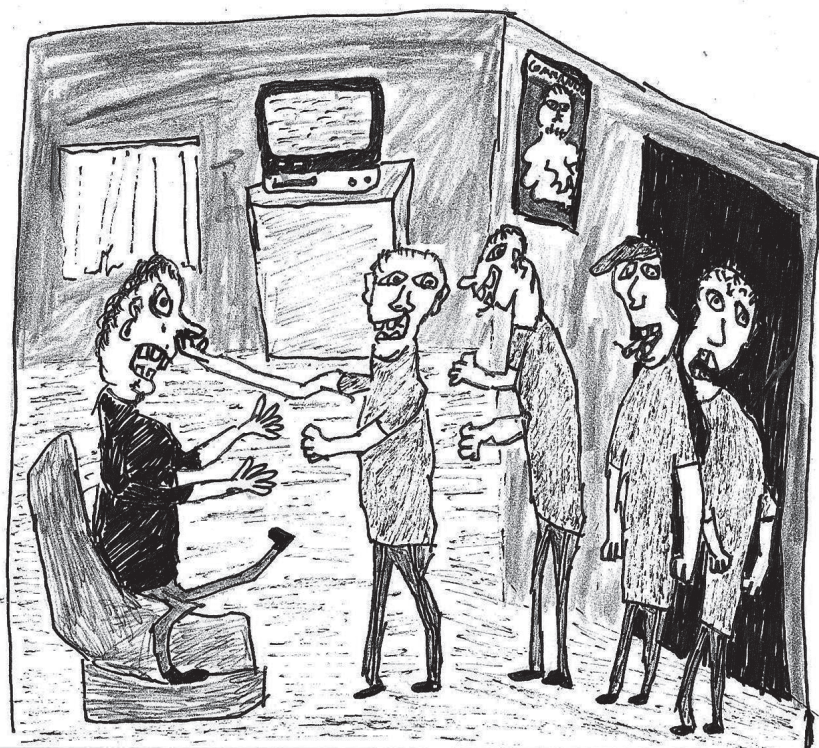
-Ну, ладно.

Подходит троллейбус.

-Поехали, хоть в город съездим, - предлагаю я.

-Ну, поехали.

Бергман

Не знаю, зачем мне нужен был этот Бергман. Тем более идти смотреть его фильм в видеосалон. За три дня до последнего звонка в школе. У меня нет друзей, нет девушки, и я в полной жопе.

В кино я стеснялся ходить. Потому что всегда один. А если пришел, то сесть поближе к выходу, чтоб, когда кончится - первым на улицу, пока идут конечные титры и в зале зажигается тусклый свет. Чтоб никто не видел, что я один.

Я прочитал в газете, что в центре открылся видеосалон с кабинками. На четыре человека. Но можно и одному. Заплатил за фильм - и смотри себе в кабинке. В первый раз я там был неделю назад. Просто шел мимо.

Много кассет на полках. И тетка сидит. Вернее, женщина. Или тетя. Но не тетка, нет. Ей лет тридцать пять, а, может быть, тридцать. Заулыбалась вся. Что хотите посмотреть, молодой человек?

А это... Бергман у вас есть? Ах, как приятно, когда спрашивают Бергмана. Или Феллини. Или Тарковского. Ах, это бывает так редко. Увы. Вкусы деградируют. Интеллектуальная прослойка сужается. Пролетарский город - что с него взять? Это же не Москва и не Питер. Ах, какая жалость - взял кто-то кассету домой, нет ее. Может быть, что-нибудь другое посмотрите? Феллини, Тарковского?

Нет, спасибо. Я лучше в следующий раз. До свидания. Всего хорошего. Хорошего. Всего. С восьмым марта вас и с новым годом и с остальными праздниками. Стукнула дверь - забыл придержать.

И опять та же самая тетя. Узнала. Отложила в сторону книгу, возвращенную в бумагу. И заулыбалась и расплылась и засветилась. Ах, конечно, помню-помню вас, юноша. Как приятно, когда спрашивают Бергмана, ах, как редко это бывает, ах как приятно. Да, вернули. Долго держали - культурные люди: директор третьей школы с женой. Собираются в Израиль, кстати сказать. Сейчас, минутку.

Афиша. На стене. Сегодня в видеозале. "Комmando" (в главной роли Арнольд Шварценеггер). Она возвращается. С кассетой. Замечает, что я смотрю на афишу. Увы. Приходится показывать ширпотреб. Мы на хозрасчете.

Дверь. Открывается. Четверо пацанов. Синие спортивные штаны с белыми лампасами. Значит - "пионеры". У "пионеров" белые лампасы, у "Шмидта" - красные. Я не ношу таких, конечно, и они не знают, откуда я. Может, пронесет.

Смотрят на меня. На афишу. Шварц! Классно. Заебись. Посмотрим Шварца.

Тетя морщится и кривит чуть-чуть губы: ах, мерзость. Улыбается мне. Хмуро смотрит на них: подождите, ребята. И снова на меня. Снова улыбается. Вторая cabina. Приятного просмотра.

Спасибо. Иду по коридору. Номер два. Вхожу. Закрываю дверь. Телевизор. На экране - серые точки. Занавешенные окна. Кресла, как у нас дома. Душно. Запах пыли. Начинается фильм.

Шаги. Бегут. Входят. С какого района? Ладно, не важно. Давай, посмотрим сначала. Что это за херня? Ты, что, пацан? Что это такое смотришь? Думаешь - умный, а мы дураки, да? Думаешь, ты один умный?

Гриша, ебни ему. Еще. Еще раз. И копейки. Сюда. Скорее. Пацаны, не надо. Надо, Федя, надо. Ну, пацаны, ну, пожалуйста... Еще ему. Все забрал? Сколько? Тридцать пять. И все? Да. Ладно, еще раз - и пошли, а то Шварц сейчас начнется. Смотри свою парашу.

Сами свою смотрите, козлы. Мне уже не до фильма. Какой тут может быть Бергман? На хуй он нужен? Он умер. Наверно. Или нет? Откуда я знаю? Скорее всего, умер. А я живой, и лучше бы я умер, блядь. Я конченный человек. Нет друзей, нет девушки. Родители не понимают. В школе маразм и ничему не учат. Не поступлю никуда. В армию. А там - пиздец от таких вот, как эти уроды.

Раньше я мечтал. Я умел мечтать. Думал, что кончу школу и уеду на хер из нашего вонючего города. Поступлю учиться в Москву. А сейчас понимаю, что нет. Что никуда не поступлю. Никуда не уеду. Останусь навсегда в этой жопе. Поступлю в местный институт - в лучшем случае. Закончу. Стану инженером. На сотню рублей. Пиздец. Что это за жизнь?

Пошло все в жопу. Счас от тоски подрочу прямо в кабине и уйду. Скажу ей - извините, фигня получилась. Не нужен мне Бергман. Все это понты были. Выделявание. Вроде как культурный. Вроде как образованный. А сам сидит в кабинке и дрочит, не глядя на экран и не слушая. Забил на все.

Дверь. Открывается. Отдергиваю руку. Она. Улыбается. Ну, как вам фильм? Великолепно. Просто прекрасно. Замечательно. Ошеломительно. Охренительно. Отврат. Отврат полный, но это не правда. Я не знаю, как мне фильм, потому что я не смотрю его. И не слышу, что говорят герои. Я выключил рецепторы. Я погружаюсь в свое говно. Я тону. Так что, уходи отсюда, нечего тебе здесь делать, не мешай мне дрочить. И кайфовать. И брызгать малофьей на ваши протухшие кресла.

Блядь! Край рубахи, прикрывавший хуй. Сдвинулся. Она смотрит. Улыбается. Становится на колени. Берет в рот. Она, наверное, охуела. А что, если эти придурки, которые "Комmando"? Они же нас обоих в жопу выебут. А, ладно, насрать...

Смотрит на меня. Улыбается грустно. Мне тридцать семь лет. Не замужем. И не была. Подала документы в Израиль. Надеюсь, скоро. Жить скучно. До жути. Ничего интересного. Только фильмы. Но это только лишь фильмы. Не надо бояться. Расслабься. Никто не придет.

Никто не помешает. Ладно. Хорошо. Давай. Действуй. Вперед.

Смотрю на экран. Там ничего. Серые точки. Что-то с кассетой или с телевизором. Какая разница? Пошло все в жопу. Странная она. Наверное, ебанутая. Слишком много фильмов смотрела. А вдруг она всем так делает? А вдруг у нее триппер? А если эти, которые "Коммандо"? Ладно. Все в жопу. Все. В жопу. Все. Все. Все...

Спасибо. Пожалуйста. Спасибо. Пожалуйста. И до свидания. А как же фильм? Завтра. Или в субботу. Или нет. В субботу - нет. В субботу - последний звонок. Потом. Когда-нибудь. Вернее никогда. Надеюсь. Все.

*

Улица. Уже темнеет. Парочки. Притворяются, что влюбленные. Хуй. Меня не наебешь. Я все про вас знаю. Теперь я все про вас знаю. Какой-то пацан - настоящий урод. А баба с ним - ничего. Здравствуй-те, ребята. Сигареткой не угостите? А спички? Да, можно зажигалку. Еще лучше. Классно. Спасибо. А вы девушка, как насчет отсосать у меня? Прямо сейчас. Вон в том подъезде. Нет, не показалось. Все правильно. Так как? Ладно, шучу. Спасибо за зажигалку. Пока. Приятных поллюций.

Мужик. Одинокий. Такой же, как я. Привет, мужик. Ты куда? Так, гуляю. Молодец. Отлично. Пошли выпьем водки. Пошли. За твои деньги. Пошли. А баб? Пошли. Все путем. А отсосут? Пошли. Говорю, пошли - значит, пошли. У меня в субботу последний звонок. Знаю. К субботе вернешься. Все будет хоккей.

Перед экзаменами

Я решил, что обязательно ее выебу. Нападу неожиданно сзади, повалю на траву и выебу, и никто нас не увидит: здесь всегда пусто. Рядом только железная дорога, тропинка от остановки автобуса, по которой в это время дня почти никто не ходит, потом – лесополоса, а еще дальше – нефтебаза.

Скоро - экзамены за восьмой класс. Два дня назад занятия закончились – на несколько дней раньше, чем всегда, чтобы мы могли начинать готовиться к экзаменам.

После уроков я пошел в киоск "Союзпечать" и купил первую в жизни пачку сигарет – "Столичные" за сорок копеек. Раньше у меня никогда не было своих сигарет, я курил, только если кто-нибудь угощал.

Тетка в киоске посмотрела на меня, но ничего не сказала, взяла копейки и дала пачку.

Я купил в гастрономе спички, сел на скамейку во дворе сто восемьдесят третьего дома - в котором книжный магазин - и закурил.

Эта пачка "Столичных" у меня и сейчас с собой, но в ней осталось всего три сигареты.

Каждое утро я беру на балконе велик, спускаю его с третьего этажа на плече, сажусь, проезжаю несколько улиц – и город кончается. Начинаются поля, железная дорога, лесополоса и тропинки, по которым я часами гоняю – просто от нечего делать. Иногда останавливаюсь, достаю сигареты, бросаю велосипед в траву, сажусь и курю.

Вчера она шла по тропинке впереди меня в сторону "Абиссинии" – это несколько деревенских домиков, непонятно откуда взявшихся между окраиной города и ближайшей деревней Буйничи.

Транспорт туда никакой не идет, и все ходят пешком от Рабочего.

Я сказал ей:

-Девушка, у вас закурить не найдется?

Просто, чтобы что-то сказать. Чтобы познакомиться. Мне было плевать, что она на год или на два старше, а на мне – грязноватая голубая майка, кеды и "спортивные" шерстяных штаны – немного выцветшие, с вытянутыми коленями, – а под ними выделяются длинные "семейные" трусы.

-Нет, я не курю.

-Плохо, что ты не куришь.

-А мы что, разве уже на "ты"?

-Ну, да, наверно.

-Так вот, мальчик, что я тебе скажу: садился бы ты лучше на свой велик и валил отсюда, а то меня встречает мой парень, и он с тобой разберется.

-Никакой парень тебя не встречает.

-Откуда ты знаешь?

-От верблюда.

-Ну, вот, уже грубим.

-Никто тебе не грубит.

-А как это тогда называется?

-Никак не называется.

-Ну, ладно, мальчик, лучше тебе действительно уехать.

И я уехал.

Но сегодня, когда она снова будет здесь проходить, я покажу ей и "мальчика", и "парня" и все остальное.

Я спрятался и жду ее под мостом: там в железнодорожной насыпи дырка, и тропинка на "Абиссинию" проходит прямо под рельсами. Наброшусь неожиданно, чтобы она не успела ничего понять, сразу выволоку из-под моста – не на камнях же ее ебать, повалю на насыпь – там трава, задеру платье, сорву трусы – и она будет знать, как надо мной смеяться, поймет, что я тоже кое-что умею.

Год назад мы катались на великах с Бизоном, только не за городом, а на Горках, где много одноэтажных деревянных домов и спуск к Днепру.

Там живут одноклассницы, Зеленова и Бойко, и мы их там однажды встретили. Бизон приебывался к Зеленовой, и она обозвала его "жирюга" и побежала, а он догнал ее и поймал и стукнул несколько раз кулаком – несильно, но так, чтобы поставить на плече синяк "на память".

А Бойко на меня не обзывалась и вообще ничего не говорила, только улыбалась, как будто у меня морда смешная или сопля из носа торчит.

И я ей сказал:

-Чего ты смеешься?

-Ничего, так просто.

А один раз мы с Бизоном поехали вниз, к Вонючке – так называют речку, потому что в нее сливают всякую гадость с завода Куйбышева - и там к нам подошла какая-то тетка и сказала:

-Мальчики, подвезите до Днепра.

Села ко мне на багажник, и я ее повез, а Бизон ехал рядом и ухмылялся. Она тяжелая была, толстожопая – я ее еле довез.

Спрыгнула с багажника, сказала:

–Спасибо.

И ушла, виляя жопой.

А Бизон говорит:

-Это ж Нинка, блядина. Ты что, ее не знаешь? Надо было сказать: довезти-то довезу, только плати, давай, натурой.

-А сам почему не сказал?

-Ладно, шучу. Ее там, наверно, ебарь ждет в кустах.

В конце лета, - меня тогда в городе не было, мы с родоками ездили отдыхать на Азовское море, - Бизон на велике попал под машину, и ему сломало позвоночник или что-то там еще – не знаю точно.

Он теперь не может ходить, все время лежит на кровати. Учителя ходят к нему домой, и я тоже иногда прихожу. Он учится играть на гитаре и поет мне всякие блатные песни. Некоторые мне нравятся, а некоторые нет. Бизон говорит, что ему сделают в Москве операцию, и он снова сможет ходить и даже ездить на велике.

Я выглядываю из-за насыпи, жду, когда она появится, но ее все нет. Вдалеке по полю бежит дурной мужик в черном спортивном костюме и кедах. Я его знаю, он живет в нашем районе. Он шизофреник и получает пенсию, и у него "белый билет": он может кого-нибудь убить, и ему ничего не будет. Он может и меня сейчас убить, но я не дамся: дам ему по яйцам, сяду на велик и уеду – хуй он меня догонит, хоть и бегаёт каждый день.

У меня потеют ладони. В животе что-то дергается, и хочется срать. Я волнуюсь, как пацан, который пришел на стрелку и не знает, придет она или нет. У меня ни разу не было нормальной стрелки, то есть вообще не было никакой.

Некоторые пацаны в классе уже давно ходят на стрелки и все такое, например, Ющенко. Он даже в классе времени не теряет. Его посадили с Хмельницкой на последнюю парту, и, когда не посмотришь, он все щипает ее под партой, а она не пищит, а только улыбается, типа ей нравится.

А прошлым летом мы с Бизоном часто ездили туда, где Зеленова с Бойко живут, и однажды опять их встретили, и Бизон им сказал – пошлите на Вонючку загорать, типа, мы вас подвезем – на багажнике или на раме, как хотите. И они переглядывались и шептались, и Бойко сказала:

-Нет, неохота.

Бойко была в светлом платье, таком облегающем, и видны были ее сиськи - настоящие, круглые, как у взрослой бабы. А у Зеленовой там ничего не было видно, но Бизон все равно почему-то бегал за ней.

Блядь, ее все нет. Где она может быть? Сегодня был дождь, и сейчас не особо жарко. Я в одной майке, и уже начинаю мерзнуть. Может, она вообще сегодня не пойдет здесь? Или уже прошла? И почему я

вообще решил, что она каждый день в это время здесь ходит?

Я сажусь на велик, еду к лесополосе. Под колесами хрустят улитки – они после дождя зачем-то выползли на дорогу. Обычно на краю лесополосы, на траве, сидят мужики с нефтебазы и бухают после работы, но сегодня их нет - наверно, из-за дождя.

Я слезаю с велика, бросаю его на мокрую траву и отхожу на несколько шагов от тропинки. Ссу, потом начинаю дрочить. С веток дерева мне на шею и голову падают капли воды.

Я спускаю, и малофья брызгает на черную мокрую кору дерева и повисает на ней, как сопля.

Я иду обратно к велику, достаю из "кобуры" сигареты и спички, закуриваю. В пачке остается две сигареты.

Нежность

Она сказала: "Пошел на хуй".

Я бегал за ней три месяца, с марта по май. Она говорила, что, может быть, будет со мной "ходить".

Зимой она ходила с Журой. Он старше нас на три года – с семьдесят первого. Весной его забрали в армию. Хотели осенью, но он крутился. Открутился бы совсем, но отъебошил мужика в троллейбусе. И менты сказали: или в зону, или в армию.

Пацаны говорили: она с ним ебалась. Я сначала не верил. Но потом, на Новый год, Жура со своими пацанами были дома у Калининого брата. Жура и Калинин брат кентуются. А Калина – он в "а"-классе учится – тоже с ними был. И потом сказал, что Жура с ней ушли надолго в комнату и там закрылись. Может быть, на полчаса, а то и час.

*

Она сказала:

-Помоги по алгебре. Пошли ко мне домой после уроков, а?

И мы пошли. И я помог ей. Потом мы с ней курили на балконе, и она нашла ликер в заначке у своей мамы. И мы с ней выпили по тридцать капель.

Назавтра ей по алгебре поставили "пятерку". Наверно, в первый раз с начала года. За это родоки ей дали пять рублей.

Она сказала:

-Хорошо, давай ты будешь мне все время помогать по алгебре. И, может быть, еще по геометрии? И, может быть, я "похожу" с тобой.

И я спросил:

-А Жура?

-У меня с ним все.

*

Я часто предлагал:

-Давай пойдем в кино. В "Октябрь" или в "Родину". Потом в "Пингвин" - мороженого там, коктейль молочный.

-Не, давай когда-нибудь потом.

Сегодня я опять ей предложил. А она мне:

-Пошел ты на хуй. Ты мне надоел. Ты думал – я с тобой серьезно стала бы ходить? Ты на своем районе нулевой. И я вообще давно хожу с Калиной-старшим. Мы ходим не в "Пингвин", а в ресторан "Турист", ты знаешь? Просто я хотела, чтоб ты мне помогал по алгебре. А сейчас это уже не надо. Потому что я уйду после десятого. Я в педучилище пойду. Я в том году не поступила, потому что блата не было. А сейчас мамаша нашла блат. Так что, мне алгебра теперь до жопы. И ко мне не надо больше приходить. Если придешь – я не открою.

И тогда я ебнул.

Со всей силы.

Кулаком.

Она упала на ковер.

Задралось платье. Я увидел край трусов.

Из носа пошла кровь.

Она заплакала.

-Ты, блядь, сломал мне нос! Ты знаешь, что Калина с тобой сделает?

Я понял: мне пиздец.

Так страшно было только один раз: когда я с Пыром лазил на девяти-этажку. Мы с ним дошли до края крыши, и он меня схватил – как будто хочет скинуть вниз. Я чуть не обосрался.

Она дотронулась до носа, вымазала пальцы кровью.

-Что ты стоишь? Иди отсюда вон.

-Прости, я не хотел...

-Уёбывай!

*

Что, блядь, делать? Что, блядь, делать? Что, блядь, делать? Калине-старшему двадцать лет, учится в "технаре". Ходит за район с восьмого класса. Метр восемьдесят два. Занимался боксом года три – занимался бы и больше, но отпиздил тренера. Не своего, а другой группы. Правда, тренер пьяный был, но все равно...

Что, блядь, делать? Он меня убьет. Летом можно будет сидеть дома, никуда не выходить. "Родокам" что-нибудь напишжу. Заебешься, конечно, дома сидеть - читать и смотреть телевизор. Хотя, чемпионат мира... Только до каникул еще две недели. Так что, все, пиздец. Спи спокойно, Саша. "Умер смертью храбрых". 1974-1990.

*

Выхожу на улицу. Уже темно. Заебись. Хотя б дойти до дома. Ну а там - все по хуй.

Иду быстро. Почти бегу. У ее соседки тети Нины дома телефон. Она могла пойти и позвонить. Кому? У Калины, вроде, нету телефона. Или есть? Но хули он сидел бы дома - наверно, где-нибудь гуляет...

Иду не по улице. Двор дома рядом со столовой. Столовая. Наверно, свадьба. Мужики в костюмах. Бабы. Все бухие. Курят.

На остановке на Рабочем - никого. Может, сесть на "тралик" и проехать остановку? Только заебешься его ждать.

Иду во двор. Дом, где аптека. Навстречу - Шуня с того дома. Мы здороваемся. Иду дальше.

Во дворе, где промтоварный, дед ебется с мотоциклом. Снял какие-то детали, разложил на тряпке.

Все. Вот и моя девятиэтажка.

И пиздец... Калина, Лысый и Андрон. Блядь, не может быть... Блядь, откуда они знают?

Я подхожу. Здороваются. Видно, что уже бухие.

Лысый спрашивает:

-Малый, деньги есть?

-Не, нету.

Калина лыбится.

-Это ты хотел ходить с моей малой? Выебать ее хотел, да? А если мы тебя сейчас выебем, а? Я пошутил, не ссы. И можешь с ней ходить. Я ее кинул, на хуй. Заебала меня, дура. Ну, ладно, держи пять.

Пацаны жмут руки. Я иду в подъезд.

Жду лифт. Они на улице про что-то говорят. Смеются.

Лифт приходит. Я сажусь. Жму кнопку "5". Кабина обрисована фломастером, а лампа - спичками.

*

Родоки сидят у телевизора. Съезд народных депутатов или что-то вроде этого.

Я закрываюсь в комнате. Магнитофон. "Кино".

Бля, покурить бы. Есть в заначке сигарета. Но ведь не при "родоках".

А вдруг Калина подъебнул меня? Что вообще они здесь делали? Ни разу их не видел возле своего подъезда...

В дверь звонят.

Я слышу: "Да, он дома".

И шаги. Дверь открывается.

Мент-участковый.

-Что ты сделал? - говорит мамаша.

*

КПЗ.

Мужик с разбитой мордой спрашивает:

-А тебя за что, пацан?

-Отпиздил бабу.

-Заебись. Так им и надо, сукам. Молоток. Сейчас с тобой покурим. Здесь, вообще, нельзя, но это похуй. Я от них, бля, сигареты спрятал в жопе. Ты ведь куришь? А потом съебемся, на хуй. Ты меня, бля, слушай. Я хуевому не научу. Все будет заебись.

Колхоз

Мы с Андрюхой лежим в траве за машинным двором и смотрим на облака. Кайф. Последний кайф лета перед скучищей учебы и повседневности. Гриша - алкаш, к которому нас определили на машинный двор - зовет нас, но мы притворяемся, что не слышим. Пошел он в жопу вместе со сраным государством, которое загнало нас, студентов, в мудацкий колхоз в какой-то дыре, где нечего делать и в магазине пусто.

Шесть часов. Рабочий день кончился, и мы идем за бухлом к бабке Вере-самогонщице. Покупаем у нее две бутылки, потом буханку хлеба в магазине. Там, кроме хлеба, есть только мука, соль, спички и крупы. Молоко завозят раз в неделю, а всего остального не бывает вообще - нужно в район ехать. стакан у нас есть: Андрюха спиздил его в столовой.

Бухаем за деревней. Погода хорошая, не холодно. Сидим, прислонившись к стогу сена. В стогу что-то шуршит, наверное, крысы, ну и хуй на них.

Над полем заходит солнце, освещая панораму - ржавые силосные

башни, сгнившие коровники и деревянные покосившиеся дома. И скелеты комбайнов на машинном дворе. И дом председателя, двухэтажный, с балконом. А сам председатель сейчас стоит у своего УАЗа и болтает с двумя местными блядюгами. Одна слегка горбатая, а вторая - ничего, работает в правлении секретаршей. Потом они уходят, а председатель садится в машину и уезжает.

-Перестройка, не перестройка - все однохуйственно: кругом только херня и блядство, - говорит Андрюха. Он любит пиздеть про всякую политику, а я все это слушаю, но политика мне до жопы.

-Люди в таких вот задроченных колхозах всегда в жопе будут, понимаешь? - Он смотрит на меня.

-Да, понимаю. Ну и пусть, мне их не жалко, сами козлы.

Самогонка, хоть и сивая, как малофья, но в голову дает.

-Блядь, хоть бы сала какого, а то хлеб - ну что это за закуска? - говорю я.

-Где ты сало возьмешь? Будешь, что ли, в каждый дом соваться - продайте сало? А в столовую идти - ебал я в рот. От этой жратвы меня уже тошнит. Пошли в клуб на дискотеку. Утром пацаны говорили, что сегодня в клубе дискотека.

-Какая, хуй, дискотека? Для кого? Я тут вообще никого еще не видел, кроме этих двух блядей и Васи-мудака.

Вася - здешний герой. Старый уже мужик - лет, может быть, двадцать восемь или тридцать, ходит по вечерам, прибарахлившись: в туфлях года семьдесят пятого, на каблуках, и в наглаженных брюках с двойными "стрелками". К нашим бабам цеплялся, но они его послали на хер.

-Ну, говорят, еще "камазники" есть - армяне, которые там дорогу строят, на КамАЗах работают.

-А им на хера дискотека?

-Откуда я знаю?

Допиваем и премся к клубу. У входа тусуются несколько чуваков с нашего потока. Все в телогрейках и шапках - холодно им, бля.

-Что, будет дискотека? - спрашивает Андрюха.

-А где вы уже бухнули? - говорит высокий прыщавый пацан - строит из себя делового.

-Да тут рядом. Так что там насчет дискотеки?

-Наверно, будет. Тут какие-то гондоны подходили - человек пять, и Вася-пидор бегал. Они с ним что-то про дискотеку базарили.

Откуда-то вылезает Вася. В пиджаке и светло-зеленой рубашке со старомодным воротником. Смотрит на нас.

-Хули вы шапки понадевали? По ебалу получить шапка не поможет.

Говорит так, что непонятно, по-хорошему он или залупается. Никто ему не отвечает. Он подходит к дверям клуба, отмыкает висячий замок, заходит внутрь.

-А если местные залупнутся? - спрашивает невысокий, дохлый на вид пацан.

В клубе врубается музыка - "Ласковый май".

-Не ссы. Никто нас не тронет, если сами не будем до их баб доколупываться, - говорит прыщавый.

-Пошли еще бухла купим, - говорит Андрюха. - Я уже трезвею. Какая может быть дискотека по трезвому? Кто-нибудь еще с нами?

Все молчат.

Мы с Андрюхой идем за бухлом вдвоем, но не к бабе Вере, а к другим. Я их не знаю, Андрюха знает. Он ведет меня по темным деревенским переулкам.

-Не ссы, я здесь брал уже, с Мырой.

Подходим к дому. Он стучит. Открывает молодая еще баба - лет двадцать максимум.

-Привет. Есть? - спрашивает Андрюха.

-Конечно. - Она по-блядски улыбается. Он сует ей деньги.

Баба уходит, приносит бутылку сивого самогона, заткнутую скомканной газетой.

-Пошли с нами на дискотеку, - предлагает Андрюха.

-А что, дискотека сегодня?

-Ну.

-Ну, ладно, пошли. Я только оденусь. И сеструху свою двоюродную возьму, она у нас сейчас живет, хорошо?

-Хорошо. Тогда захвати закуски, выпьем по дороге. Не иди же трезвыми на танцы.

-Зачем по дороге? Давай у нас.

-А кто еще дома?

-Мамаша.

-Тогда не надо.

-Ну, ладно, подождите.

Ждем на улице, курим. Уже совсем стемнело.

Минут через десять они выходят - накрашенные, в самопальных джинсах и колхозных куртках.

-Это Света, а это Андрей и...

-Игорь. А тебя саму как зовут?..

-Анжела.

Пьем из горла по кругу. Заедаем хлебом и нарезанным салом: они позаботились.

-Ну вот, ты хотел сала. Что хочешь, то и получаешь. Как всегда, - Андруха улыбается.

-Ну, не всегда. Почти всегда. Особенно пизды.

*

Заходим в клуб. Дискотека уже идет. Человек двадцать танцуют на сцене, еще несколько сидят на стульях в зале.

В одном углу - несколько незнакомых чуваков нездешнего вида. Это, наверно, те, про которых говорил прыщавый. Остальные все наши. Три бабы и человек двадцать пацанов. Вася сидит в углу сцены, слегка прикрытом облезлой занавеской, возле бобинного магнитофона, типа диск-жокей.

Мы вчетвером становимся своим кругом, дрыгаемся под музыку. Мне хорошо и тепло. Голова слегка кружится.

После нескольких песен мне становится хуево. Я бегу за занавес тошнить - рядом с Васей. Он вскакивает, подлетает ко мне.

-Ты что, охуел? Иди бери швабру и убирай. Я сегодня за клуб отвечаю.

Я смотрю на него, улыбаюсь. Мне вдруг становится хорошо. Сплюываю остатки блевотины, бью его кулаком по морде. Он падает. Я иду танцевать. В зале, похоже, никто ничего не заметил.

Вася встает, вытирает разбитый нос занавеской, выключает магнитофон.

-Все, пиздец дискотеке. Раз не хотели по-нормальному, то пошли вы все в жопу. А тебе вообще пиздец. Готовься.

-Э, это ты мне? - Я смотрю на него, как на малого, который залупается на взрослых пацанов.

-Да, тебе.

Я хочу дать ему еще, но Андрюха меня оттаскивает. Всей толпой мы выходим из клуба.

-Ну что, пошлите к нам, раз так. Мамаша уже, наверное, спать легла, - говорит Анжела. - Зря ты его, конечно. Он теперь будет мстить.

-Пошли, конечно, - говорю я. Проблевавшись, я заодно и протрезвел, и теперь надо догнаться.

*

На кухне выпиваем еще бутылку "сивухи", потом я начинаю "крутить" Светку. Мы лежим у нее на кровати, я трогаю ее сиськи, которые вывалились из бюстгалтера, но больше она ничего не разрешает делать.

В комнату без стука входит Анжела.

-Выйди, там пришли, хотят с тобой поговорить.

Я надеваю рубашку, выхожу на крыльцо. Меня ждут Вася и еще несколько мужиков.

-Привет, - говорит Вася.

Трезвый я бы обоссался со страху, а пьяному все до жопы. И я говорю:

-Привет, если не шутишь.

-Я тебе, бля, счас пошучу, сука.

И меня начинают пиздить. Я даже не отмахиваюсь, только прикрываю лицо и голову, но они молотят по яйцам и по ребрам.

-Бля, перестаньте, пидарасы, скоты вонючие, суки, уроды, сволочи, гады, уй блядь, хуесосы поганые, еб ваш... уй, блядь!

-Ладно, хватит на первый раз.

И уходят.

Я встаю, отряхиваюсь, возвращаюсь в дом. На кухне за столом сидит Андрюха.

-Что, отпиздили?

-Ну, да.

-Зря ты лез, конечно. Да ладно. Давай лучше выпьем.

Он разливает самогонку по стаканам.

-Все эти хуесосы – продукт системы. Ты это понимаешь?

-Понимаю.

-Ну, так вот. Их создал совок, он их сделал, можно сказать. Они - его прямой продукт.

-Ты хочешь сказать, что если бы не было совка, то таких уродов бы не было?

-Были бы все равно. Но меньше.

-Но все равно были бы?

-Конечно. Так заложено в природе. Давай еще выпьем.

-А где ты возьмешь?

-Ангела, иди сюда! – кричит Андрюха.

-Ты что, с ума сошел? Что ты орешь – ночь ведь? – Она недовольно смотрит на него.

-Давай еще бухнем, у вас же есть.

-Не, вы че? Нам рано вста-а-а-вать, нет, нет, это нет. И вааще - вам пора уходить.

-Ну, тогда дай нам бутылку.

-А деньги? Мы и так с вас ничего не брали, а выпили столько.

-Ну, нет сейчас денег. Кончились. Принесу завтра.

-Ладно.

-И, это самое, еще хлеба там и сала.

-А губа не залупится?

-Не, не бойся.

Она приносит бутылку сивухи, полбуханки хлеба и сало. Мы берем все это и выходим, не попрощавшись и не сказав спасибо.

Садимся на скамейку возле чьего-то дома. Светает. Над рекой - туман, и трава мокрая. Пьем по очереди из горла: стаканов нет.

-Все говно, - говорит Андрей. – Союз говно, коммунизм говно, Перестройка говно, Горбачев хуесос.

-Да, - говорю я.

-Ну вот, видишь, и ты согласен, что все говно.

-Согласен.

-Давай тогда свалим на хер в Америку.

-Давай.

-Ну, за то, чтобы свалить в Америку, - он делает большой глоток из бутылки и передает ее мне. Я допиваю.

Смотрю на часы. Пять утра.

-Два часа до подъема. На работу пойдем?

-Какая еще работа? Спать ляжем.

-Хорошая идея.

Андрюха бросает бутылку через забор кому-то во двор. Слышно, как она разбивается. Мы хохочем, поднимаемся и, обнявшись, идем к бараку.

-Этот поезд в огне, и нам не на что больше жать, - запеваает Андрюха.

Я подключаюсь:

-Этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать.

Во одном дворе стоит мужик в длинных семейных трусах, курит и недовольно смотрит на нас.

-Хули вы спать людям мешаете?

-Пошел на хуй, урод! - кричит Андрюха. - Ну-ка иди сюда!

Мужик бурчит что-то себе под нос, уходит в дом.

Крым

В плацкартном вагоне воняет потом, мазутом и жареной курицей. За окнами мелькает зелень вперемежку со ржавчиной и бетоном. Напротив меня сидит Николай – стриженный налысо, загорелый, в черных солнцезащитных очках, расстегнутой выцветшей сорочке и облезлых джинсах, обрезанных чуть ниже колена. Через проход, на боковой полке, спит Инга – его подруга, с которой он едет в Крым. И я тоже еду в Крым. Под столом – три бутылки из-под шампанского, которые мы только что выпили.

-Нет, Крым – это вещь. Я там бываю с восемьдесят пятого года. Каждый год. Весь его объездил. Вдоль и поперек. Сейчас вот этой покажу. - Он кивает на спящую Ингу. Во сне у нее недовольное лицо. - Представляешь? Восемнадцать лет человеку, а море ни разу не видела.

-Я тоже не видел.

-Ты что, серьезно? Ну, тогда на ближайшей станции идем за водкой. За это надо выпить.

*

Солнце только что зашло. Толпы плохо одетого некрасивого народа топчутся на пляже. Некоторые сидят на песке, подстелив одеяла. Пузатые, бесформенные мужики. Их еще более пузатые бабы с варикозными венами и завивками по моде начала восьмидесятых. Чумазные возбужденные дети носятся вокруг, бросая друг в друга камни и горсти песка. У некоторых на плечах и спинах жуткие ярко-розовые ожоги.

Море - непонятного цвета. У берега плавают пена, зеленые водоросли, "бычки", пластиковые бутылки и обертки от конфет. Лезть в воду противно, но я заставляю себя: все-таки, в первый раз на море. Вода холодная. Проплываю метров двадцать и поворачиваю назад.

*

Бар. Пью уже четвертую водку с соком. Делать больше нечего: нормальных девушек в поле зрения нет, кроме двух очень нетрезвых, которые пришли со здоровыми коротко стриженными парнями. Сейчас они вчетвером танцуют, толкая друг друга, на узком пятаке между стойкой и столиками.

Напротив меня сидит мужик лет сорока, с усами и лысиной, прикрытой зачесанными наверх волосами с висков. Загорелый, с облупившейся кожей на носу. Пьет коньяк.

-Вот ты мне скажи, для чего люди ездят в Крым? – спрашивает он у меня. – Что они здесь забыли? Что здесь такого хорошего?

-Ну, не только же в Крым ездят. У кого деньги есть, те в какую-нибудь Испанию или Италию. Или хотя бы в Турцию.

-Нет, ты ничего не понял. Насрать мне на твою Турцию. Ты мне только скажи – почему Крым?

Я не отвечаю.

-Сидели бы дома, а на хера сюда ехать? Чтоб жопу погреть?

-Я тебе отвечаю, - говорит какой-то мужик за соседним столиком. – Принципиальной разницы нет, куда ехать. Крым или не Крым. Главное, чтобы баб побольше. И водки.

Я допиваю и выхожу. Темно. На непривычно низком черном небе тускло светят звезды. Слышна музыка: наверное, дискотека. Я иду на звук.

Дискотека почти на самом берегу. Это - навес, огороженный по бокам сеткой. Звук говенный – как в колхозном клубе. Пахнет дешевым парфюмом и потом. Захожу в пристроенный сбоку бар. Покупаю водку с

соком. Бар почти пустой.

-А где народ? – спрашиваю бармена.

-Танцует. Блядь, покупают дешевое самодельное вино литрами, пьются – и на танцы. Никто в баре ни хера не пьет.

-А-а-а.

Допиваю свой коктейль и покупаю еще один. Выпиваю и иду танцевать. Пристраиваюсь в какой-то круг. Напротив танцует какая-то симпатичная девчонка. Беру ее за руки. Не вырывается. Танцуем посреди круга. Песня кончается, и пока диджей возится со своей аппаратурой, спрашиваю:

-Выпить чего-нибудь хочешь?

-Конечно.

Идем с ней в бар.

-Что ты будешь?

-Мартини.

Покупаю ей сто граммов мартини – он здесь дорогуший, как будто это не сраный бар у вонючего моря, а шикарный кабак. Себе – коньяк. Выпиваем.

-Как тебя зовут?

-Марина.

Идем танцевать дальше. Мне уже хорошо. Даже, наверное, слишком хорошо.

-Давай еще выпьем.

-Давай. И уйдем отсюда.

-Хорошо.

В баре покупаю бутылку вина и два пластиковых стакана.

-Может, пойти к морю?

Она морщится:

-Что мы будем, как бичи?

-Ну, ладно. Давай здесь.

Садимся. Пьем вино. В баре уже не так пусто. Народ бухает за столиками и у стойки. Мне жутко хочется ссать.

-Сейчас приду.

Она кивает. Подхожу к бармену:

-Слушай, где здесь туалет?

-Направо, налево и направо.

Продираюсь через танцующую толпу. В углах некоторые целуются. Ступаю в чью-то блевотину. Туалета не видно. Наверное, не туда свернул. Оказываюсь у выхода. Отхожу от дискотеки на двадцать метров, поворачиваюсь к забору и долго ссу, кайфуя от облегчения.

Назад на дискотеку не пускают. Высоченный охранник с тупым рылом смотрит на меня сверху вниз.

-Пиздуй отсюда лучше. Не видел я тебя. А будешь выебываться, только самому хуже будет: мы пьяных на дискотеку не пускаем.

-Меня там девушка ждет.

-Какая тебе уже сегодня девушка? Лучше вали по-хорошему.

Иду в свою каморку спать. Хер с ним, с вином и хер с ней, с бабой. Завтра еще кого-нибудь найду.

*

Просыпаюсь к обеду, выхожу пляж. Бодуна почти нет. Захожу в море – холодно. Ложусь на песок, подстелив рваное грязноватое махровое полотенце хозяйки. Засыпаю.

Просыпаюсь оттого, что спина горит. Народ разбредается с пляжа, оставляя после себя пустые бутылки, огрызки яблок, персиковые косточки и "бычки". Наверно, скоро вечер. Натягиваю майку и шорты и возвращаюсь в свою каморку.

Спина горит. Нет настроения никуда идти. Но и сидеть просто так в каморке два на три метра, как в тюремной камере – крыша поедет. Иду на базар, покупаю трехлитровую банку самодельного вина. Выпиваю половину и вырубаясь.

Просыпаюсь ночью. Спина жжет, как хуй знает что. Вливаю в себя оставшееся вино, заедаю огрызком черного хлеба – остался с поезда. Спать не хочу. Одеваюсь и пры на пляж.

На берегу почти пусто: только несколько парочек разлеглись на подстиленных одеялах, тесно прижавшись друг к другу, и какой-то мужик в белой рубашке и белых штанах топчется возле скамейки. Наверное, какой-нибудь маньяк или извращенец. Ладно, насрать. До следующей скамейки идти лень, и я сажусь. Он смотрит на меня.

-Кальвадоса хотите?

-Чего?

-Кальвадоса. Это такая яблочная самогонка.

-Можно.

-Я сейчас принесу.

-Я денег с собой не взял.

-Не волнуйтесь. Я вас угощу. Составите мне компанию.

Пока его нет, рассматриваю парочки. Одни просто болтают друг с другом, другие пьют вино, третьи целуются. А я – один, как идиот. Со сгоревшей спиной, с изжогой от говняного самодельного вина. Жду какого-то урода, чтобы пить с ним кальвадос.

Мужик возвращается с бутылкой из-под водки, заткнутой бумажной пробкой, и двумя пластмассовыми стаканами. Разливает. Я проглатываю пойло, почти не чувствуя вкуса.

-Ну, как?

-Нормально.

Он наливает еще. Выпиваем. Мимо проходит одна из парочек – совсем еще молодой пацан, прыщавый и с дурацкими усиками, и красивая блондинка в купальнике, с распущенными волосами. Мне хочется насовать ему по морде и забрать блондинку. Мужик смотрит на них, но ничего не говорит. Сидим еще некоторое время.

-Спасибо, что составили мне компанию. Всего хорошего.

Сует мне руку, я жму ее, и он уходит. Что ему было надо, интересно?

*

В камерке ложусь спать, не раздеваясь. Сплю весь день, встаю, иду на базар, покупаю хлеб, помидоры и вино. Жру и снова вырубаюсь. Когда встаю, спина уже не горит, хотя все еще красная. Одеваюсь и иду в бар.

За угловым столиком в одиночестве сидит какая-то подружка. Покупаю водку с соком и подсаживаюсь к ней.

-Здравствуйте.

-Здравствуйте.

-Можно присесть рядом с вами?

-Так вы уже сидите.

Улыбаюсь.

-Вам купить чего-нибудь выпить?

Она делает "правильное" стеснительное лицо.

-Не надо.

-Я вижу, что вы воспитанная девушка, а воспитанная девушка должна отказаться, когда ей что-то предлагает незнакомый мужчина...

Улыбается.

-...только не в Крыму, в двух шагах у моря, да еще и таким великолепным вечером.

Мне самому противно слушать, какую херню я несусь. А ей, похоже, нет. Она заказывает вино. Я покупаю еще одну водку с соком. Потом повторяем и идем на дискотеку.

Танцуем, встроившись в какой-то круг, который рассыпается во время медленных танцев, и тогда мы танцуем вдвоем, прижимаясь друг к другу и наталкиваясь на другие пары. В двенадцать дискотека кончается.

-Пошли к морю, - говорю я. - Спать еще вроде как рано.

-Пошли. Только мне сначала надо переодеться. Похолодало.

С моря и вправду дует ветер. Мы идем к ее дому.

-Я сейчас, - говорит она, поднимается на крыльцо и закрывает за собой дверь, щелкнув замком. Я жду, разглядывая проходящих мимо кокетливых понтовых подружек и криво улыбающихся сексуально озабоченных пацанов. Проходят и парочки, обнявшись и поглаживая друг друга по жопам. Те, кому есть, где трахаться, спешат домой. У остальных вариантов немного, разве что пляж.

Проходит уже много времени, а ее все нет. Подхожу к двери и тихонько стучу – ни хера. Дергаю за дверь, потом стучу громче – по-прежнему глухо, как в танке. Вспоминаю, что не спросил, как ее зовут. Нет, спросил, и она сказала, но я сразу забыл. А, может, не говорила. Не помню. Зря, конечно, она так. Ну, ладно. Хуй с ней. Иду в бар, выпиваю еще водки с соком и иду в каморку спать.

Просыпаюсь часов в двенадцать дня, жру остатки хлеба и помидоров и снова ложусь.

*

Снова бар, снова какая-то подружка за одним столиком со мной. Нет, такого кидалова со мной больше не будет. Хватит. Ее зовут Инна. Приехала с сестрой. Младшей. Пьем в баре, потом танцуем на дискотеке. Потом снова пьем в баре. А потом сидим на пляже с трехлитровой бан-

кой вина, по очереди отпиваем из нее, а между глотками целуемся.

-Тебе здесь нравится? – спрашивает она.

-Не знаю. Нравится, наверное. Нормально. А, в общем, какая разница?

-Никакой.

-А тебе нравится?

-Никакой.

-Что никакой?

-Он никакой.

-Кто?

-Пацан.

И она показывает пальцем на какого-то пацана. Он стоит на коленях и тошнит, потом подходит к торчащему из земли кранику с водой, откручивает его, пьет, отворачивается и снова тошнит.

Холодает. Надо встать и идти куда-нибудь, но встать с первой попытки не получается: мы слишком напились. Кое-как доползаем до дома, где она снимает комнату: это ближе, чем идти ко мне. Я включаю свет, ее сестра просыпается и злобно смотрит на нас.

-Инка, ты заколебала. Зачем свет включать?

-Заткнись, а то укушу тебя, - говорю я, и она замолкает.

*

Спим до обеда, потом начинаем ебаться. Сколько дней я не ебался? По-моему, много. В самой середине процесса малая приходит с пляжа и ложится на свою кровать, как будто все так и должно быть. Мне хочется бросить в нее стулом, но сначала надо кончить. Малая не смотрит на нас, повернулась лицом к стене. Я кончаю.

-Малая, сходи купи нам вина, - говорит ей Инка. – А на сдачу - фруктов себе каких-нибудь или мороженого или чего ты там хочешь.

Малая встает и уходит. Мы ебемся еще раз, потом малая приносит вино и ставит на стол. Поднимает с пола женские трусы.

-Что разбрасываешь по комнате?

-А это не мои. Мои на мне. Она задирает одеяло. На ней мои плавки. Все хохочем.

-Тебе сколько лет, малая? – спрашиваю я.

-Тринадцать.

-Хочешь с нами поебаться? Групповуху?

Инка хохочет. Малая берет со стола огрызок яблока и кидает в меня. Мимо.

Мы с Инкой выпиваем вино и спим до вечера. Я встаю, одеваюсь и иду к морю. Надо искупаться: не помню уже, когда купался. Крым.

Сбрасываю шмотки. Плавки свои надеть забыл – и насрать. На меня с отвращением смотрят две толстые тетki с крашеными грязно-красными волосами, в мятых облезлых халатах.

Захожу в воду – кайф. Плаваю, как охувевший ребенок. Когда выхожу, уже темно. Одеваюсь. Подходит какой-то мужик.

-Я извиняюсь. Вы здесь девочку такую молоденькую не видели? В голубом платье? Дочка моя.

-Нет, не видел.

Никакая она тебе не дочка, педофил ты сраный, а если и дочка, то сбегала от тебя на хер, потому что ты толстый и тупой. Залезь в море и утопись, придурок.

*

Неделя пролетает, как один день. Днем пьем и ебемся с Инкой, а вечером купаемся в море или идем на дискотеку. Малая нас ненавидит, но терпит: мы ее кормим, своих бабок у нее нет.

Сегодня они уезжают. Я провожаю их на электричку. На платформе толпа загорелого однообразного народа с чемоданами, рюкзаками и сумками. Некоторые волокут гитары и магнитофоны-"мыльницы". Темнеет, под лампой фонаря вьется мошкара. Инка пишет мне на пачке сигарет свой телефон. Мы целуемся, я даю шутивого щелбана малой, и они залезают в вагон. Достая из пачки сигарету: последняя. Рассматриваю каракули инкиного почерка, потом забрасываю пустую пачку в кусты. Иду домой спать.

*

Сегодня мой последний день. Я с утра на пляже. Подкатываюсь от нечего делать к какой-то подружке. Она загорает на махровом полотенце, закрыв лицо книжкой Чейза. Я читал ее лет пять назад.

-Девушка, извините, с вами можно познакомиться?

Она смотрит на меня, как будто я ее разбудил от какого-то кайфового

сна, кривит носом и говорит:

-Нельзя.

Ее подруга рядом хохочет.

-Вечером ты по-другому с мужиками разговариваешь.

Я отсаживаюсь от них к другой девушке.

Она прыщавая и толстая, читает здоровенный том Ницше.

-Интересно? – спрашиваю у нее.

-В общем, да.

-Давно приехала?

-Три дня.

-А я сегодня уезжаю.

-Ну и как, понравилось?

-Да. А тебе?

-Нормально, но скучно.

-Ну, жить вообще скучно.

-Пожалуй, что так и есть.

Больше сказать нечего.

*

Вечер. Стою с рюкзаком в тамбуре электрички. Прошу у какого-то мужика сигарету: свои купить не на что, деньги все кончились. Уезжать в лом. Крым, все-таки.

Порнуха

Мне стыдно, что я еще ни разу не ебался. Все одноклассники и друзья уже пробовали, а я еще нет. А ведь мне уже четырнадцать.

Раньше мне все это было до жопы: я был "маленьким". А полгода назад вдруг крэйзанул насчет ебли. Стал смотреть по видику порнофильмы дома у Джоника - их покупает его папаша и прячет в шкафу, а Джоник находит. Все карманные деньги я трачу на порножурналы - даже курить бросил специально, чтобы экономить. Ну, и, само собой, дrouch на баб в этих журналах, а иногда и на своих одноклассниц и других знакомых.

В моем районе много блядей, но они все старше меня, и я не знаю, как к ним подъехать. А те, что не старше, тоже ебутся в основном с пацанами из "учила" или со "старыми" мужиками.

*

Джоник сегодня пришел ко мне и сказал, что насчет фильмов ничего не будет: его папаша в отпуске и сидит дома. Решили просто пойти погулять. На остановке подкатили два "старых" пацана - Крюк и Чура. Крюк говорит:

-Малые, давайте с вами выпьем.

Это значит, они хотят с нами выпить за наши бабки. Я хотел сказать, что бабок нет, потом подумал: ладно, хер с вами, все-таки пацаны с района. Может, напьемся, потом погудим с ними. А то лето кончается, а все какой-то скучняк: нечего и вспомнить потом будет.

Взяли три бутылки "чернила". Это мало на четверых, но мне особо много и не надо, чтоб забалдеть. Сидим на скамейке во дворе дома, где живет Джоник и пьем по очереди из одного стакана.

-Э, малый, а чего ты не куришь? - спрашивает меня Крюк.

Он раньше учился в нашей школе, потом ушел в "учило", а оттуда его, говорят, выгнали: "мочил" своих мастеров. Я его много раз видел на районе с разными бабами. Они его почему-то, любят, хоть он и уродливый и стрижется налысо, так что видны все шрамы на его корявой башке.

-Не будешь курить - будешь отпизжен, - говорит Крюк.

-Не доебывайся ты до него, Крюк, - защищает меня Чура. - Малые заебись: бухло поставили. Курить или не курить - это его дело, правда, малый?

Я киваю. Им с Крюком, похоже, уже дало в голову, а мне еще нет. Может быть, они до нас уже где-то заправились, или им просто меньше надо, раз они такие алкоголики?

-Ну что, пустим их на хор, а, Крюк? - Чура смотрит на Крюка. У меня внутри что-то взрывается, и ладони начинают потеть, и срать хочется. "Хор" - это значит секс, когда баба одна, а пацанов много.

-К кому на хор? - Крюк кривит губы, улыбаясь.

-К этой, как ее, Наташе, ну, Иркиной подруге.

-А она даст?

-А типа нет? Э, малые, у вас еще бабки есть?

-Немного есть.

-Еще на бутылку "чернила" хватит?

-Не знаю.

Бабок не хватает, приходится "трясти" у магазина. Мы с Джоником ждем за углом, пока Крюк с Чурой объясняют какому-то малому - ему лет десять - что надо помочь пацанам с района. Он долго упирается, но все-таки отдает деньги. Крюк и Чура берут "пузырь", и мы все вместе идем домой к этой Наташе или как ее там.

Половина нашего района - пятиэтажки для рабочих химзавода, как та, в

которой живем мы с Джоником, а вторая половина - настоящие деревенские дома, и в них до сих пор живут без воды и туалета. Таких домов здесь целые улицы, много улиц, все они далеко от остановки, от магазинов, и вообще туда лучше не ходить, потому что там живут много блатных.

Но сегодня мы смело идем по этим улицам, потому что с Крюком и Чурой неопасно: они здесь свои, всех знают, и все знают их. Уже темно и прохладно, и чувствуется, что скоро осень. Скоро опять в школу: вот, херня какая. Зато срать уже не хочется.

Подходим к обычному дому за деревянным полусгнившим забором. Табличка "Очень злая собака".

-Насчет собаки не ссыте - ее еще в том году Гриша Малой отравил, - говорит Чура. - Подождите здесь. Мы с ней по пятьдесят капель, хуе-мое, а там вас позовем.

Они входят в калитку, стучат в дверь. Нам с улицы не видно, кто открывает. Крюк и Чура заходят внутрь.

-А если они нас кинут? - спрашивает Джоник. - Сами протянут ее, а нам - хуй? А может, там никакой бабы нет? Вдруг они маньяки какие-нибудь или сатанисты? И нас специально сюда заманили?

-Кончай ныть. Какие, на хуй, сатанисты?

-Обыкновенные. Или психопаты-пидарасы? Как в "Криминальном чтиве"? В жопу хочешь поебаться?

-Пошел ты на хуй.

-Нет, ты скажи, хочешь? А взять в рот у Крюка? У него, наверное, здоровущий хуй.

-Отъебись.

Мы молча курим. Часов ни у меня, ни у него нет, и сколько времени проходит, мы не знаем. Я тоже волнуюсь, но стараюсь не показать этого Джонику. А что, если они и вправду заманили нас сюда? Только для чего?

-Слушай, давай пойдем домой, - говорит Джоник.

-Соссал?

-Сам ты соссал. Я могу и не идти, я уже ебался. Это ты еще мальчик.

-С кем ты ебался?

-На юге. С одной бабой. Ей двадцать лет.

-Пиздишь.

-Зуб даю.

Мы ждем еще некоторое время.

-Все, можно идти домой, - говорит Джоник. - Не выйдут.

-Не ной.

-Говорю тебе - пошли домой.

-Подождем еще, потом постучим.

-Сам стучи. Вдруг там собака, а Крюк просто спиздел, что отравили?

-А как он сам прошел?

-А она его знает.

Щелкает дверь, и на крыльцо выходит Чура.

-Можете заходить. Подождете на кухне. Там Крюк ее сейчас дерет, потом я пойду.

На кухне под потолком горит тусклая лампочка. Мебели почти никакой, только закопченная плита, облезлый стол и табуретки, а вдоль стен стоят пустые бутылки.

Садимся на табуретки к столу. На нем хлебные крошки, пустая бутылка - наша - и три стакана.

Приходит Крюк с довольной улыбкой.

-Ну, как? - спрашивает Чура.

-Все класс.

Чура уходит. Крюк садится к столу, достает пачку "Беломора", вытаскивает одну папиросу.

-Дай мне, - говорю я.

-Ты ж не куришь.

-Иногда.

-Ссыканул немного, а?

Он сует мне пачку. Я вытаскиваю беломорину, закурываю. Джоник смотрит в окно, за которым ничего не видно: уже стемнело.

Сердце бьется часто и сильно, стучит пульс, и снова хочется срать.

-Кто первый, ты или я? - спрашиваю я Джоника.

-Давай я.

-Ладно.

Чура приходит, Джоник встает.

-Вон в ту дверь, - показывает Чура.

Его долго нет. Минут пятнадцать, как ушел. Или двадцать. Или полчаса. Чура и Крюк молчат. Видно, что они уже "хорошие". Блядь, как он

долго. Скорее бы все это кончилось. И домой. Спать.

Дверь открывается. Джоник. Я встаю. Прохожу через неосвещенную проходную комнату. В следующей комнате - кровать. И баба на кровати, под одеялом. Я ее узнаю: несколько раз видел на районе. Ей лет восемнадцать.

Я говорю:

-Привет.

Она не отвечает и даже не смотрит на меня. Мебель в комнате древняя и обшарпанная, на стенках – какие-то дурацкие чеканки и картинки - все бедно и убого. Только на трюмо - дорогая, по виду, косметика, и на другой кровати валяется несколько нормальных шмоток – наверное, ее.

-Хули целишься? - говорит она. - Времени мало. Снимай штаны.

Я расстегиваю джинсы, подхожу. Хуй не стоит. Мне вообще не хочется ебаться. Хочется только срать. Я стою перед ней. Майка закрывает хуй.

-Ты что, думаешь я тебе буду дрочить? - говорит она. - Если хочешь, сам дрочи.

-Не хочу.

Я натягиваю трусы и джинсы. Застегиваю замок и пуговицу. Выхожу из комнаты.

-Хули ты так быстро? - спрашивает Крюк.

Я молчу.

-Что, не встал? Надо было задрочить, пока ждал. Вот что значит - первый раз. Ни хера не умеет.

Хохочут все трое, но мне больше всех хочется въебать Джонику. На кухню выходит она.

-Хули вы мне привели импотента?

Все опять начинают хохотать.

-А мы тебя что, не удовлетворили? - спрашивает Крюк. - Вообще-то можем еще.

Она похабно улыбается.

Я вскакиваю, выбегаю из кухни, спускаюсь с крыльца, выхожу за калитку. Джоник догоняет меня.

-Ладно, не злись.

-Пошел ты на хуй.

-Сам пошел.

Sex and Violence

Во дворе девятиэтажного дома, у гаражей-"ракушек", четверо подростков – им лет по шестнадцать-семнадцать - бьют ногами парня постарше, который лежит на земле и пытается закрыть лицо руками. В стороне стоят две девушки. Им тоже лет по шестнадцать, и они, не отрываясь, наблюдают за избиением. Уже поздно, около часа ночи, и в окрестных домах светятся только несколько окон.

-Пошли за гаражи, поссым, - говорит одна из девушек, блондинка с длинными волосами. У обеих в руках по бутылке пива "Клинское". Блондинка делает последний глоток и ставит пустую бутылку на землю. Вторая – брюнетка с короткой стрижкой - тоже допивает свое пиво. Они идут за гаражи.

-Блядь! – вскрикивает одна.

-Что такое?

-Наступила в говно.

Обе хохочут. Потом слышно, как струи их мочи падают на землю. Через некоторое время обе выходят из-за гаражей. Драка к этому времени уже закончилась. Избитый парень лежит на траве, остальные курят.

-Ну, как, все с ним в порядке? – спрашивает блондинка одного из подростков.

-Все класс. Больше не будет залупаться, а то думает, что деловой. - Он обнимает девушку, и они целуются. – Ну, пора по домам.

Он улыбается. Подростки жмут друг другу руки, и расходятся. Блондинка уходит со своим парнем, а ее подруга со своим.

*

В подъезде блондинка и ее парень сидят на ступеньках, подстелив газету, и курят. Парень выбрасывает бычок и обнимает девушку, потом дотягивается до груди и сжимает ее через майку. Она улыбается и бросает свой бычок в дыру под перилами.

-Ты что? Не надо, - говорит она.

Его рука уже под ее короткой юбкой.

-Ну а хули тут такого?

-А если мама? Или соседи?

-Твоя мама сейчас, наверное, плющится со своим хачиком.

-Не говори так.

-Ладно, не буду.

Через несколько минут они занимаются сексом: он сидит на подстеленной газете, а она подпрыгивает сверху.

*

Вторая девушка – брюнетка - выходит из подъезда, смотрит вверх. С балкона восьмого этажа машет рукой парень. Он курит. Она делает ему воздушный поцелуй. Он выбрасывает бычок и уходит с балкона. Бычок падает в нескольких метрах от брюнетки, и она наступает на него каблуком своего босоножка.

Она идет вдоль дома, мимо машин и "ракушек". Из-за "Запорожца" без колес и с выбитыми стеклами выходит парень – тот самый, которого из-

бивали. У него под носом и на подбородке засохшие кровоподтеки.

-Привет, - говорит он.

Девушка громко пищит, разворачивается, чтобы бежать. Парень в прыжке бьет ее ногой в бок. Она вскрикивает и падает, уронив сумочку.

-Как вчетвером одного пиздить, так это нормально?

Она смотрит на него снизу вверх, присев на корточки. Парень опять бьет ее ногой в бок. Она кричит:

-Помогите!

-Я тебе сейчас, на хуй, помогу!

Он хватает ее за волосы и волочет к ближайшему подъезду. На одном из балконов два пацана лет по двенадцать курят и пьют из бутылок пиво "Балтика №9".

-Веди ее сюда, - кричит один. По голосу ясно, что он уже пьян.

-Счас тебе приведу, блядь, - кричит парень.

-Ты там еще попизди – уебу.

Парень втаскивает девушку в подъезд.

-Смотри мне – без шуток, - говорит он.

Она плачет.

Он затаскивает ее в лифт, и нажимает кнопку двенадцатого – последнего этажа.

-Выходи.

Он тащит ее за собой на площадку между последним и предпоследним этажами.

-Садись, - говорит он. Она послушно садится на грязный цемент, покрытый пятнами какой-то высохшей жидкости. Он достает помятую пачку сигарет "Ява", вытаскивает одну – она сломана, вторую – то же самое. Третья не сломана, и четвертая тоже. Он закуривает сам, зажигает сигарету для девушки и дает ей.

-Ты мне, наверно, ребро сломал, - говорит она, затягиваясь. – У меня там все горит.

-А как они меня пиздили, а ты стояла и смотрела, хорошо было?

Она плачет.

-Ну, что с тобой сделать?

Она ничего не говорит, продолжает плакать.

-Разве так можно? – говорит он. – Доебались ни за хуй до женатого

человека. У меня семья, ребенок уже, ты это знаешь? Хотя бы слово ска-
зали. Нет, стояли и смеялись.

-Мы не смеялись, - тихо говорит она и придвигается к парню.

Он смотрит прямо перед собой. Она наклоняется и расстегивает ему
ремень, потом ширинку, вытаскивает член и начинает сосать.

*

Они выходят из подъезда вдвоем. На балконе, где стояли пацаны,
остался один. Он стоит, задрал голову, и мастурбирует.

-Пошли ко мне, - говорит девушка. – Умоешься. Не иди же тебе домой
с таким лицом.

-А кто у тебя дома?

-Мама. Но она ничего не скажет, если я объясню, что ты знакомый, что
к тебе менты доколупались.

Они уходят.

*

К подъезду подходят другие парень и девушка – им лет по восемнад-
цать, и они модно и дорого одеты. Они начинают целоваться. подро-
сток на балконе все еще мастурбирует, никого и ничего не замечая: его
глаза закрыты.

-Э-э-э! – громко кричит парень, и подросток отдергивает руку и от-
крывает глаза.

Девушка хохочет.

-Э, выпить хочешь? – спрашивает парень у подростка.

-А что у тебя есть? – отвечает он пьяным голосом.

-Все, что ты захочешь, а точнее вот – и вытаскивает из пакета полбу-
тылки красного вина.

-Зачем тебе он нужен? – спрашивает девушка. – Мы и сами можем до-
пить.

-Ты это самое, серьезно? – спрашивает подросток.

-Само собой.

-Ладно, я счас.

-Андрей, скажи мне, зачем он тебе нужен?

-А тебя бы возбудило, если бы он потрогал твою грудь?

-Не знаю. А что тут возбуждающего?

-Ну, не знаю, ну, что он пацан еще и только что дровичил на балконе.

-Не знаю. Может быть.

Подросток выходит из подъезда. Он в рваной баскетбольной майке, шортах и стоптанных шлепанцах на босу ногу.

-Привет, - говорит Андрей. – Счас мы с тобой поделимся. – Он делает большой глоток вина из горла, потом передает девушке. Она тоже отпивает и передает подростку.

Тот хватает бутылку и пьет, не отрываясь. Вино течет по подбородку, капает на голую грудь в разрезе майки.

-Класс, - говорит подросток и дебилно улыбается.

-А где твои мама с папой?

-Спят.

-А хочешь потрогать ее грудь?

Подросток недоверчиво смотрит на девушку. Она улыбается.

-Ну, давай, не ссы.

Подросток протягивает руку и трогает левую грудь девушки через майку.

Она улыбается, Андрей тоже.

-Ну, разве так трогают? – спрашивает он и смеется, потом берет руку подростка и просовывает ее девушке под майку.

Она по-прежнему улыбается. Подросток сжимает все ту же, левую грудь, потом резко отдергивает руку.

-Все, теперь можешь идти, - говорит Андрей. – До свидания.

Пацан поворачивается и делает несколько шагов. Андрей прыгает и ногой бьет его в спину. Пацан падает на ступеньки подъезда. Парень несколько раз бьет его ногой.

-В нашем мире ничего не делается просто так. За все надо платить. Запомни это на всю жизнь, мальчик!

-Зря ты его так, - говорит девушка. – Он – хороший чувак. – Она хохочет, парень тоже. – Побежали скорей ко мне.

Они убегают, взявшись за руки. В темноте мелькает ее белая майка.

Пацан поднимается и идет в подъезд, бормоча на ходу:

-Блядь, сука, хуесос поганый, мы еще встретимся, еб твою мать...

*

Избитый парень и девушка сидят у нее на кухне и пьют водку. Он полностью одет, на ней - только трусы и лифчик. Мебель на кухне старая и обшарпанная, под потолком горит тусклая от налипшей пыли лампочка без абажура. Все углы заставлены пустыми бутылками из-под водки и дешевого вина. Они молча чокаются рюмками с водкой и выпивают. На столе стоит пустая бутылка из-под водки.

Парень говорит:

-Ну, ладно, я пошел. Жена ждет все-таки.

-Подожди, - говорит она.

Парень достает из лежащей на столе пачки "Примы" без фильтра сигарету, подходит к окну и закуривает. Девушка наклоняется, берет одну из пустых бутылок. Парень смотрит в окно. Она бьет его сзади бутылкой по голове. Он валится в угол, на пустые бутылки. Они со звоном рассыпаются. Девушка берет еще одну бутылку и бросает в парня. Бутылка разбивается о стену рядом с его головой. Она швыряет еще и еще бутылки: некоторые разбиваются, некоторые попадают в парня. На шум прибегает из комнаты мать. На ней драная грязная ночная рубашка.

-Ты что, охуела, блядь? Весь дом поднимешь. Посмотри, сколько время. Опять, блядь, милицию вызовут. А это, блядь, кто?

-Никто.

-Нахуя ты его привела?

Парень весь обсыпан осколками зеленого и коричневого бутылочного стекла. По его лицу течет кровь.

-Убирай его отсюда на хуй.

-Тебе надо – ты и убирай. А я пойду поссу.

Она заходит в туалет – он совмещен с ванной, стаскивает трусы и садится на унитаз. За дверью мать матерится, а парень начинает стонать. Девушка плачет.

А в г у с т

Я ехал в автобусе с работы. Кто-то толкнул меня. Я не видел, кто. Думал - может быть, случайно. Потом толкнули еще раз, и я повернулся. Маленького роста мужичок со сморщенной рожей. Видно, что ненормальный. Говорить он, наверное, не мог, но сделал жуткую угрожающую рожу и вывернул карманы своих штанов: смотри, мол, денег нет, это ты у меня их украл.

Я отвернулся, но он снова меня толкнул и снова показал на карманы, потом вытащил откуда-то шариковую ручку и замахнулся на меня. Я не знал, что делать. Вдруг он какой-нибудь буйный? Я бы мог ему навешать, но жалко. Или выкинуть из автобуса "для профилактики"?

Мужик смотрел на меня, по-прежнему со злобной рожей, водил ручкой в воздухе, делал угрожающие жесты. Я чувствовал, что меня пугает его ненормальность, из-за которой он мог сделать что угодно - например, ударить меня ручкой в глаз.

Отойти от него или выкинуть из автобуса? В это время один из пьяных мужиков, стоявших рядом, повернулся в нашу сторону.

-Э, хули ты хочешь? – спросил он у идиота.

Тот не реагировал.

-Э, ты что, не понял?

Идиот махал руками и по-прежнему злобно на меня смотрел. Потом повернулся к мужику и опять вывернул карманы, теперь для него.

-Деньги? Какие на хуй деньги? У тебя там их не было никогда, - мужик посмотрел на меня. – А ты что стоишь? Ебнул бы ему.

-Жалко. Все-таки, неполноценный.

-Нечего таких жалеть. Нету на них Гитлера – горели бы за всю хуйню в крематории.

Он вдруг резко ударил идиота по яйцам. Тот присел. Автобус подъехал к остановке, дверь открылась. Мужик ударил его еще раз, и тот вылетел из автобуса, нелепо взмахнув руками. Ручка выпала из его руки и упала на тротуар.

Какой-то пожилой дядька с портфелем укоризненно посмотрел на мужика.

-И как вам не стыдно, молодой человек? Вы же на убогого руку подняли.

-Не пизди.

Дядька отвернулся.

*

Дома я выпил две бутылки пива, но стало не лучше, а наоборот грустно и вонюче. Я чувствовал себя куском говна, случайным, никому на хер не нужным человеком в большом злобном городе, набитом всякими уродами и дегенератами. И если ничего не изменится, я могу стать таким же, как они. Подкарауливать беззащитных детей и женщин и убивать их в темных засанных подъездах и получать от этого свой извращенный кайф - такой кайф возможен, только если убиваешь беззащитного. И однажды меня арестуют, и менты будут знать, кто я такой, и в газетах напечатают мой портрет и большую статью, и в тюрьме все тоже будут знать про это и будут мне мстить за то, что я сделал с беззащитными, а потом меня убьют.

Под эти мысли я вырубился - как был, в одежде, и при включенном

телевизоре - и проснулся только утром, часов в десять. Была суббота. За окном висело серое пасмурное небо - такое, как часто бывает в конце августа, как специально, чтобы испортить настроение, чтобы напомнить, что лето вот-вот кончится.

Я выпил еще бутылку пива. Больше не было, но идти в магазин не хотелось. Я поджарил глазунью, съел ее, пододвинул стул к окну и сел, закинув ноги на подоконник. Дотянулся до стола и включил магнитофон. Я не помнил, какая в нем кассета. Оказалось – "Аквариум", старый альбом, который слушал еще лет десять назад. Он тогда вышел на виниловом диске и продавался в "Культтоварах". Я купил его и слушал на старой своей "Вега" и тащился и мечтал.

Мне было шестнадцать и я комплексовал из-за того, что у меня не было девушки, даже не для секса, а просто, чтобы можно было куда-то пойти вдвоем - в кино там или на футбол или в кафе-мороженое.

А потом вдруг появилась Чича, вернее не совсем появилась: я знал ее с третьего или четвертого класса, когда она пришла в нашу школу, и никогда она мне не нравилась, потому что была некрасивая и под платьем носила, вместо колготок, синие спортивные штаны, растянутые на коленях. В восьмом классе начали говорить, что она ебется. После восьмого она ушла в ПТУ, а потом мы случайно встретились в гостях у Иванова, на его дне рождения, и я еще подумал: зачем он ее пригласил? А потом все упились, и мы с ней танцевали и зажимались и вместе пошли домой пьяные и целовались у нее в подъезде, и я трогал ее везде и понял, что с ней все будет быстро, хотя, конечно, сначала придется сводить ее в кино или в кафе.

Мне было стыдно ездить с ней в центр города: она одевалась как колхозница. Но один раз мы все-таки сходили в кино, на фильм "Асса" - мне понравилось, а ей – нет. А после кино мы с ней пообались у меня дома, на кровати моих родителей - они ушли к кому-то в гости. А потом началась учеба, и она просила меня помогать ей, потому что была тупая, и мне с ней было страшно скучно. Она не любила "Кино" и "Наутилус" и "Аквариум"...

В дверь позвонили. Я никого не ждал и решил не открывать. Позвонили еще раз, долго и настойчиво. Я слез со стула, открыл дверь и вышел в коридор. В этот момент снова позвонили. Я посмотрел в глазок. Там стоял незнакомый немолодой мужик.

-Кто там?

-Открывай, поганец.

-Что вам нужно?

-Открывай и не пизди, сука.

Мужик снова начал звонить. Он был бухой и, наверно, думал, что пришел к себе домой, и его не пускает сын или зять. Мне вдруг вспомнился вчерашний сумасшедший в автобусе – я про него уже успел забыть. Я подумал, что пьяный и ебанутый – одно и то же. Что одному, что другому - доказывать и объяснять бесполезно. Этот мужик будет звонить теперь в дверь, пока не обоссется и не наблюдает под дверью, чтобы уснуть потом в луже своей мочи и блевоты.

Он держал кнопку звонка и не отпускал. Надо было что-то делать.

-Вы не туда попали. Это не ваша квартира.

-Не пизди, поганец.

-Мужик, ты достал уже. Счас выйду и нащелкаю тебе по башке.

-Открывай, сука.

Я открыл дверь. Мужик был в трусах, а брюки свои держал в руке. Сандалеты свои он тоже снял и поставил на ступеньку лестницы.

-Мужик, я тебя вижу в первый раз. Ты звонишь ко мне, а не к себе. Понимаешь?

Он посмотрел на меня тупым бычьим взглядом и попер в открытую дверь. Я дал ему по морде, и он повалился на спину, с шумом ударившись о плиту лестничной клетки. Я захлопнул дверь. Сердце стучало, и кровь пульсировала во всем теле. Я посмотрел в глазок. Мужик поднялся, пробурчал что-то типа "поганец" и снова позвонил в дверь. Я тихонько открыл дверь и выскочил на площадку.

-Ну, что блядь, будешь еще звонить?

Я начал молотить его кулаками и ногами. Он упал, я схватил его за плечи и поволок вниз. Давно не чувствовал такой злости. Из его разбитого носа текла кровь.

-Еще раз позвонишь, убью на хуй.

Мы с ним были на площадке этажом ниже, и я надеялся, что теперь он будет звонить уже не ко мне. Я вернулся в квартиру и начал одеваться, чтобы пойти купить пива – надо снять стресс. Когда уже собирался выйти, в дверь опять позвонили. Я резко открыл дверь. Мужик смотрел на меня стеклянными глазами. Из носа текла кровь. Губы и подбородок тоже были вымазаны кровью. Я почувствовал усталость. У меня даже не было больше сил его бить – на него это не действовало, он был как зомби. Я оттолкнул его, захлопнул дверь и спустился на один пролет.

-Лучше уходи. Чтоб, когда вернусь, тебя здесь не было.

-Открывай, поганец.

В магазине я купил четыре бутылки пива, одну открыл и сел на лавке у подъезда. Небо было все таким же серым и неопределенным. Домой не хотелось идти из-за этого придурка. Что с ним делать?

Я поднялся по лестнице. Мужика не было. Только на ступеньках лежали расческа и обкусанный коржик.

Я вошел к себе, включил опять кассету "Аквариума" и стал пить пиво. Странно, почему я так испугался, когда бил его? Он же не был опасен, он не собирался сопротивляться. Даже жалко его как-то. Глупо получилось. Я давно никого не бил. Хотя, наверно, он все равно ничего не почувствовал, потому что пьяный.

*

Я уснул и проспал почти до вечера. Планов не было никаких и, хуже всего, вообще ничего не хотелось делать. Но я убедил себя, что еще один вечер с пивом и телевизором мне не нужен. Лучше куда-нибудь поехать, что-то сделать, а не ждать, пока что что-то произойдет само.

Решил пойти в клуб. Рок-н-рольный, даже панковский. Я там часто тусовался лет пять назад, еще в институте, и знал, что он до сих пор существует.

Я надел майку "Marilyn Manson" - единственную свою "музыкальную" майку, которая попала ко мне, в-общем, случайно: я не очень любил Мэнсона, хотя альбом "Mechanical Animals" мне нравился, особенно песня про то, что все мы играем в каком-то поганом "dope show".

У метро купил еще пива, сидел на скамейке, пил, злился на мудака, который обосрал мне весь день своими звонками, но постепенно добрел, и мне даже становилось жалко этого старого, в общем, дядьку, у которого, наверно, есть дети и внуки, а он, упитый в жопу, ходит по чужим домам без штанов и получает по морде от таких как я...

У входа в клуб толпилась альтернативная публика лет шестнадцати-семнадцати. На их фоне я казался себе старым дядькой, но мне было до жопы. Я не ожидал встретить здесь знакомых: те, с кем еще контактировал, в этот клуб не ходили, а остальных просто не помнил и вряд ли бы узнал.

На афише были незнакомые названия групп, которые я прочитал и тут же забыл. Я купил билет и подошел к охраннику. Тот лениво обшмонал

меня, а парень из клуба поставил мне на запястье печать – на ней стояло 17-45 и название кинотеатра, которое размазалось и было нечитаемым.

Такую печать раньше ставили на билетах в кинотеатр. Я поднялся по лестнице наверх – сцена и бар были на втором этаже. Народу было немного. На сцене не было никого: или еще вообще не начинали, или был перерыв между группами.

Возле сцены и в баре тусовалась все такая же молодежь лет на семь-восемь младше меня, и я снова почувствовал себя старым. Чтобы убить эти мысли, я пошел в бар, купил пива и сел за столик, на единственный свободный стул. Возле меня сидели двое коротко стриженных крашенных чуваков. Еще два десятка таких же шныряли по бару, жали друг другу руки, обнимались, просто пиздели.

-У тебя, я вижу, майка "Мэрилин Мэнсон", - сказал один из моих соседей по столику.

-Правильно видишь.

-А у тебя правильная майка. За это стоит выпить, да?

-Ну, можно и выпить.

Он пошел к стойке и купил сто пятьдесят водки в графинчике и три пива. Я одним глотком допил свое пиво и отодвинул бутылку в сторону. Мы чокнулись, выпили водку и запили пивом.

-Я тебя здесь ни разу не видел, - сказал чувак.

-Я здесь лет пять не был.

-Ни хуя себе.

-Как здесь сейчас насчет баб?

-Как когда. По настроению. Иногда снимешь, пососеешься за занавеской, а сегодня как-то не прет.

Я про себя усмехнулся. Наверняка, пацаны еще живут с родителями, и жилплощади свободной у них нет. Так что, максимум, на что они могут рассчитывать, так это пососаться с пьяной подружкой за вонючей заблеванной занавеской. Я потерял к ним интерес.

На сцене настраивалась какая-то группа. У меня в бутылке еще оставалось пиво, и я медленно допивал его. Народ постепенно прибывал, и вокруг становилось все больше здоровающихся друг с другом, обнимающихся и просто пиздящих подростков. Мои соседи по столу куда-то отвалили, ничего мне не сказав, но я особенно не расстроился.

Группа начала играть, и я переместился из бара к сцене. Совсем мо-

лодые пацаны – лет по шестнадцать-семнадцать – рубили хард-кор. У гитариста-вокалиста широкие штаны с карманами на коленях свисали так низко, что должны были вот-вот упасть. Несколько пацанов такого же вида – в широких штанах и бесформенных майках – устроили "мош-пит": прыгали под музыку, сталкиваясь между собой. Остальной народ отступил от сцены, освободив им небольшой пятак.

После трех песен эти пацаны куда-то ушли, и вместо них на пятаке у сцены появились девушка с парнем. Они были пьяные и, кроме того, не вписывались в тусовочную толпу: она - в коротком трикотажном платье, он - в костюме. Пара танцевала под хард-кор - плохо, но раскованно, как все пьяные. У нее несколько раз задиралось платье, обнажая некрасивой формы трусы под колготками.

Вдруг она неожиданно сняла платье через голову и швырнула в сторону. Лифчика на ней не было, и она продолжала свой танец уже в одних колготках и трусах – туфли сбросила еще раньше. Зрители и музыканты довольно улыбались. Ее партнер снял пиджак, а потом и штаны, оставшись в длинных разноцветных "семейных" трусах.

Через толпу протиснулся охранник – коротко стриженный бугай с совершенно добродушным лицом – и что-то сказал девушке. Из-за музыки было не слышно, что именно, но она взяла с пола платье и залезла к нему на плечи, а он с еще более добродушным лицом понес ее сквозь толпу. Второй охранник подошел к ее партнеру и показал рукой на валяющиеся на полу штаны. Тот понял и начал натягивать их на себя.

-Мы очень рады, что среди нас еще встречаются такие вот классные девчонки, - сказал в микрофон вокалист. – Следующая песня посвящается им.

Больше ничего интересного не предвиделось, и я пошел в бар.

На моем месте сидела какая-то подружка.

-Я вообще-то здесь сидел, - сказал я.

-А сейчас здесь сижу я. И вообще весь столик занят. Здесь сидит группа "Ignition".

-И ты тоже в группе?

-Нет, мой муж в группе.

-А где он?

-Не знаю. Они куда-то пошли. Им где-то через полчаса на сцену.

-А-а-а. А что за группа? Я ни разу не слышал.

-Ну, группа как группа.

-Что играют, я имею в виду?

-Хард-кор.

-Сейчас почему-то все играют хард-кор.

-Тебе не нравится?

-Не очень нравится.

Подошел какой-то чувак и поставил на стол несколько бутылок пива.

-Где все? – спросила она.

-Готовятся.

-А-а-а.

Пацан ушел.

-Бери пиво, если хочешь, - сказала она. – Это за счет клуба. Гонорар группы – ящик пива.

-Спасибо.

Я взял бутылку. Мы чокнулись.

-Ты доволен жизнью? – спросила вдруг она.

-Нет.

-И я нет. У нас ребенок, а муж думает только о музыке, на семью ему наплевать.

-Я не это имел в виду.

-И я не это.

Некоторое время молча пили пиво. Я рассматривал ее. Она была не очень красивой, скорее обыкновенной. Но мне все равно пришла мысль, что хорошо бы, пока ее муж где-то там готовится к концерту, накачиваясь пивом, пойти с ней в какой-нибудь угол, за занавеску, и "пососаться" там, как будто нам по семнадцать лет.

-Какое у тебя образование? – спросила она. - Высшее?

-Аспирантура.

-А, ты более образованный.

И захохотала.

Я допил пиво и взял следующую бутылку. В этот момент подошли музыканты.

-Знакомьтесь, это...

-Сергей.

-...большой поклонник группы Ignition.

Чувак, который сел с ней на один стул, наверное, и был ее мужем. Не-высокий, темноволосый и довольно симпатичный. Скорее всего, младше нее. Другой чувак сел рядом со мной и постоянно болтал:

-Хард-кор – это класс, круто. Limp Bizkit, Korn – вот он крутяк.

Я слушал и кивал головой. Я терпеть не мог эти тупые команды.

Потом музыкантов позвали на сцену настраиваться, и она пошла с ними – помогать, хотя чем она могла помочь? Я был уже хорошо пьян, и куда-то идти было лень. Они долго настраивались, потом спели одну песню, еще одну и остановились. Включилась фанера. Минут через пять все снова оказались за столом.

-Что так мало играли? – спросил я.

-Струна порвалась.

-И запасной не было?

-Нет. И гитару никто не дал – все уже разошлись, у кого были инструменты.

-Жалко.

-Насрать.

Клуб пустел. Несколько человек спали прямо за столом, положив головы на руки, а еще несколько скрючились в углу. Две пары пьяных тинейджеров прыгали у сцены под Limp Bizkit. Музыканты про что-то болтали, но я их не слушал. Мне было грустно и одиноко. Потом они сунули мне рюмку водки, я выпил и запил чьим-то пивом. Скоро я вырубился.

Меня растолкал охранник. Было пять утра, клуб закрывался. Я сидел за столиком один, музыкантов не было.

Я поднялся и вышел на улицу. Было прохладно: август все-таки. Поживаясь, я поперся к остановке, на ходу пересчитывая деньги. Но подошел автобус, и такси не понадобилось.

Автобус был полупустой, в нем сидели только несколько дачников и пьяный мужик в костюме. Я сел на свободное сиденье и заснул. Проснулся – к счастью – за три остановки до своей.

Дома лег на диван и вырубился. Когда проснулся, был почти вечер. Жратвы в квартире почти не было, а идти в магазин было лень. Яичницу жарить тоже не хотелось. Я заварил чай и жевал черствоватый хлеб с несвежим маслом.

Раньше в том клубе все было по-другому. Или это просто теперь казалось, что по-другому, потому что сам я был младше. Или потому, что сам

не знал, чего хотел и зачем туда пошел. Всем этим тинейджерам хорошо – все им до жопы, главное – выпить или покурить травы, забалдеть и потом "пососаться за занавеской", а в лучшем случае, если дома никого нет, то и поебаться. А что мне надо, я не знаю.

Я медленно мыл посуду, слушая какое-то ФМ-радио. Я их обычно не слушаю и потому не знаю названий. Играла на нем голимая попса, но мне было все равно. Диджей нес невообразимую хуйню, ему звонили шестнадцатилетние девочки и жаловались, что им скучно и лето кончается и скоро в школу и вообще все плохо.

Я оделся, вышел из дома, сел на остановке в автобус. Он был пустой – только несколько тинейджеров с бутылками пива в руках сидели в хвосте, что-то возбужденно рассказывая друг другу. Они вышли за одну остановку до конечной – вокзала. Я доехал до конца.

Иногда, задерживаясь по вечерам на работе, я потом заезжал на вокзал выпить пива. Покупал бутылку в круглосуточном киоске и садился в скверике, где тусовались в основном бомжи и ищущие приключений командировочные, у которых до поезда оставалось несколько часов.

Но сейчас я решил пойти в бар, где наливали бочковое пиво – в стороне от зала ожидания, за киосками. За несколькими круглыми стойками стояли люди – те же самые командировочные и бомжи – и пили пиво из пластиковых полулитровых стаканов. Тут же расположилась местная "мафия" – бандитского вида алкаши и с ними несколько блядей.

Я подошел к окошку, купил пива и стал у свободной стойки. Медленно пил пиво и разглядывал "мафию". Алкаши насчет чего-то разбирались между собой и громко орали, потом ушли, оставив своих блядей. Одна из них подошла к моей стойке.

-Привет.

-Привет.

-Купи мне пива.

-И дальше что?

-Ничего. Попьем с тобой.

-Я и один могу попить.

-Пошел ты на хуй, придурок.

Она перешла к соседней стойке, у которой стоял майор авиации. Он купил ей пива, и я стал наблюдать за тем, что будет дальше. Интересно, как они его обуют? Она отведет его к себе домой? Или просто за киоски? Или обувать его не будут?

Почему-то эти мысли казались мне самыми простыми и приятными, и ни о чем другом думать не хотелось. Я купил еще пива, потом еще, и вообще уже ни о чем не думал, только смотрел в свой стакан с пивом, а смотреть на что-то другое кайфа не было.

Скоро майор вернулся, один, без блядины, потом заморосил дождь, а за мою стойку перебрались двое алкашей из "мафии", и я решил, что пора валить.

Автобусы уже не ходили, и пришлось ловить такси. Кроме меня, на остановке стояли парень и девушка лет по двадцать и ругались друг с другом.

-Я извиняюсь, - сказал я им. – Если вам тоже в Малиновку, можем поймать такси вместе. Половину вы, половину я: дешевле будет.

-Да, конечно, - сказала девушка, а ее спутник недовольно на меня посмотрел. Может быть, вовсе не недовольно, просто он был сильно пьяный.

Девушка пьяной не казалась. Еще я заметил, что под ее белой майкой нет лифчика.

Подъехала машина, и мы сели втроем на заднее сиденье: спереди сидела какая-то тетка.

Когда проехали полдороги – они все это время молчали, и я тоже – я сказал:

-У меня есть предложение. Если вы не слишком торопитесь, можно пойти ко мне, выпить водки. Я живу один, и мне скучно.

-Да, можно, конечно, - сказала она.

Парень никак не возразил.

-Как вас зовут? – спросил я.

-Меня Наташа, а это Вова.

-А я Сергей.

-Где ты работаешь? – спросила она, когда мы уже вошли в подъезд.

-В фирме.

-А что ты там делаешь?

-Ну, всякую работу. А ты?

-Я учусь. В училище. На секретаря.

-А ты?

-Работаю. На хлебозаводе. Грузчиком.

Чувака, похоже, вдохновила возможность выпить водки, и он уже не выглядел таким мрачным.

В квартире я достал из холодильника бутылку водки, хлеб и лук – яичницу жарить было лень, а больше ничего не было.

-Надеюсь, вы не голодные, - сказал я.

Они уже расселись на моих облезлых табуретках. Я достал пластиковые стаканы – у меня не было трех одинаковых стеклянных.

-Ну, за знакомство, - сказал я. Мы нелепо чокнулись пластиковыми стаканами и выпили.

-Ты совсем один живешь? – спросила она.

-Да.

-А родители?

-У них своя квартира.

-А эта твоя?

-Моей бабушки.

-А где она?

-Умерла.

Я сразу же налил по второй. Выпили. Чувак положил голову на стол и закрыл глаза. Я посмотрел на нее. Она улыбнулась:

-Ты не боишься?

-Чего?

-Что он проснется.

-Нет.

Мы поцеловались, потом я разлил остатки водки по стаканам. Выпили и перешли в другую комнату.

Присутствие чувака в соседней комнате возбуждало, но алкоголь, наоборот, притуплял все ощущения, поэтому получилось так себе. К тому же, она все время доставала меня вопросом "А что, если он проснется?", а после этого испуганно-похотливо улыбалась. Я не рассуждал о том, что бы я делал, если бы чувак проснулся: у меня наступил полный похуизм.

Когда оделись и вернулись в комнату, я спросил:

-Какие у вас с ним отношения?

-Никаких. Пока.

-А когда вы познакомились?

-Неделю назад.

-И еще ничего?

-Ничего. Но я же сказала. Пока. Он мне нравится на самом деле.

-А я?

-Не знаю.

-Давай, буди его.

Это оказалось сложным делом. Чувак посылал нас на хуй, говорил "Отстаньте от меня". Мы кое-как выволокли его из комнаты в прихожую, потом в коридор. Я сначала хотел проводить их только до лифта.

-Посади его внизу на лавку, пусть трезвеет. А сама иди домой.

-Нет, ты что? А если его убьют.

-Никому он не нужен. Такие, как он, пьяные по всему району сейчас валяются.

-Нет, все равно. Я поведу его домой.

-Ладно, я помогу.

Мы втащили его в лифт, потом, внизу, вывели на улицу. Он все время говорил какую-то хуйню, сопротивлялся и цеплялся за двери. К счастью, чувак жил недалеко, всего за несколько домов, и мы кое-как довели его до квартиры и позвонили в дверь. Стоять он не мог, и сразу сел на грязный каменный пол. Мы спустились вниз на одну площадку и уже оттуда услышали, как дверь открылась и какая-то тетка – наверно, его мать, закричала:

-Ах ты сволочь, опять пьяный!

-Ну что, пошли еще водки купим? – спросил я.

-Нет, я домой.

-Ну, ладно. Телефон напиши.

Она достала из сумки блокнот, вырвала листок и написала номер. Я сунул листок в карман.

-Пока.

-Пока.

Светало. Я решил уже не ложиться. Алкоголя в голове почти не осталось, одно только чувство усталости. Хотелось жрать, и я разбил на сковороде три яйца. Из тарелки, бывшей вместо пепельницы, воняло. На столе стояли пустые пластмассовые стаканы. На одном остался розовый отпечаток ее помады.

О ф и с

1. Туалет

Прохожу по длинному безликому коридору, поворачиваю налево. Комната 424, комната 426, потом женский туалет, а за ним мужской. К серой двери приклеен распечатанный на принтере лист с рисунком мужской головы.

У писсуаров и раковин никого.

Писсуары расположены неудобно, так, что проходящие мимо в свой туалет женщины могут видеть ссущих мужиков, когда кто-то открывает дверь. Я никогда не ссу в эти писсуары – не потому, что стесняюсь, просто мне не нравится.

Я всегда захожу в одну из трех кабинок, только не в ближайшую, потому что в ней крышка на унитазах, когда ее поднять, не держится, а я с

детства привык поднимать крышку унитаза, чтобы ее случайно не обоссать. Сейчас мне это не важно, но по привычке я захожу в крайнюю кабинку у окна.

Туалет только что убрали, и он пахнет моющим средством. Но я все равно отрываю кусок бумаги и протираю им крышку унитаза, потом бросаю бумагу в воду. Отрываю еще бумаги и аккуратно застилаю унитаз.

Расстегиваю ремень, снимаю штаны, трусы и сажусь. Слышу, как в соседней кабинке – я думал, там никого – кто-то встает и начинает тереть задницу, потом надевает штаны, возится с ремнем, смывает и выходит из кабинки, зацепившись за дверь.

Я сижу на унитазе, разглядываю свое отражение в зеркальной двери кабинки и размышляю: вот, например, я вытираю жопу, а в туалете тихо, и все слышно, и кто-то моет руки и слушает, как я это делаю, а потом я смываю и иду мыть руки, и он еще там, возле умывальников. Было ли бы мне неловко? Или, например, я сижу на унитазе и сру, а закрыть изнутри дверь кабинки забыл, и кто-нибудь заглядывает ко мне... Еще я думаю о том, что было бы, если бы этот туалет был и женским, и мужским, и все ходили бы по очереди в эти кабинки и как бы раньше, лет пять назад, меня возбуждала бы идея срать или ссать в кабинке, зная, например, что в соседней кабинке срет или ссыт какая-нибудь красивая девушка. Их здесь много, в этом здании, которое принадлежит какой-то государственной конторе, а наша фирма снимает здесь только две комнаты в правом крыле.

Кто-то вбегает в туалет, дергает дверь моей кабинки, потом заскакивает в соседнюю, и я слышу, как он там начинает тошнить.

В это время кусок моего говна падает в унитаз, поднимая брызги. Несколько капель попадают на жопу. Вода слишком холодная, и потому неприятно. Я встаю, сгребаю с крышки унитаза все бумажки и бросаю в воду. Вытираю жопу и туда же бросаю бумажку. Ненавижу, когда обосранные бумажки бросают в ведро рядом с унитазом, и они там потом воняют до ближайшей уборки, а то и целый день, если уборщица вдруг не захочет их оттуда выгребать.

Дергаю за фишку в крышке бачка – и вот облом: смыв не работает. Закрываю унитаз крышкой и выхожу. Дверь соседней кабинки открыта, и видно, что унитаз в ней заблеван. Возле писсуаров и умывальников никого.

Я открываю кран – ручка сдвинута влево, и вода льется холодная. Я

двигаю ручку немного вправо и подставляю руки под струю, потом нажимаю на кнопку фигни с жидким мылом, которая висит тут же на стене, но мыло кончилось, и оттуда на ладонь падает только едва заметная капля. Я тяну руку к такой же фигне у соседнего умывальника, но и она пустая.

Мою руки без мыла, потом поворачиваюсь к сушилке. Она должна включиться автоматически, как только поднесешь руки, но включается только после того, как я несколько раз раздраженно дергаю мокрыми руками. Пока руки сушатся, я рассматриваю прилепленную к ней пленку: 50-60 Hz, 220-240 V, W 1300, mod. 104, made in Italy. Подковыриваю ее ногтем, и край отклеивается. Под ней небольшая прямоугольная дырка и номер V163. Выхожу из туалета.

2. Имэйл

Subject: Заебало

Date: Thu, 15 Nov 2001 12:30:35 +0300

From: Irina Medvedkova <medvedkova191@pisem.net>

To: Vladimir Kozlov vladimir14@mail.ru

Привет!

Все заебало – просто пиздец. Мне так хуево, что ты не представляешь себе. Напиши что-нибудь.

Буду ждать.

Ира

Subject: Re: Заебало

Date: Thu, 15 Nov 2001 12:30:35 +0300

From: Vladimir Kozlov vladimir14@mail.ru

To: Irina Medvedkova <medvedrova191@pisem.net>

Хватит присылать такие письма. Самого все заебало, без тебя тошно.

3. Обед

Достаю из ящика стола лапшу "Доширак". На картинке имбецильная корейская девушка держит в руке такую же коробку лапши. Сверху, в углу нарисован рак, хотя, наверное, это креветка, потому что лапша "со вкусом креветки". Внизу справа – еще одна креветка, более натураль-

ная, лежит сверху в тарелке с лапшой.

Я всегда покупаю "вкус креветки", не потому, что люблю, а потому что продавщица в киоске на первом этаже спрашивает – какой "Доширак", и надо ей что-то отвечать. Лапша эта так достала, что от нее хочется блевать, но и все остальное, что есть в киоске, тоже достало, так что, какая разница?

Разрываю пленку упаковки и бросаю в мусорку, потом туда же швыряю имбецильную девушку с креветками.

В мусорке уже валяется выброшенная кем-то коробочка из-под йогурта с фиолетовым подтеком на дне и прилепленной сбоку жвачкой, отгрызок яблока со следом губной помады и кожура банана.

На моем столе - ложка с засохшим соусом из лапши быстрого приготовления "Магги" - я оставил ее там вчера, все лень взять с собой в туалет и вымыть.

Я рассматриваю свой стол. На нем повсюду следы моих прошлых офисных обедов: беловатое пятно йогурта, прилипшее колечко макарон "Роллтон", засохшая капля свекольника-"Быстросупа", хлебные крошки.

Наливаю из диспенсера в лапшу горячей воды, накрываю крышкой.

В ящике стола нахожу засохший лаваш, который, наверное, пролежал там неделю. Сдуваю с него налипшую пыль, отламываю кусок и макаю в макароны. Получается почти съедобно.

Ем макароны ложкой из-под "Магги", потому что чистой вилки в офисе в это время уже не найдешь, а идти в туалет и мыть – в лом.

Доедаю, бросаю коробку в мусорку, не попадаю – ну и фак с ней.

4. Интернет

Пододвигаю к себе клавиатуру, щелкаю кнопкой мыши на "Нетскейпе". Иду на Яндекс, забиваю в поиск +все +заебалю. Поисковик выдает результаты:

"Да эту суки ФСБлядские уже всех заебали.."

Ладно. "Показать найденные слова".

Доска объявлений HackZone - Да эту суки ФСБлядские уже всех заебали.... Отправитель: Dark Omen, November 07, 2000, 15:10:56:

Неинтересно. Закрываю окно. Дальше.

"Скоро сюда приду я с Рабиновичем с Огонька и всех заебу"

Ну, посмотрим. "Показать найденные слова"

Кроватька - Основной

Скоро сюда приду я с Рабиновичем с Огонька и всех заебу -- Хрен Редькин -- 23/07/1999 21:59

Re: Тут никого нет. А твоё имя ебонашка. (-) -- Z -- 23/07/1999 22:35

И все? Дальше.

"Да вы все заебали пиздеть! Ану-ка ЦЫЦ!"

"Показать найденные слова"

Нет сообщения!

Извините, но сообщение, которое Вы только что пытались загрузить не существует! Вы используете старую ссылку или пытаетесь ввести адрес вручную и ошибаетесь в нём. Если у Вас возникли вопросы, пишите на bigfoot@3ka.mipt.ru.

Ваш браузер должен вернуть Вас на главную страницу.

Это еще что? Назад на Яндекс

"Re: Все загребло"

"Показать найденные слова"

[яРСДЕМРВЕЯЙХИ тНПСЛ] [нРБЕРШ Х ЙНЛЛЕМРЮПХХ]

[мЮОХЯЮРЭ нРБЕР]

нРОПЮБКЕМН drivermen 14:12:17 19/10/2000

Б нРБЕР мЮ: бЯЕ гЮгЕАКН, нРОПЮБКЕМН Mc'Lion
14:05:49 19/10/2000:

х БННЬЕ

нРБЕРШ Х ЙНЛЛЕМРЮПХХ:

[яРСДЕМРВЕЯЙХИ тНПСЛ] [мЮВЮКН] [мЮОХЯЮРЭ нРБЕР]

[оПЕДШДСЫЕЕ ЯННАЫЕМХЕ] [яКЕДСЧЫЕЕ ЯННАЫЕМХЕ]

Охуеть просто. Пытаюсь изменить кодировку – не помогает. Ладно, следующий результат.

"Всё заебалю... пиздец на хуй блядь (с)Л. - [high.ru forums](http://high.ru/forums/)"

"Показать найденные слова"

Topic: Всё заебалю ... пиздец на хуй блядь (с)Л.

futur

Member

Posts: 114

From:

Registered: Aug 2001

posted 10-01-2001 03:01

то ли зимняя депрессия, то ли 4 дня без травы сказываются, а может просто пятна на солнце... короче почему то АПАТИЯ жуткая. вы мне вот чего скажите, я один такой притупевший или нет?

Все равно не то. Ладно, надо работать. Или делать вид, что работаю. На часах – четыре минуты третьего. Еще почти пять часов сидеть здесь. Еб твою мать.

www.vladimir-kozlov.com
www.facebook.com/vvkozlov
www.vk.com/v_v_kozlov